

ФИЛИН С ЖЕЛЕЗНЫМ КРЫЛОМ

КОГДА
ТЬМА —
ЧАСТЬ
ТЕБЯ

АННА
МИРОВИЧ

Annotation

В мире, лежащем на спине Великого Кита, каждый год приносят в жертву двенадцать девушек, чтобы избежать катастрофы. Подземелье пирамиды Ауиле поглощает их жизни. Святые. Мученицы. Спасительницы мира. Так их называют.

Одной из избранных становится Антия, бывшая принцесса Таллерии. И ей нужно выжить, чтобы вернуть себе корону отца.

Помочь в этом может только Верн, филин-оборотень, который однажды прошел через подземелье и отыскал путь назад. Но его тайны гораздо темнее, чем кажутся.

- [Анна Минович](#)

- - [I](#)
 - [II](#)
 - [III](#)
 - [IV](#)
 - [V](#)
 - [VI](#)
 - [VII](#)
 - [VIII](#)
 - [X](#)
-

Анна Минович

Филин с железным крылом

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Минович А., 2021

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2021

* * *

Я люблю романы-путешествия – из них никто уже не вернется прежним, ни герои, ни читатели. Эта книга – прекрасный и завораживающий вариант такого путешествия. Вы готовы рискнуть?

*Елена Булганова, автор циклов «Вечники»,
«Навия», «Инсомния»*

I

Двенадцатая жертва

Что было, кроме тьмы? Антия не знала.

Это был сон – но она не могла сказать наверняка.

Когда во мраке что-то пришло в движение, Антия даже обрадовалась. Она с детства боялась темноты – с того позднего вечера, когда Бриннен, один из офицеров королевской охраны, уводил ее через беспросветный подземный ход из дворца, захваченного мятежниками. Тогда Антия цеплялась за его сухую твердую руку и ей казалось, что откуда-то сверху долетают голоса отца, матери и брата, которых убивали в их спальнях.

Тьма спасла ее. Но Антия до сих пор не могла справиться со страхом. Он всегда оставался рядом с ней.

Вокруг клубился мрак – но вот в нем затеплились едва заметные зеленоватые огоньки, как над старыми могилами. Антия увидела каменную плиту и лежащего на ней человека. Бледная кожа была усеяна причудливыми татуировками, длинноносое некрасивое лицо казалось торжественным и строгим, и в его чертах было что-то, делавшее его похожим на хищную птицу. Человек шевельнулся, просыпаясь, и Антия испугалась, что сейчас он увидит ее. Почему-то она была уверена, что тогда ее не ждет ничего хорошего.

Человек сел, медленно провел ладонью по черным волосам. Тотчас же зеленоватый сумрак пришел в движение: к плите выбежали люди в зеленых халатах, которые могли быть только слугами, – слишком уж угодливо они склонялись в поклоне, слишком уж торопливо помогали человеку на плите подняться. На острые плечи лег темный плащ, и Антия готова была поклясться, что через мгновение он превратился в крылья. Она увидела, как дрогнули сверкающие перья и по ним побежали искры.

– Пора, владыка! – зашелестели голоса со всех сторон. – Пора!

– Я слышу, – глухо откликнулся человек. В его голосе Антии послышался шорох сухих ветвей и опавших листьев. – Я уже здесь.

Он открыл глаза, и прямо в лицо Антии заглянула черная пустота. Нахлынул ужас, такой густой, что она перестала дышать.

«Проснуться», – приказала себе Антия и не смогла. Человек смотрел ей в лицо, и его взгляд был словно прикосновение холодных пальцев к коже.

Так могла бы смотреть смерть.

– Владыка Ардион, пора! – услышала Антия еще один голос. В нем за решимостью звучал страх. – Все пришло в движение.

– Я знаю, – отозвался Ардион и наконец-то перевел взгляд в сторону. Антия вздохнула. – Я готов. Когда Солнечный Кормчий сбросит демонов с неба, мы сможем их встретить.

И Антия наконец-то смогла проснуться.

За окнами шумел сад. Пахло свежей землей и водой – недавно прошел дождь, и последние капли еще стучали по подоконнику. Антия выскользнула из-под тонкого домотканого одеяла и выглянула в окно. Над городом вставал свежий рассвет, но все еще спали. Не звали на завод гудки, не ворчали на дорогах мобили, не трещали ставни, открывая витрины магазинов и банков. Только лениво плыли в небе спасательные дирижабли, да над ступенчатой пирамидой Ауиле курился легкий дымок.

Жрецы всегда бодрствуют. Их молитвы держат Великого Кита на плаву, и он не ныряет в Мировой океан, чтобы уничтожить людей.

Вот только иногда этого недостаточно. Иногда Кит приходит в движение, и тогда трясутся города и страны на его спине, и надо выбирать жертв, чтобы все стало по-прежнему.

Антии казалось, что она все еще чувствует на своем лице чужой взгляд. Она вздохнула, похлопала себя по щекам и пошла умываться.

«Спится и снится». Дядя Бриннен всегда это говорил.

Приведя себя в порядок, Антия отправилась одеваться. Когда-то она носила пышные платья из дорогих тканей и украшения на шее и в волосах, как и полагается принцессе, и все это невероятно раздражало. Прикосновения рук нянь и служанок, которые ее одевали, заставляли Антию ежиться – няня, помнится, всегда качала головой и приводила в пример других девочек, которые любят шелк и бархат, а за такие золотые браслеты душу бы продали. Антия всегда мечтала, что однажды сбросит эти побрякушки и тряпье и будет жить по-своему: вот и сбылась ее мечта, пусть и не так, как ей хотелось. Теперь Антия носила простую светлую рубашку, штаны и жилет. Сандалии сменили туфельки на каблучках, и так было намного удобнее.

Заплетя пушистые каштановые волосы в простую косу с зеленой лентой, Антия бросила последний взгляд в старое темное зеркало. Отражение напомнило сказочную русалку в зеленоватой воде, и Антия вспомнила, как мама говорила, что брови надо будет выщипывать, а на щеках не должно быть ни капли румянца. В конце концов, ее дочь принцесса, а не простолюдинка. Но брови Антии не знакомы с щипчиками, глаза сверкают энергично и весело, а на щеках и носу, которые давно забыли о том, что такое пудра, щедро рассыпаны веснушки. Да, ей далеко до настоящей принцессы.

Подмигнув своему отражению, Антия спустилась по скрипучей лестнице на первый этаж, в тесную кухоньку, пропахшую специями, и принялась варить кофе в старой джезве. Выходило солнце, несло новый день и новые заботы. Глядя на язычки огня, она думала о том, что сегодня надо было сделать. Перво-наперво забрать лекарства для дяди Бриннена в алхимическом квартале. Врач сказал, что проблемы с почками могут плохо кончиться, поэтому денег жалеть нельзя. Потом сбегать на рынок и решить, что можно купить на семь серебряных львов. Потом...

Антия выключила горелку, сняла с крючка свою чашку и, плеснув кофе, подумала, что все могло быть по-другому, если бы ее отец-король внимательнее выбирал себе друзей. Мать была бы жива. Брат был бы жив. А она сама не работала бы помощницей в следственном агентстве, а, допустим, училась бы в университете. Принцессы из новой династии учатся.

Но о каких университетах может идти речь, когда семь серебряных львов надо растянуть на неделю?

Антия давно забыла о своем прошлом, но раз в год, весной, на нее вдруг накатывала тоска.

Антия выделяла на нее ровно четыре минуты, а затем брала себя в руки и шла работать.

Почему-то кофе сегодня горчил. И ощущение чужого взгляда не пропадало.

Владыка Ардион. Солнечный Кормчий и демоны с неба.

Антия так и не могла понять, почему ей до сих пор настолько страшно.

Данк Джаккен, хозяин детективного агентства, был настолько жирен, что Антия иногда задавалась вопросом, как у него получается проходить в двери. На последней войне он получил две пули в грудь, медаль за отвагу и привычку говорить исключительно матом. Антия давно привыкла, что в речи начальника цензурными были только предлоги и союзы.

– Так вот, сейчас поезжай в Мелатон, – мысленно перевела она распоряжение Джаккена на обычный язык. – Найдешь там кабачок «Свинья и сковорода», в кабачке будет сидеть Папаша Хенрик. Он уже два дня там обедает, значит, и на третий явится. Здоровила такой, бородачица рыжая. Поинтересуйся у него, когда он, скотина такая, перестанет прятаться от жены и детей. Если начнет, кидай метку. Он долго умудрялся скрываться от заказчиков, а я его наконец-то вычислил.

Антия кивнула. Она уже успела забрать лекарства и купить на семь серебряных львов два больших пакета с крупой, овощами и тощими курами и теперь была готова к подвигам.

– Поинтересуюсь, – ответила она. – Брошу. Деньги?

Джаккен недовольно закричал и швырнул ей монетку. Антия ловко поймала ее на лету. Надо же, золотой лев. Вряд ли Папаша Хенрик просто прячется от своей законной мегеры, ой вряд ли.

– Экая ты меркантильная, Антия, – буркнул Джаккен. – Вся в родителя своего, тот тоже с народа шерсть срезал вместе с мясом.

Антия подбросила монету на ладони и холодно пригрозила:

– Сейчас сам туда поедешь, понял?

Джаккен только махнул жирной рукой.

– Иди давай уже. Вот народ, шаг по монете, нет бы из уважения...

Антия выскользнула на улицу и, показав кукиш грязной двери с покосившейся вывеской, двинулась в сторону Мелатона. Она всегда вздыхала с облегчением, когда выходила из тесного кабинета Джаккена, где нечем было дышать от пыли, а папки с завершенными делами громоздились неаккуратными стопками, которые так и норовили свалиться на голову. Можно было бы нанять маршрутный мобиль, но Антия решила сэкономить. Да и вряд ли кто-то захочет

ехать почти из центра в криминальный район, где могут прирезать просто за косой взгляд.

Конечно, ей очень повезло. Новый государь знал, что принцесса сбежала, знал, где и с кем она живет. Раньше Антия поражалась тому, почему ее оставили в живых – потом дядя Бриннен рассказал, что незадолго до переворота Эвион поклялся перед Небом, что если победит, то никогда и никого не казнит – даже детей прежнего короля.

Он лукавил, конечно. Если бы Антия не смогла сбежать, ее бы убили точно так же, как родителей и брата. Но зачем пачкать королевские руки, когда жизнь в трущобах сама расправится с Антией – мало ли таких девчонок умирает по темным углам от болезней, грабителей и насильников?

Но они живы. Это хорошо. Антия не забывала напоминать себе об этом.

По меркам Мелатона «Свинья и сковорода» была вполне пристойным заведением. Антия скользнула в двери, нырнула в облако запахов старого масла, сивухи и жареной картошки и увидела угрюмого типа с рыжей бородой венником, который со знанием дела расправлялся со стейком. Одного взгляда хватило, чтобы понять: тут обязательно будут проблемы, и не просто так Джаккен расщедрился на орла.

Антия подошла, не дожидаясь приглашения, села за стол и спросила:

– Ну что, папаша? Детки плачут, жена домой ждет, а ты?

Нож, которым Папаша Хенрик пластал стейк, вонзился в столешницу с такой скоростью, что Антия даже не успела испугаться: просто подумала, что он отсек ей палец. Лезвие вошло аккуратно между указательным и средним пальцами; Антия убрала руку и поинтересовалась:

– Ты со всеми такой резкий, Папаша?

– Передай тем, кто тебя послал, – Папаша Хенрик с усилием вынул нож из стола и снова принялся резать мясо, – чтобы больше не посылали. Я ушел от всех дел. Зелья больше не варю. Всем остальным буду совать этот нож в правый глаз.

Вот, значит, как. Антия подумала, что Папаша Хенрик промышлял изготовлением наркотиков. Детки – это потребители, а жена – главный заказчик. Джаккен никогда не говорил прямо.

– Извини, – развела руками Антия. – Это моя работа. Ничего личного.

Она бросила метку быстрее, чем Папаша Хенрик вонзил нож в столешницу. Зеленое пятнышко расцвело над головой Хенрика – магический знак, который всегда будет показывать, где находится человек. Его никак не смыть и не уничтожить. Теперь Хенрику не спрятаться: те, кто его ищет, уже заметили его и встали на след.

В следующий миг Антия уже выбегала из кабака – Папаша Хенрик, грохоча сапожищами, несся за ней. Метку не удалить. Ему просто хотелось выместить злобу на Антии, пока его не взяли. Она помчалась по улице, перепрыгнула через клумбу, вбежала в арку покосившегося трехэтажного дома, вырвалась в проулок.

– Стоять, тварина! – донесся из-за ее спины рев, и брошенный нож, захваченный из «Свиньи и сковороды», царапнул Антию по плечу.

– Ага, сейчас, – выдохнула она и лишь прибавила ходу. Дядя Бриннен научил ее бегать вот так, как желтая антилопа: не теряя скорости, не уставая, контролируя дыхание и биение сердца. А вот Папашу Хенрика никто бегать не учил, и постепенно он стал выдыхаться. Антия обогнула старуху с металлическим ящиком, которая продавала горячие пирожки, и услышала грохот и брань: Папаша Хенрик врезался в продавщицу и ее товар.

Вот и замечательно. Упал – отстал.

Антия еще попетляла по городу, убедилась, что за ней больше не гонятся, и дальше пошла уже спокойно. Задание выполнено. Можно не торопиться.

Вскоре угрюмые домишки Мелатона, которые смотрели на мир мутными бельмами окон, остались позади. Антия вышла в Хорнтон, приличный район с большим парком, банками и магазинами, и побрела мимо витрин, рассматривая товары. Вот ювелирный, и его витрина похожа на сказочную пещеру с сокровищами. Вот магазин модной одежды: и как, интересно, можно ходить в платьях с такими шлейфами и бантами? Должно быть, можно: это место не жаловалось на недостаток покупателей, вот они входят с горящими от нетерпения глазами и выходят с бумажными пакетами в руках. А вот ларек с горячей едой – банковские клерки покупают мясо с овощами в лепешке и с важным видом обсуждают сделки. Они всегда забавляли

Антию: черные костюмы с белыми рубашками делали их похожими на пингвинов. Она остановилась возле пузатой тумбы, на которую мальчишки приклеивали огромный плакат. «День спасительниц» – красные буквы так и бросались в глаза.

Кажется, сердце пропустило удар. «Как я могла об этом забыть?» – устало подумала Антия.

Мир людей лежит на спине Великого Кита, который замер на поверхности Мирового океана. Но иногда Кит все-таки приходит в движение. Антия помнила, как десять лет назад, незадолго до убийства родителей, Кит проснулся и вздрогнул – тогда половину столицы разметало по камешку, и от левого крыла дворца, с его прекрасными статуями, высокими окнами и башенками, остались только развалины.

Каждый год жрецы отбирали двенадцать девушек, чтобы отправить их в подземелье. Когда двенадцать жертв сходили по ступеням вглубь пирамиды, Великий Кит принимал их, и его сон делался глубже. Он не погружался в океан, не плыл, не вздрагивал. Двенадцать дев спускались в подземелье и гибли, чтобы все остальные могли жить.

Святые. Мученицы. Спасительницы мира.

Антии было шестнадцать. Ее еще могли отобрать для церемонии.

Она медленно побрела дальше, стараясь отвлечься. Да, близок очередной день искупления. Да, жрецы снова выберут двенадцать дев – и их родители потом будут жить в богатстве и славе. Как же, семья святой, которую отправили во мрак. Да...

«Нет, – подумала Антия, словно кто-то мог ее услышать. – Нет, я не могу. У меня дядя Бриннен, он же останется один. И там совсем темно».

– Куда прешь! – закричали справа. Антия шарахнулась в сторону – задумавшись, она не заметила, как сошла на мостовую и едва не попала под колеса маршрутного мобиля. Водитель высунулся, погрозил ей кулаком – Антия скорчила ему рожу и пошла дальше. Через несколько кварталов будет синема – недавнее удивительное изобретение. Ни капли магии, только движущиеся картинки на белой ткани экрана: пару недель назад они с дядей Бринненом ходили смотреть фильм, и Антия заорала от страха, когда прямо на нее выехал поезд. Она почти сразу же поняла, что это просто живая картинка, и ей

до сих пор было стыдно вспоминать свой тогдашний страх. У нее есть деньги и время, можно было зайти и посмотреть новый фильм.

Правой руке вдруг сделалось горячо. Антия опустила глаза, уже зная, что увидит, и не веря в это. Золотые линии проступали на загорелой коже, перечеркивали просвечивающие полоски вен – на запястье расцветала метка жрецов. Такая же сейчас проступала сквозь кожу у еще одиннадцати девушек по всей Галлерии.

– Нет... – бессильно выдохнула Антия. – Нет, пожалуйста, нет. За что?

Мальчишки, которые наклеивали плакаты, обернулись на нее.

– Джен, ты глянь, – оторопело пробормотал один. – Выбрали уже! Святая!

Сердце Антии рухнуло куда-то во тьму. Глазам было больно смотреть. Она принялась отчаянно тереть по метке – понимала, что ее не счистить, но не могла остановиться.

Неужели это все? За что?

Антия хотела заплакать, но слез не было.

– Святая, – повторил второй мальчишка и проворно опустился на колени.

Антия добралась до дома через час. Запястье жгло, она все терла и терла метку, и люди, которых она встречала на пути, благодарно кланялись ей. Кто-то дотронулся до края одежды. Кто-то вставал на колени. Кто-то подвел круглощекое малыша для благословения, и Антия отшатнулась от него, как от чумного.

– Святая! – услышала она, и слово хлестнуло ее, как кнут. На мгновение Антию накрыла злость. Они-то все останутся живы. Эта женщина так и будет продавать яблоки, эти дети в дорогих костюмчиках так и будут гулять со своей нянюшкой, этот молодой клерк так и будет полировать свой мобиль в свободное от службы время.

А ее бросят во мрак, чтобы мир устоял. О ней забудут, как только закончится церемония.

Метка не стиралась.

Возле дома Антия увидела несколько мобилей с королевскими гербами на дверях – черные, сверкающие, они были похожи на притаившихся хищников. Уже пришли. Быстро же.

На негнущихся ногах Антия поднялась по лестнице, толкнула дверь и услышала:

– ...мы обеспечим вас всем, что понадобится. Новые протезы, я полагаю? Дом получше? Мобиль? Министерская пенсия?

В доме было не протолкнуться. Какое-то время Антия видела только черные с золотым мундиры чиновников. Вот за спинами мелькнул алый язык жреческого одеяния – и эти тоже здесь. Пришли забрать жертву.

– Да, это не помешало бы, – Антия даже удивилась тем ноткам, которые прозвучали в голосе дяди Бриннена. Это говорил офицер, прошедший войну, а не жалкий калека, который пересчитывал монетки, чтобы дотянуть до очередного скудного пенсионера. – Когда Антию заберут?

Алая мантия шевельнулась, и все люди, набившиеся в комнату, обернулись и, увидев Антию, опустили на колени, склонив головы. Антия видела, какие почести оказывают святым девам, но никогда не думала, что окажется на месте одной из них.

Дядя Бриннен остался стоять. Седой, угрюмый, долговязый, с глубоким шрамом на смуглой щеке, он опирался на трость, и было видно, что ему тяжело и горько. Антия не поняла того взгляда, которым он смотрел на нее.

– Здравствуйте, Антия. – Жрец был молодым, но, судя по количеству браслетов на руках, уже успел занять очень высокое положение. Возможно, именно он толкнет Антию в спину, отправляя в подземелье. Антия почти чувствовала его холеную тонкую руку у себя между лопаток. – Мы рады восславить одну из избранных дев, которая спасет наш мир. Наша благодарность вам невыразима. Ваш великий подвиг навсегда останется в наших сердцах.

В носу защипало. С каким удовольствием Антия сейчас сгребла бы эту алую ткань, тряхнула бы этого служителя Неба и прошипела в его светлокжее равнодушное лицо: «Я жить хочу, сволочь ты такая! Жить, а не подыхать во тьме!»

Дядя Бриннен мазнул пальцем по кончику носа. Это был их давний знак: делай вид, что все в порядке, я знаю, как нам быть.

«Ничего ты не знаешь, дядя Бриннен», – с горечью подумала Антия и сказала с тем королевским достоинством, которое все-таки умудрилась сберечь за годы жизни в трущобах:

– Это неожиданно.

Жрец прикрыл глаза. Кивнул.

– Я понимаю, Антия. И во многом разделяю ваши чувства. Эвион, владыка Таллерии, не оставит вашу семью. Ваш воспитатель до конца своих дней будет обеспечен всем необходимым. Он разделит все почести, которые полагаются вам.

– Они не вернут ему ноги, – сдержанно ответила Антия. – Я сейчас хочу побыть со своим дядей, если вы не против. Когда все начнется?

Она вдруг подумала, что столько людей приходит потому, что избранная дева может начать сопротивляться и ее понадобится вразумить чем-нибудь тяжелым поперек спины. Вряд ли есть те, кто с песнями отправляется по ступеням во мрак, – значит, придется применить силу.

– Через три дня, – произнес жрец. Антии показалось, что он вздохнул с облегчением. – Завтра утром за вами приедут, чтобы забрать в пирамиду Ауиле и подготовить ко дню Искупления.

Дядя Бриннен кашлянул, привлекая к себе внимание, и поинтересовался:

– Что будет, если Антия пройдет подземелье до конца и вернется?

Улыбка разрезала лицо жреца. «Пусть надеется, – словно бы говорила она. – Никогда нельзя отнимать надежду, хотя все мы понимаем, что жертва не вернется. Жертвы никогда не возвращаются».

– Если дева проходит подземелье и выходит из ворот на Белых скалах, – ответил он, – то ее благословляет само Небо. Она получит все, что пожелает, и никто не посмеет ей отказать, чего бы она ни попросила.

Дядя Бриннен снова почесал кончик носа.

– Я понимаю, – кивнула Антия. Конечно, она пройдет подземелья! Кто же может в этом сомневаться! Ей хотелось выть от страха. – Оставьте нас, пожалуйста.

Гости отнеслись к просьбе с пониманием и ушли.

Когда мобили отъехали от дома, Антия наконец-то смогла вздохнуть глубже. Цепи, словно обхватившие ее, на какое-то время

ослабили хватку. Дядя Бриннен со вздохом обнял ее, она уткнулась лицом в его грудь и отчетливо, до сердечной боли поняла, что это конец.

Три дня.

Все.

– Ну будет, маленькая, будет, – мягко проговорил дядя Бриннен, глядя Антию по голове. От его клетчатой рубашки пахло табаком и дешевым мылом. – Ты хорошо разобрала, что он сказал? Дева, которая пройдет подземелье до конца, получит все, что пожелает. Ты вернешь себе корону своего отца, слышишь?

Антия отстранилась, удивленно посмотрела ему в лицо. Бредит? Вроде непохоже.

Какая корона ее отца? Ей осталось жить три дня!

– Подземелье, дядя Бриннен, – прошептала она. – Никто оттуда не возвращался. Никто. И я тоже не вернусь.

Дядя Бриннен лукаво улыбнулся – так, как улыбался, когда показывал маленькой Антии теневые силуэты на стене их прежней квартиры.

– А я знаю человека, который их прошел, – произнес он. – И этот человек нам поможет.

Яблоневый сад шелестел листвой, кружевная тень лежала на траве, в ветвях беспечно щебетали птицы. Между деревьями растянулся гамак, и с дорожки было видно, что лежащий в нем человек занят делом. Золотое перо так и порхало в его руке, покрывая ровными строчками желтый лист блокнота. Шагая следом за дядей Бринненом, Антия слышала, как негромкий спокойный голос диктует:

– Здесь зима, над окнами моей камеры навис гребень сосуллек, и это все, что я могу видеть сквозь маленький квадрат окна. Знаешь, в этом месте я невольно задумался о том, как редко раньше смотрел по сторонам и видел настоящее: зиму, капли, что срываются с сосуллек, твои глаза...

Антия услышала усмешку. Похоже, незнакомец был собой доволен. Писатель, кажется. Если так, то он миновал подземелья

только в своих фантазиях.

Они подошли к гамаку, и Антия наконец-то увидела того, кто, по словам дяди Бриннена, прошел подземелья и вернулся. Кожа выглядела очень бледной, словно не знакомой с солнцем, растрепанные каштановые волосы, казалось, давно забыли, что такое ножницы парикмахера, правый глаз закрывала черная бляха на тонком шнурке, темную рубашку и такие же темные штаны во множестве украшали разрезы и металлические бляшки, делая одежду похожей на лохмотья, – в последнее время это вошло в моду среди молодых и обеспеченных жителей Таллерии. Лицо, вопреки общему разгильдяйскому виду, оказалось вполне располагающим и интеллигентным.

Брату Антии, Марку, сейчас было бы двадцать четыре. Хозяин сада и гамака выглядел его ровесником.

– Привет, Верн, – сказал дядя Бриннен. – Как поживаешь?

Верн отложил блокнот и перо в траву. Антия готова была поклясться: он не спускался в подземелья. Такие, как он, там не выживут – она успела повидать достаточно разных людей, чтобы научиться делать выводы. Люди, похожие на этого Верна, обычно проводят время в кабаках и опиумных курильнях, а не ищут приключений на изношенный организм.

– Привет, Бриннен, – улыбнулся Верн. – Пальцы ноют на погоду, хотя их уже давно нет.

Только сейчас Антия поняла, что вместо правой кисти у Верна стоял протез – намного лучше тех, что были у дяди Бриннена, – он почти не отличался от настоящей руки. Неужели Верн тоже был на войне?

Дядя Бриннен понимающе кивнул.

– Слышал о нашем несчастье?

Верн усмехнулся. Взглянул на Антию, и она вдруг почувствовала, что падает. Темно-серый глаз смотрел, казалось, в самую глубину ее души и видел то, что Антия скрывала от самой себя, все ее страхи и надежды, все ее мечты и всю боль.

Она машинально оперлась о теплый яблоневый ствол.

– Разве это несчастье? – спросил Верн. – Вон хоть на моих соседей посмотри. Выбрали девчонку. Она старшая, а кроме нее там еще десять ртов. Так она рада, поет и пляшет, говорит, что наконец-то

все они в люди выйдут и есть станут досыта. Ради такого и умереть не жалко.

Анття вдруг ощутила себя бесполезной и никому не нужной.

– Помоги ей, – попросил дядя Бриннен. – Ты ведь можешь.

Анття подумала, что им нечего предложить этому Верну. И сейчас он откажется, и они с дядей Бринненом пойдут домой, и вечером, когда Анття уйдет в свою комнату, он напьется на кухне в стельку и будет негромко петь о солдатах в плену, а Анття, наверное, все-таки сможет заплакать.

День выдался жаркий, но Антию начало знобить.

– Могу, – кивнул Верн, и Анття увидела, как резкое облегчение отразилось даже в позе дяди Бриннена. Он как будто даже стал выше ростом. – Но я не обещаю, что мы все-таки вернемся.

– Спасибо, – выдохнула Анття, и Верн улыбнулся.

– Надо же, она умеет говорить! Я еще не сказал, что помогу, ваше высочество.

Анття почувствовала себя бабочкой, приколотой к картонке. Холод, пронзивший ее живот, был таким жгучим, что она едва не вскрикнула.

– Я уже давно не «ваше высочество», – поправила она. – Вы правда спускались в подземелья?

Улыбка Верна стала еще шире. Антии казалось, что к ее лицу снова прикасаются невидимые пальцы, но сейчас это не было неприятно.

– Да, я спускался туда, – кивнул Верн. – Там не так темно, как кажется. Там много воздуха и зелени, и Солнечный Кормчий плывет по небесной лазури, и свет его лица заливают дворцы и лачуги...

Солнечный Кормчий? Анття нахмурилась.

– Вы знаете владыку Ардиона? – выпалила она. Неужели это был не просто сон?

В ту же минуту Верн вскочил с гамака и, сжав левой рукой лицо Антии, заглянул ей в глаза. Взгляд был обжигающим и таким яростным, что у Антии зашевелились волосы на голове. Так страшно ей не было, даже когда она бежала с дядей Бринненом по подземному туннелю.

Все в ней заледенело от ужаса. Антии казалось, что с ее губ срываются облачка пара, а сухие твердые пальцы вминаются в кожу,

словно в глину. Уши наполнил звон, и за страхом проступила злость.

– Эй! – Антия поняла, что дядя Бриннен схватил Верна за плечо, готовый в любую минуту вывернуть ему руку. – Что с тобой?

Какое-то время Верн еще сжимал щеки Антии, а затем оттолкнул ее от себя и выплюнул:

– Нет. Я с ней не пойду, Бриннен.

Дядя Бриннен оторопело посмотрел на него, словно не мог поверить в то, что услышал. Яблоневый сад растекся мягкими акварельными мазками, и Антия поняла, что все-таки смогла заплакать.

Вот теперь все кончилось. У нее больше не осталось надежды.

– Но... почему? – воскликнул дядя Бриннен, и его лицо исказила судорога. Верн смотрел на него с горечью и отчаянием.

– Нет, – произнес он. – Если Небо на ее стороне, она пройдет. А меня в это не втягивайте. Хватит с меня подземелий и черных птиц.

Верн тряхнул головой, сунул руки в карманы брюк и быстрым шагом двинулся в сторону дома – холодный, упрямый, какой-то неживой.

Антия села в траву, уткнулась лицом в ладони и разрыдалась.

Ему казалось, что над садом лежит тень. Темно-синяя тень летящей сипухи с золотыми проблесками у глаз и клюва. Вот она спускается ниже, и яблони уходят во мрак.

Когда незваные гости покинули сад, Верн снова лег в гамак, взял блокнот, но те пошлые слова, которые он обычно писал не задумываясь, куда-то ушли. Некоторое время он лежал, глядя, как по яблоневым ветвям скачет птичка, и вслушиваясь в пустоту в себе, а затем услышал:

«Хочешь подняться к солнцу? Крыльев-то хватит?»

Ардион говорил спокойно и уверенно, да он всегда и был таким. Старший брат, наследник, король. Кто бы посмел протянуть руку и отобрать то, что принадлежало владыке по праву? Верн не собирался этого делать. Его вполне устраивала *тихая и спокойная жизнь*, он никогда не искал приключений...

Правая рука снова начала ныть. Сколько уже ее нет? Пять с половиной лет прошло, а все ноет, и несуществующие пальцы зудят и пытаются сжаться в кулак.

Рассказать бы Ардиону о том, как он, калека, валялся в грязи столичных трущоб, как пытался украсть ломоть хлеба и загремел за решетку, как вышел оттуда, понимая, что идти некуда. Пожалуй, старшему брату понравилась бы эта история. Верн, бывало, слушал его с разинутым от удивления ртом.

Потому-то до сих пор и больно.

Прошло пять с половиной лет, а Верн все никак не мог отделить любимого брата от владыки, который лишил его руки.

– Верн!

Он обернулся: из-за забора выглядывал сосед, и был он уже настолько пьяный, что смотреть стыдно. Неудивительно – в этой семье такое было в порядке вещей, а тем более и повод нашелся. Не каждый день старшая дочь становится избранной девой.

– Чего тебе?

– А ты это... – Сосед икнул, наполнив яблоневый сад сивушным духом. – А ты это, иди, выпей с нами? – Он вдруг всхлипнул и мазнул грязной ладонью по лицу. – Доченьку же мою выбрали, в пирамиду пойдет.

«Тварь ты пьяная, – с неожиданным гневом подумал Верн. – Ты даже не понимаешь, какую именно дочь у тебя отнимут».

Он вдруг вспомнил, как познакомился с Бринненом: тот упал на улице, Верн помог ему, и они выяснили, что безрукий калека поднял безногого. Рассмеялись, разговорились, подружились – и вот Бриннен привел к нему Антию. Верн чувствовал, что этим все и закончится.

Кто она была Бриннену, эта Антия? Никто, просто девочка, которую он спас – потому что не мог не спасти. И вот она стоит – не юная принцесса, какой была бы, если бы головы ее родителей и брата не выставили на пиках у ворот дворца, а девчонка с растрепанной косой и в почти мальчишеской одежде, смотрит с надеждой, и за ее спиной вдруг раскрываются темно-синие совиные крылья.

– Верн, ты че? Что с тобой, брат? – Сосед удивился и, кажется, даже испугался. Похоже, Верн изменился в лице.

– Ничего, – буркнул он. – Ничего. Глазница болит.

Сосед понимающе кивнул. Протянул бутылку с тем, что гордо именовал домашним вином. Верн мог бы красить этой жидкостью забор или отчищать ржавчину, но ни в коем случае не пить. Но сосед в этом смысле был не робкого десятка.

– На, бедолага, поправься, – предложил он. – Полегчает.

Верн лишь махнул рукой и закрыл левый глаз. Не хватало от этого пошла потерять остатки здоровья. Сосед потоптался на месте, всхлипнул и решил не переводить добро на тех, кто его не ценит.

Верн до сих пор считал, что отец тогда просто пошутил – он был мастером на злые шутки, и Верн вроде бы привык к этому. И когда отец положил на его голову корону и золотой венец признал нового владыку, Верн понимал, что это шутка: дурная, очень глупая, но все-таки шутка. А вот Ардион так не думал.

И он не выдержал. Он просто сорвался, и синяя сипуха нанесла первый удар филину. Ну а кто удержался бы на его месте? Минуту назад ты был наследником по праву, никогда не делавшим ничего, что могло бы тебя как-то унижить или заставило бы усомниться в твоём статусе, и вот у тебя все-таки отняли то, что ты всегда считал своим.

Просто потому, что могли.

Верн поймал себя на мысли, что до сих пор оправдывает брата. Что, потеряв руку, по-прежнему старается найти те слова, которые помогли бы им помириться.

Что еще ему нужно потерять? Голову?

За забором заорали, послышался грохот: кажется, отец семейства свалился с крыльца. Заохала мать, захныкали дети – все это было настолько привычно, что Верну захотелось кричать. Такие концерты он наблюдал каждый вечер уже три года.

Что он вообще делает здесь? Пишет письма дурам, которые ждут любовников из заключения, потому что те сами и двух слов связать не могут, получая за это достаточно, чтобы не беспокоиться о протезах...

«Как ты низко пал, брат», – рассмеялся Ардион. Верну казалось, что он видит его в кружевной тени яблонь: темно-синяя мантия текла по траве, как туман, в вечернюю свежесть вплелась прохладная сухая нотка болотной травы. Ардион любил болота и уходил туда всегда, когда ему хотелось побыть одному. Отец, помнится, сердился. Солнечный Кормчий не любил болота, словно в них таилось нечто, способное ему навредить. Словно там была могила его врага.

«Солнечный Кормчий не любит ни одного из своих детей, – подумал Верн, будто Ардион мог его услышать. – Ты, я, Микелла – мы просто осколки его света в материальном мире. Плоть, которая в каком-то смысле оскверняет его сияние».

Он никогда всерьез не думал о том, чтобы вернуться. Слишком громко звучал в ушах хруст крыла, которое Ардион выламывал, задыхаясь от ярости, слишком ныли по ночам и в дождь шрамы на боку. Да и к кому возвращаться? К отцу, который стравил сыновей, чтобы посмотреть, что из этого выйдет? К сестре? Он даже не знает, где ее искать.

Птичка пискнула, прыгая над его головой. В траве возилась полевка: ее упитанное семейство жило здесь еще до того, как Верн поселился в доме, и он не стал их прогонять. Пусть себе живут, грызут клубни его нарциссов. Даже странно, что полевки не боялись филина, своего естественного врага, но Верн почему-то этому радовался.

Он никогда не хотел, чтобы его боялись. Он не нуждался ни в страхе, ни в преклонении.

Что сейчас делает Бриннен? Чем занята его воспитанница? Должно быть, плачут – что еще тут можно делать? Верн неожиданно подумал, что Антию выбрали не просто так. Отец надел на него корону потому, что не любил младшего сына и хотел избавиться от него чужими руками. На руке Антии появилась печать потому, что она сделалась опасной.

Ничего не случается просто так, это истинно для всех миров – Верн успел узнать это на собственной шкуре.

Он вздохнул и поднялся с гамака. Надо было лететь.

Вечером пошел дождь.

Спасательные дирижабли, которые висели над городом, казались рыбинами, плывущими через влажный сумрак. Если Великий кит двинется по океану, то люди бросятся к ним, станут карабкаться по веревочным лесенкам в рыбе брюхо. Когда-нибудь Кит прекратит движение, и дирижабли выпустят уцелевших на развалины городов.

Дядя Бриннен все-таки напился. Сейчас Антия слышала, как он сидит на кухне и негромко поет о солдатах, которые возвращались домой из плена. Пару раз пытались заглянуть любопытные соседи, но дядя Бриннен их прогонял с такой бранью, что Джаккену стоило бы у него поучиться.

– Дурак! – крикнула Мавга, булочница, которая продавала свой сдобный товар в пекарне на углу. – Счастье же, гордись! Вылезешь из нищеты этой окаянной, жить будешь как человек! Да и она жизнь за людей отдаст, не то что папаша ейный!

Дядя Бриннен взял свою старую палку и вместо ответа швырнул в булочницу. Попал.

Антии стало легче после того, как она смогла прорыдаться. Она успокоилась и не то чтобы приняла все, что должно с ней случиться, но стала думать о будущем уже без боли.

В конце концов, она должна была умереть восемь лет назад. Если бы не офицер-инвалид, которого держали при дворе из жалости и в качестве благодарности, Антия уже давно стала бы землей и травой рядом с родителями и братом.

Сможет ли ее душа вырваться из подземелий, когда все закончится?

Дождь шел все сильнее. Сидя у окна, Антия видела, как над пирамидой поднимается дым – жрецы охапками бросали в огонь травы и цветы, благодарили Небо за избранных дев. Антия знала, что много веков назад на вершине пирамиды вырезали человеческие сердца и швыряли на жертвенники. Когда она проходила мимо, по спине всегда пробегал холодок. Антии казалось, что в трещинах камней до сих пор сохранилась кровь.

Через три дня пребывания там избранные девушки войдут в парадные врата, минуют просторный зал Неба и увидят широкую лестницу, которая ведет во тьму. Дальше Антии было страшно думать. Дальше будут подземелье и черные ходы, которые ведут вниз, к Великому Киту.

Никто не знал, что бывает потом.

Ни одна девушка еще не поднялась на поверхность. Антия представила белые дуги костей, лежащие во тьме, и ее снова стало знобить.

Над улицей мелькнула птица. Антия всмотрелась – да это же филин! Но что у него с крылом? Она готова была поклясться, что правое крыло птицы металлическое – вон как сверкает. Филин сделал круг над их домом, опустился на крыльцо, и Антия услышала стук в дверь.

Ей представилось, как филин постучал клювом, и Антия чуть не рассмеялась.

Она открыла створку, высунулась из окна: на ступенях стоял человек. Филина не было.

– Кого там тьма принесла? – услышала Антия голос дяди Бриннена. Кажется, он искал еще одну палку, которой можно вытянуть по спине назойливого посетителя. Дверь открылась, и дядя Бриннен ахнул:

– Ты!

– Я, – ответил Верн. – Будем считать, что я передумал.

И Антия увидела, как в сумерках сверкнуло стекло бутылки вина.

Она бегом бросилась вниз, чуть не упала на неровных ступеньках и влетела в гостиную как раз тогда, когда Верн вешал плащ на крючок, а дядя Бриннен нес с кухни стаканы. Не говоря ни слова, Антия взяла бутылку со стола и решительно сказала:

– Хватит.

Она была готова к тому, что дядя Бриннен начнет спорить, но он лишь кивнул и поставил стаканы на каминную полку. Верн усмехнулся.

– Решительная девочка, ничего не скажешь.

– Вы мне можете помочь? – спросила Антия. Надежда прорастала сквозь ее душу, и Антия чувствовала, что почти готова взлететь. Верн кивнул, сел в кресло и осведомился:

– Откуда ты знаешь о владыке Ардионе?

Антия опустилась на продавленный диванчик рядом с дядей Бринненом. Верн с любопытством посмотрел по сторонам, словно попал в музей: Антия невольно подумала, что благовоспитанной барышне стало бы стыдно за скудную обстановку, за этот диванчик, шкаф, который отдали соседи, стулья, такие старые, что на них страшно садиться, – как же хорошо, что она не была такой барышней и не стыдилась честной бедности.

Ей все еще было не по себе от того, что ее сон оказался чем угодно, но только не сном.

– Он приснился мне, – призналась Антия. – Он сказал, что, когда Солнечный Кормчий сбросит демонов с неба, ему будет чем их встретить. А где филин?

Верн рассмеялся, плавно провел правой рукой по воздуху, и Антия увидела, как ее окутывает серебряная дымка, сгущаясь в сверкающие металлические перья.

Оборотень!

Верн снисходительно улыбнулся, снова повел рукой, и перья исчезли. Вместо железного крыла вновь появился протез. Антии захотелось дотронуться до его руки – она сама не знала почему.

– Я филин, – ответил Верн. – И это нам с тобой поможет. Завтра ты отправляешься в пирамиду, так? Три дня на подготовку, пост и молитвы, потом вниз?

Антия кивнула. Сейчас пирамида Ауиле почти не пугала ее. Страх отступил и улегся.

– Да. Утром.

Улыбка Верна сделалась еще шире.

– Хорошо. Что я получу, когда ты выйдешь из ворот на Белых скалах?

Антия пожала плечами. Мысль о том, что она может выжить и вернуть себе корону, казалась ей какой-то странной. Непривычной.

– А что вы хотите? – ответила она вопросом на вопрос. Верн нахмурился, задумался, но было видно, что его все это веселит.

Что могла ему дать девчонка из павшей династии? Что могла бы ему дать королева? Если он способен пройти подземелья и вернуться живым, то он сам возьмет все, что захочет.

– Мышь, – произнес Верн, и дядя Бриннен уставился на него так, словно гость издевался над ними. – Маленькую белую мышь.

Антия вопросительно подняла бровь – и вдруг вспомнила, что мама тоже так делала, когда была удивлена по-настоящему.

– Почему?

– Ну а что еще нужно филину? Маленькую белую мышь. Я не шучу.

– Вы их что, едите? – озадаченно спросила Антия. Верн прикрыл глаза.

– Да, бывает. Я же филин, что мне еще есть? Ну так что? Будет мне мышшь?

– Хорошо! – улыбнулась Антия. – Договорились.

– Впрочем, нам надо думать не о мышах, – сообщил Верн, смахивая со своего протеза невидимую пылинку. – Что будем делать, если тебя встретят у выхода вооруженные люди его величества?

А вот этого Антия не ожидала. И предположение Верна ей не понравилось.

– Думаешь, Эвион приложил руку к тому, что Антию выбрали? – нахмурился Бриннен. Верн пожал плечами.

– Почему бы и нет? До этого она была сопливой девчонкой, которая жила с калекой. Никому не нужная. Всеми забытая, – Антии показалось, что левый глаз Верна сверкнул расплавленным золотом. – Девчонок не сажают на трон. Но вот она растет, становится девушкой, и на ней, допустим, может жениться какой-нибудь данвигонский принц как на деве равной крови. И тут получается уже совсем другое дело.

Она не сдержала улыбки. Какой бы равной ни была их кровь, Антия слишком много времени провела в трущобах. Никакой принц не женится на той, которая ставила метки на преступников по заказу Джаккена.

За годы жизни в трущобах с дядей Бринненом и подсчитыванием, как лучше потратить семь серебряных львов, она почти перестала вспоминать о том, кем была. Все об этом забыли, и Антию это устраивало.

Но Эвион никогда и ничего не забывал. Он просто позволил ей жить до поры до времени, и люди считали его милосердным владыкой, который пощадил дитя и не стал преследовать сироту.

– Метки ставят жрецы по воле Неба, – произнес дядя Бриннен, но его голос звучал неуверенно. Верн махнул рукой.

– Я тебя умоляю. Почему в прошлый раз избрали дочь министра финансов? Сам поймешь или подсказать?

– Потому что ее отец настаивал на реформе, – сказала Антия. Верн кивнул.

– Я же говорю, умная девочка. И такую умную выбрали не просто так. Сгинет в подземельях – замечательно. Мертвая святая мученица гораздо лучше подрастающей живой проблемы. И я вновь

возвращаюсь к своему вопросу: что будем делать, если у выхода нас будут ждать не со знаменами и угощением, а с оружием?

У Антии даже в животе заныло от волнения.

– С чего ты взял, что данвигонский принц... – начал было дядя Бриннен. Верн улыбнулся.

– Так, летал, кое-что услышал. Данвигону давно нужны земли на юге. Принц Эдвиг женится на наследнице прежней династии, и в перспективе это объединит Таллерию и Данвигон.

– Кто ж ему позволит? – удивилась Антия. – Принц никогда не женится на девчонке с окраин.

Верн посмотрел на нее так, словно она понятия не имела, о чем говорит.

– С ума сойти, – дядя Бриннен рассеянно почесал бровь. – Но ведь никто не возвращался из подземелий. С чего Эвион будет караулить у выхода?

Верн выразительно воздел глаза к потолку.

– С того, что наш государь далеко не дурак, вот с чего. Так что будем делать?

Дядя Бриннен откинулся на спинку дивана и ответил:

– У меня остались надежные друзья. Мы будем ждать вас у Белых ворот. Если что – отобьем.

– Вот и замечательно, – сказал Верн и поднялся. – Что ж, до завтра, ваше высочество. Увидимся у пирамиды!

II

Путь в пирамиде

Антию забрали рано утром, едва рассвело. Обнимая дядю Бриннена на прощание, она разревелась, как ребенок, и плакала, пока мобиль вез ее по влажным после дождя городским дорогам. Выходило солнце, на улицах никого не было, но Антия чувствовала, как на нее смотрят сотни глаз из окон, как ее провожают, как молятся и благодарят.

«Я вернусь», – пообещала она. Глядя в окно, Антия искала летящего филина, но розовеющее небо было чистым и пустым. Должно быть, Верн еще спал.

Мобиль въехал в высокие ворота храмового комплекса. Кругом были кусты роз и пионов, в воздухе плыл тонкий сладкий аромат, и Антию стало мутить. Пирамида Ауйле возвышалась впереди черной громадиной спящего животного. Наверху кружился дымок. Слуга в красной мантии открыл дверцу, Антия вышла и увидела, что ее привезли первой.

Три дня молитв и поста. Потом спуск во тьму.

«Хватит с меня подземелий и черных птиц», – прозвучал у нее в голове голос Верна.

– Госпожа Антия.

Антия обернулась и увидела одного из слуг – тот согнулся в поклоне и прошелестел:

– Милостью Неба приветствуем святую у пирамиды Ауйле. Прошу за мной.

На улице показался еще один мобиль – везли новую жертву. Антия кивнула и послушно последовала за слугой. Они прошли мимо статуи Ауйле – фигуры мужчины, поднимавшего к утреннему небу шесть многопалых рук, – и оказались у гостеприимно распахнутых дверей изящного двухэтажного здания.

– Приют святых, – объяснил слуга. – Здесь девы проводят три дня до церемонии.

Антия понимающе кивнула. Они вошли в двери, миновали просторный зал и оказались в широком, ярко освещенном коридоре.

Слуга открыл одну из дверей и с поклоном произнес:

– Ваша комната, госпожа Антия.

Комната, светлая и тихая, чем-то напомнила Антии ее спальню во дворце. Надо же, она много лет не вспоминала о ней, а теперь вдруг вспомнила... И кровать почти такая же, и мягкий ковер на полу. Сколько девушек входили сюда, проводили здесь свои последние дни, плакали, молились?

На кровати лежало белое платье. Антия вздохнула и принялась переодеваться. Брюки, рубашка, удобная обувь на плоской подошве гораздо лучше подошли бы для похода в подземелье, особенно если надо бежать и сражаться. Антия не сомневалась, что там, во тьме, хватит и того, и другого. Но надо было надеть платье, больше похожее на ночную сорочку.

«Не привлекай к себе лишнего внимания, – сказал дядя Бриннен, перед тем как мобиль остановился у их дома и в дверь постучали. – Никто ничего не должен заподозрить. Не выделяйся, делай то же, что и все».

Антия была с ним полностью согласна.

Переодевшись, она выглянула в окно и увидела, как слуга ведет к зданию еще одну девушку. Вряд ли ей было больше четырнадцати. Маленькая, черноволосая, перепуганная. Антии сделалось холодно.

«У меня хотя бы есть шанс, – подумала она. – И помощник. А у нее никого».

Вскоре она услышала шаги в коридоре, хлопнула соседняя дверь, и из-за стены донесся плач.

Девушки прибывали. Одна из них показалась Антии смутно знакомой. Вроде бы она видела эту высокую блондинку на набережной – тогда эта девушка гуляла с друзьями, ела щупальца осьминога, накрученные на деревянную палочку, и ослепительно улыбалась.

Тогда она была королевой мира. А сейчас готовилась пожать руку смерти.

Двери в коридоре так и хлопали. Один раз Антия услышала крепкую ругань. Один раз кто-то запел.

Как бы она себя вела, если бы у нее не было надежды на помощь Верна? Тоже плакала бы в подушку...

Через несколько часов в комнату Антии заглянул слуга. Девушек повели к пирамиде на молитву.

Антия перестала молиться после смерти родителей, но сейчас просто следовала совету дяди Бриннена. Все молятся – и она будет послушно повторять нужные слова.

Возле входа в пирамиду ждали алые тени жрецов; Антия узнала среди них того, который приезжал в их дом. Девушки остановились, и вдруг сделалось так тихо, что Антии показалось, будто она слышит стук сердец всех избранных.

– Меня зовут Лефер, я главный жрец пирамиды Ауйле, – негромко представился вчерашний слуга Неба. Чуть покосившись на соседку, огненно-рыжую и злую, Антия заметила, как та скривилась с брезгливой ненавистью. – Мы приветствуем избранных дев, которые через три дня сойдут к Великому Киту и спасут наш мир от разрушения. Вечная слава и благодарность ждет вас. Мы не забудем ваш подвиг во имя людей. Небо примет вас, и великий Ауйле усадит избранных рядом со своим тронном.

– Да... я его трон! – рыжая говорила, выплевывая слова. От нее так и искрило болью и гневом. – Мы жить хотим, понял, ты? Жить, а не сдохнуть под землей!

– За себя говори, – подала голос одна из девушек, не давая жрецу вставить хоть слово. – У меня семья наконец-то заживет по-человечески.

Антия подумала, что это и есть та самая соседка Верна, чье избрание осчастливило ее родню. Бледная, курносая, со шрамом на плече, она выглядела по-настоящему счастливой.

– Вот и приведи сюда свою семью, и пинка им под!.. – всхлипнула рыжая. Ее лицо залилось румянцем, и Антии показалось, что она готова броситься в драку. – А я жить хочу! Я, между прочим, через год замуж хотела выйти!

Лефер вздохнул, подошел к девушке и обнял ее так, как мог бы обнять старший брат. Она ударила было его по плечу, а потом разревелась так громко и отчаянно, что у Антии сжалось сердце. Какое-то время Лефер просто гладил ее по голове, и Антия слышала, что он раз за разом повторяет имя:

– Гента. Гента.

Постепенно Гента успокоилась, отстранилась. Ей было невыразимо стыдно. Жрецы и слуги стояли алыми статуями, и на их лицах царило спокойное равнодушие. Неудивительно. Раз в год

пирамида Ауйле улавливает едва заметные колебания Великого Кита – затем она и была создана. Раз в год жрецы понимают: пора. Так было с самого сотворения мира и людей.

Сколько раз эти люди в красных одеяниях видели слезы и слышали крики девушек? Успели привыкнуть.

Антя почувствовала, как в ней нарастают злость и гнев.

– Никто не хочет умирать, – произнес Лефер. – Все хотят жить. Единственное утешение, которое нам доступно, – это то, что ваша смерть будет не напрасна. Вы не умрете от дизентерии с летней жарой. Вас не собьет мобиль какой-нибудь богатенькой дряни. Вас не укусит москит, вас не удушит легочная жаба. Вас не станет, да. Но этим вы дадите жизнь другим. Нет большей любви и большей чести, чем умереть за людей. Сам Ауйле сделал так.

Он так и держал Генту за руку. Девушка смотрела на носки своих белых туфель, и Антия увидела, как по ее щеке пробежала слеза.

«Хитрая ты сволочь», – подумала Антия. Почему-то Лефер казался ей похожим на владыку Ардиона.

– Давайте помолимся, – негромко предложил Лефер, и все опустились на колени.

День прошел в молитвах. Слуги вынесли к пирамиде металлические жертвенники, развели огонь, притащили охапки цветов и трав. Девушки послушно брали цветы, бросали их на жертвенник и повторяли за жрецами: «Очищаю свой путь... освобождаю дух... служу миру...» Антия пристально всматривалась в девушек, запоминая их имена: Бейла, та, которую привезли второй; Вильма, соседка Верна; Кетта, любительница осьминогов; Стелли, из очень богатой семьи, судя по прическе, ухоженным рукам и походке; Эльма, Вайни, Майра...

Через три дня для них все закончится.

– Что там, внизу? – не вытерпела Антия, когда жертвенники унесли. Раз уж их всех притащили сюда, они имеют право знать правду.

– Там, внизу – Великий Кит, – ответил Лефер. – Вы спуститесь по ступеням, которые когда-то проложил сам Ауйле, и попадете прямо к нему. Кит примет вас и снова погрузится в сон.

– А долго спускаться? – спросила Дина. От страха она была даже не бледной – серой. Антия подумала, что если так бояться, то можно умереть еще до начала церемонии.

– Несколько часов, – ответил Лефер, и Стелли тут же поинтересовалась:

– Это больно?

Жрец улыбнулся – едва уловимо.

– Уверяю вас, нет. Просто лестница закончится, и вы увидите Небо и зеленые сады Ауйле.

Антия хотела было полюбопытствовать, кто именно вернулся из пирамиды и рассказал, как все будет, но вспомнила совет дяди Бриннена и решила держать язык за зубами. Чем меньше на нее обращают внимание, тем лучше.

Впрочем, вскоре она убедилась, что быть такой же, как все, тоже нехорошо. Когда девушек повели на ужин, Лефер придержал Антию за руку и спросил:

– Вы сегодня молчаливы, ваше высочество.

У Антии что-то дрогнуло в груди.

– Я уже давно не «ваше высочество», – сказала она, понимая, что это сказано неспроста, и добавила: – Волнуюсь, как там дядя Бриннен.

– С ним все хорошо, уверяю вас, – улыбнулся Лефер. – Готовится к переезду, государь выделил ему дом на набережной. Через месяц назначена операция, получит протезы нового поколения.

Антия мысленно присвистнула. Расщедрился государь, ничего не скажешь. Старый инвалид, воспитавший святую деву, станет жить в лучшем районе города. Дядя Бриннен ни в чем не будет нуждаться до конца своих дней.

Эвион считал его муравьем, который пробежал по краю королевской мантии. Пусть себе бежит – он никогда и ничем не сумеет навредить.

– Жаль, что мы больше не увидимся, – вздохнула Антия. Лефер понимающе кивнул.

– Он ведь вывел вас по подземному ходу. Тогда, во время восстания Эвиона. Вы ведь боитесь темноты, правда? Неудивительно.

Вас, восьмилетнюю, тащили через эту тьму, а над вами убивали ваших родителей.

Ладони сделались ледяными и мокрыми. Антия покосилась на Лефера, стараясь сохранять невозмутимый вид.

Самое время вспомнить, что принцессы не плачут и не боятся, раз уж Антию снова называют «ваше высочество». Даже если рассказывают о ее главных страхах с таким непроницаемо спокойным лицом.

– Боюсь, – призналась она. – И все девушки боятся. Странно, если бы было по-другому.

Они остановились в сиреневой тени портика – в открытые двери Антия видела столовую: стол с белой скатертью и девушек, которые усаживались ужинать. Только сейчас Антия поняла, насколько проголодалась.

– Думаю, вы по привычке будете искать какой-то особенный ход, – едва заметно улыбнулся Лефер, и у Антии затряслись колени. Неужели он знает? Неужели он что-то понял или подслушал? Или у Антии на лице написано, что она нашла способ спастись?

– Не понимаю, о чем вы говорите, – прошептала Антия. Улыбка Лефера стала еще теплее. Светло-серые глаза потемнели.

– Да все вы понимаете, ваше высочество. Говорят, в последнее время в городе появилось много сов? Я часто вижу одну, которая летает над пирамидой.

Антия улыбнулась в ответ. Улыбка была как судорога.

«Он все знает, – плавало в голове. – Он все знает».

Откуда, Тьма его забори?

– Ну и что?

Лефер мягко погладил ее по плечу. Антия невольно дернулась в сторону; жрец придержал ее за запястье – вроде бы осторожно, но при всем желании не вырваться.

– Ваш пернатый друг вылетел из Белых ворот, – спокойно объяснил он. – И он прекрасно знает, как выглядит вход с этой стороны. И он готов помочь вам.

– А вы? – спросила Антия. Лефер не говорил бы об этом, если бы просто хотел ее смерти. Сейчас ему нужно было намного больше, чем очередная девчонка, которая сгинула во мраке под пирамидой. Конечно, о Верне знают. Если уж дядя Бриннен в курсе, то жрецы,

которым известна каждая трещинка в пирамиде Ауйле, тоже этого не пропустили.

Теперь будет торг. И Антия готова была торговаться.

– Разумеется. Я тоже готов вам помочь, – Лефер прикрыл глаза. – Конечно, если ваше величество не забудет обо мне, когда вернется.

Значит, Верн был прав. Антию выбрали не случайно, и Эвион понимал, что она может стать королевой, если выйдет замуж за Эдвигу Данвигонского.

«Выжить бы во всем этом», – устало подумала Антия.

– Я не забуду, – твердо сказала она. – Как именно мне вспомнить вашу доброту?

Лефер снова погладил ее по плечу, и от этого прикосновения по коже Антии пробежали мурашки.

– Не запирайте сегодня двери в вашу комнату, – произнес жрец. – И окно тоже оставьте открытым. У нас будет серьезный и долгий разговор.

Ужин был скудным. Кажется, маленький ломтик рыбы с соусом в окружении овощей должен был показать: девушек привели сюда, чтобы они спасали мир, а не набивали животы. Или во время спуска во мраке они должны были еле волочить ноги?

Ели в молчании. Антия быстро расправилась с содержимым тарелки и отправилась к себе.

Никто не сказал ни слова.

Над белыми розами и пионами сада уже сгустились сумерки. Пирамида казалась декорацией, вырезанной из бумаги. Антия постояла на ступенях, глядя, как над цветами летают толстые зеленые жуки, и побрела от столовой в сторону приюта святых. Многорукая статуя Ауйле смотрела на нее с сочувствием. «Две руки для труда, две для молитвы, две для утешения страждущих», – вспомнила Антия.

Она сама не поняла, как все изменилось. Вроде бы только что она смотрела на статую, и вот кусты и цветы, дома, пирамида, далекий шум города отступили и стерлись. Антия смотрела на угрюмый темный сад, заросший колючими кустами. Плиты дорожки давным-

давно никто не подметал, статуи покрывали языки мха. По земле тянулись ленты тумана.

Анття ахнула – она узнала одну из статуй. Эта девушка, Юнна, жила на соседней улице и спустилась во тьму под пирамидой в прошлом году. Она продавала овощи с лотка, и, когда ее избрали, Анття с облегчением подумала: не меня, на этот раз они заберут не меня.

Это кладбище?

Анття вдруг поняла, что уже не одна. Ардион неторопливо брел по дорожке, черное одеяние струилось за ним туманными крыльями, темные волосы были стянуты красным шнурком. Анття слышала, как в тумане падают капли, и умоляла, сама не зная кого: пусть он не заметит меня. Пусть он не почувствует.

В тот же миг Ардион обернулся и посмотрел Анттии в глаза.

Она застыла. Ужас, охвативший ее, был настолько леденящим и глубоким, что Анття перестала дышать. Кажется, сердце остановилось, покрываясь изморозью. Ардион смотрел так, словно ему загадали загадку и он должен был найти ответ. Анття хотела поднять руки, закрыться от его взгляда – и не могла.

Ардион улыбнулся. Анттии показалось, что она падает – далеко, глубоко, во тьму, к червям, крысиным ходам, корням деревьев.

– Как это грустно, – негромко произнес Ардион и, протянув руку, скользнул кончиками пальцев по ее щеке.

Анття закричала – прикосновение прожгло щеку до кости. Она опомнилась, увидела, что лежит на траве под розовыми кустами и пытается отбиться от кого-то невидимого. Щеку до сих пор пекло, и Анття не могла перестать кричать.

Где-то в стороне белой стайкой столпились перепуганные девушки, но Анття видела только темный сад, туман и черный силуэт Ардиона.

Он ее видел. Он ее ждал и знал, что она придет.

Кто-то подхватил Анттию на руки, быстро понес к распахнутым дверям в приют святых. Она не сразу поняла, что это был Лефер. Он почти бегом прошел через зал, слуги торопливо открыли перед ним дверь в комнату, и осторожно опустил Анттию на кровать.

– Что с ней? – незнакомый голос дрожал от испуга. – Припадок?

– Уйдите, – коротко приказал Лефер, расстегивая тяжелую серебряную брошь, скреплявшую ворот мантии. Когда ледяной алый шелк укутал Антию, она наконец-то смогла успокоиться. Видение словно отрезало от нее.

Все исчезло. Была лишь комната, далекие голоса в саду, легкий ветерок, что играл с занавеской. Лефер устало провел ладонью по шее, поправил воротник тонкой рубашки и, сев на край кровати, спросил:

– Прошло?

Антия дотронулась до лица, боясь наткнуться на свежую рану, но нет, кожа была чистой и гладкой.

– Прошло, – прошептала она. – Но он меня увидел.

Лефер скривился так, словно хотел выругаться и вовремя проглотил слова.

– Он видит все и всех. Такова его участь. Когда Солнечный Кормчий сбрасывает демонов с неба, владыка Ардион встречает их своей магией.

Антия подумала, что уже устала удивляться. Она села на кровати, натянув на себя мантию Лефера, и спросила:

– Вы и об этом знаете?

Лефер усмехнулся. Сцепил тонкие холеные пальцы на остром колене, оценивающе посмотрел на Антию.

– А как вы думаете? Жрецы Ауйле хранят пирамиду с начала времен. Неужели мы не знаем тех, кто смотрит на нас с другой стороны мира?

Ощущение было таким, словно Антию крепко ударили в лицо. Несколько лет назад, когда они с дядей Бринненом жили в трущобах на окраине, она дралась с мальчишками, и один из них однажды треснул ее в лоб. Впечатления были такими же.

– И что делать? – спросила Антия и услышала шум из сада. В тот же миг занавеска скользнула в сторону, и в комнату влетел уже знакомый филин с железным крылом.

Верн! Антии невольно стало легче. Филин приземлился на ковер, вздыбил перья, и его окутало серебристое сияние. Когда оно растаяло, Верн поднялся и, стряхивая с колен пылинки, сказал:

– У нас проблемы, как я вижу.

Антия невольно отметила это «у нас». Лефер кивнул.

– Владыка Ардион. У него есть связь с нашей избранницей, но я не понимаю ее природу.

Верн усмехнулся. Потер мочку уха.

– Такого раньше не было. Что ты видела?

Антия поежилась. Ощущение чужого взгляда вернулось и тотчас же ушло.

– Какой-то заросший сад со статуями, – ответила она. – И владыку Ардиона, он шел там, а потом увидел меня.

Верн хмыкнул.

– Да, есть у него такой чудесный садик. Когда понадобится, эти прекрасные девы оживут и выполнят его волю.

– Значит, мне не показалось, – сказала Антия. – Одна из них была похожа на Юнну, мою соседку. Ее забрали в прошлом году.

Она замолчала, нервным движением запустила руку в волосы. То есть избранные девушки не погибают? Ардион превращает их в каменные статуи, которые выполняют его приказы?

– Мы должны договориться, – напомнил Лефер. – Если ее высочество откажется, то у меня нет никакого интереса что-то делать.

Улыбка Верна была понимающей. Ему нужна была маленькая белая мышь. Что понадобится Леферу?

– Хорошо, – кивнула Антия, кутаясь в плащ жреца так, словно он был ее единственной защитой. – Что вы можете дать мне и что попросите взамен?

– Какая серьезная девушка, – заметил Лефер, посмотрев на Верна. – Мне нравится ее подход. Вы начнете спуск последней, ваше высочество. Это очень вам поможет, когда он закончится. Я расскажу вам, где тайник, – а там будет нормальная одежда, а не эти тряпочки. И оружие.

Так. Одежда и оружие – это уже хорошо. Такой поворот Антии понравился. Когда-то отец говорил, что во всем надо искать выгоду – что ж, сейчас эта мысль помогала ей не кричать от страха.

Антия до сих пор чувствовала пальцы Ардиона на своей щеке. В этом прикосновении было что-то от хозяйки, выбирающей мясо на рынке, и что-то еще, темное и глубокое, чего она пока не могла опознать. И от этого было жутко, так же как в туннеле, через который Бриннен выводил Антию из дворца.

– Спасибо, – кивнула Антия. – Что с меня причитается за вашу доброту?

Лефер сразу же сделался собранным и жестким. От него даже холодом повеяло.

– Свиток Аулле, подлинное слово создателя мира, – ответил он. – Он хранился в пирамиде, и одна из избранных девушек похитила его несколько веков назад. Сейчас он внизу. Вернете мне свиток – и все жрецы Таллерии станут вашими лучшими друзьями и поддержат всегда и во всем, когда вы начнете править. Вас, конечно, благословит само Небо, когда вернетесь, все склонятся перед вами и дадут все, что вы только попросите... – Лефер сделал паузу и добавил: – Но вам понадобятся верные друзья, даже не сомневайтесь.

– Друзья, чью верность я куплю, – Антия не удержалась от шпильки. Лефер кивнул.

– Разумеется. Так всегда бывает, только цена разная. Согласитесь, это правильно – заплатить тому, кто удержит Эвионову руку с ядом или кинжалом. Он ведь не захочет уступить трон даже святой избраннице Неба и будет искать способы избавиться от нее. А мы удержим его величество, и править вы будете долго, а жить счастливо.

У Антии заныли виски. Хотелось лечь, спрятать голову под подушку и заснуть – чтобы проснуться в их с дядей Бринненом домишке, сварить кофе и отправиться на очередное задание Джаккена.

Вот бы все стало по-прежнему! Но Антия понимала, что этого уже не случится, и озноб становился все сильнее.

– Ему можно верить, – хмуро сказал Верн, который, видно, оценил молчание Антии по-своему. Она кивнула.

– Да, конечно. Свиток и маленькая белая мышь. По рукам.

Лефер посмотрел на Верна, вопросительно подняв бровь.

– Мышь?

Верн улыбнулся.

– Я же филин, ты забыл? Что еще я могу попросить?

Лефер понимающе кивнул.

– Что ж, я рад, что мы договорились. Попробуйте отдохнуть, ваше высочество. У вас впереди трудные дни.

Антия несколько в этом не сомневалась.

Когда жрец и оборотень вышли на свежий воздух, Лефер негромко признался:

– Я не понимаю, что происходит.

Верн почесал кончик носа. Правый глаз под повязкой начало жечь.

– Ты ждешь, что я дам тебе ответ? – усмехнулся он. – Я и сам не знаю. Прежде ни у одного из нас не было связи с теми, кто живет в вашем мире.

Мужчины помолчали. Кажется, Лефер решил, что Верн что-то недоговаривает.

Пирамида Ауйле выглядела декорацией. Темная, грозная, она нависала над вечерним садом, и Верн вспомнил, что рассказывал отец: Ауйле, создатель жизни, построил эти пирамиды, чтобы запечатать проходы между мирами. Этаким саркофаг, который надежно хранит в своих глубинах дорогу туда, куда лучше не заглядывать.

Когда пять с половиной лет назад жрецы Ауйле нашли возле пирамиды окровавленного филина с оторванным правым крылом, то решили, что это обычная птица, над которой кто-то решил поиздеваться. Верн старался принять человеческий облик и не мог, не было сил. Слуги выкинули полумертвую птицу на свалку; потом Верн думал, что, если бы верховным жрецом тогда был Лефер, он бы понял, что дело нечисто. Он докопался бы до правды – как сделал это через несколько лет, когда острое чутье привело его к Верну.

«Я чувствую в вас магию, и она не наша. Кто вы? Не пытайтесь солгать, я пойму. Мне нужна только правда, пусть даже самая странная».

– Что это может быть? Попытка прорваться сюда? Экспансия?

Лефер не задавал вопросы – он размышлял вслух и приглашал Верна присоединиться к размышлениям.

– Экспансия невозможна, – качнул головой Верн. – Пришельцы начинают разрушать новый мир.

Лефер усмехнулся.

– Нам повезло, что ты этого не делаешь.

Верн кивнул. Подумал, что жрец никогда не поймет, каких сил это требует.

– Вы выбрали Антию не случайно, – произнес Верн. Лефер бросил в сторону взгляд, каким мог бы смотреть актер, играющий мошенника. Да он и был когда-то актером, этот главный жрец – потом в нем пробудилась магия и привела его в пирамиду.

– Нас об этом, скажем так, очень убедительно попросили, – ответил он. – И энергично интересовались случаями возвращения дев из пирамиды.

– А ты?

– А я ответил чистую правду. Ни одна из дев еще не вернулась. Такого не было за всю историю, – протянув руку, Лефер сорвал один из пионов и принялся задумчиво обрывать лепестки. – Нет, конечно, в эпоху государя Шона был случай возвращения, но ты сам понимаешь, что это просто легенда.

Верн кивнул. Государь Шон был легендарным владыкой Галлерии в незапамятные времена, и сослаться на него, как на историческую личность, было как минимум наивно. Хотя введенный им закон о вознаграждении вернувшейся всем, что она только пожелает, был незыблем.

Верну снова показалось, что над ними плывет птичья тень. Сипуха с золотой головой раскрывала темно-синие, почти черные крылья, и в огненных искрах на них ему чудились неразборчивые надписи, от которых веяло холодом.

– Как ты думаешь, может ли эта связь избранной девы с владыкой Ардионом быть простой случайностью? – спросил Лефер. Верн неопределенно пожал плечами. Он не верил в случайности. Жизнь давно приучила его к тому, что ничего в ней не происходит просто так.

Отец положил корону на его голову не затем, чтобы посмотреть, как у Ардиона побелеют глаза от ярости. Он хотел убрать одного из сыновей, вот и все.

«Чем больше я об этом думаю, тем слабее становлюсь», – подумал Верн и ответил:

– Нет. Это не случайность. Возможно, это ее королевская кровь, но... – Он остановился, глядя, как Лефер обрывает последние лепестки. – Раньше такого не было.

Лефер кивнул.

– Раньше туда не отправляли принцесс.

Верн невольно отметил, что жрец избегает смотреть ему в лицо. «Не ваша ли это работа?» – подумал он и, стараясь не подавать виду, осведомился:

– Тайник тот же?

– Да, как обычно, – ответил Лефер, и Верн ощутил его облегчение от того, что разговор пошел в другом направлении. Значит, тут действительно не все так просто. – Сколько продлится путешествие?

– Пару дней, не больше. Не хочу встречаться с родней.

– Принесите мне свиток, – сказал Лефер, и в его голосе проступили нотки, которых Верн, в общем-то, не ожидал. Сейчас с ним говорил не сообщник, а военачальник, отдающий приказ. – Государь Эвион всем уже надоел. Мы поможем принцессе Антии вернуть корону ее отца – и удержать ее на голове, конечно.

Короны, короны... Все всегда крутится вокруг них. Что, если Леферу и тем, кто за ним стоит, понадобилось надеть корону не на Антию, а на кого-то посильнее девчонки с окраин?

Верн усмехнулся про себя. Подарить Ардиону трон Таллерии – нет, ну бред же. Сделать Антию наживкой, которая выдернет его в новый мир? Это невозможно.

Но что-то грызло Верна, не позволяя отбросить эту мысль до конца.

Два дня прошли в молитвах и строгом посту. Чашка травяного чая утром и кусочек рыбы с овощами вечером – от такой диеты у Антии начало шуметь в ушах. Свободного времени, чтобы поговорить с товарками по несчастью, не оставалось: девушки вставали рано утром и до позднего вечера молились и бросали травы на жертвенник у входа в пирамиду.

Бунтарка Гента держалась с равнодушием марионетки, как и все остальные. Антия почти видела ниточки на ее запястьях. Надо молиться – и она послушно складывала руки. Надо класть на жертвенник очередной цветок – и она клала. Антия подумала, что среди этих цветов наверняка есть какие-нибудь дурманящие: вот

больше никто не кричит, не сопротивляется и не пытается сбежать. Все просто спокойно делают то, что должны, – и Антия тоже делает, и ее волнение притупилось и улеглось.

По вечерам, когда в доме стихали шаги и голоса, Антия слышала плач. Утром у девушек были бледные лица с мазками болезненного румянца и покрасневшие от слез глаза.

Верн больше не прилетал. У него, должно быть, нашлись дела поважнее и поинтереснее. Лефер смотрел на Антию так же, как и на всех остальных девушек, со спокойным сочувствием. «Хоть бы какую весточку от дяди Бриннена получить», – думала Антия, но, разумеется, посланий не приходило.

Родственники избранных дев не имели права на встречи и общение до отправки в пирамиду Ауйле. Антия всегда думала, что это невыразимо жестоко: знать, что твой родной человек еще жив, и не иметь возможности написать ему хоть слово, хоть букву.

Хотя родные Вильмы, должно быть, просто радовались. Антия знала, как обстоят дела в многодетных семьях на окраине. Мало того, что избавились от лишнего рта, так еще и озолотились, и выбьются в люди. Вильма, единственная из всех девушек, была хоть сколько-то живой. Кажется, ее искренне радовало то, что скоро все закончится.

Антия даже представлять не хотела, чем ее настолько измучила жизнь.

В день искупления девушек разбудили ранним утром. Ночью снова прошел дождь. Выйдя из здания и ежась от сырой прохлады, Антия слышала, как за оградой шелестят голоса.

Горожане пришли провожать избранных дев. Там был и дядя Бриннен – Антия не видела его, просто знала, что он пришел.

«Я вернусь, – пообещала она, словно он мог ее услышать. – Я обязательно вернусь».

Жрецы и слуги повели девушек к пирамиде. Высокие двери были открыты настежь, и Антия видела десятки ламп, заливавших зал Неба. Лефер шел рядом с Антией, и она услышала едва уловимый шепот:

– Идешь последней. Считаешь ступени и ведешь правой рукой по стене. Пятьсот пятая, выступающий камень. Нажимаешь, открывается тайник.

– Я поняла, – ответила Антия таким же шепотом. Лефер кивнул.

– Когда все начнется, держись справа.

Они вошли в зал Неба – огромный и совершенно пустой. Ни статуй, ни картин, лишь золотые светильники на стенах, и от этой пустоты на душе становилось холодно. Антия почувствовала, как за ней опустилась невидимая завеса, которая уже не выпустит девушек из пирамиды. Наверняка были избранные, которые сопротивлялись до конца, несмотря на дурманящие травы, – и завеса не давала им выйти. Возможно, и теснила к ступеням.

Далеко-далеко ударили в гонг. Девушек выстроили в ряд перед узкой лестницей, и Антия снова ощутила, как в ней просыпается ужас – липкий, знобящий, тот самый, который жил с ней уже восемь лет.

«Держаться справа», – напомнила она себе.

Лестница казалась распахнутой пастью. Гладкие ступени сверкали так, словно по ним никто не ходил с самого начала времен. Они убегали в темноту, и Антия почувствовала, как волоски на руках поднимаются дыбом.

– Сегодня мы провожаем вас в путь к Великому Киту, – произнес Лефер, и Бейла всхлипнула. – Пусть будет легка ваша дорога. Совсем скоро вас примет Ауиле и усадит рядом с собой в вечном блаженстве. Весь мир сейчас благодарит вас за ваш подвиг.

Он поклонился девушкам и с искренней горечью проговорил:

– Бейла, вы первая.

Бейла шмыгнула носом и медленно двинулась к лестнице. В своем белом платье она казалась покойницей, которая возвращается в могилу.

Лефер называл имена, девушки шли к ступеням, и Антия чувствовала, как у нее начинают неметь ноги. «Пятьсот пятая ступенька, – повторяла она, глядя прямо перед собой. – Пятьсот пятая».

Когда Лефер назвал ее имя, Антия поняла, что не может сделать и шага – все в ней окаменело от ужаса. Впереди была тьма. Видя ее замешательство, жрецы торопливо подошли и, подхватив Антию под руки, повлекли ее к лестнице.

Первая ступенька. Вторая.

Антия встрепенулась, опомнилась. Надо было взять себя в руки и вести пальцами по гладкому розовому мрамору облицовки, чтобы не пропустить тайник. Если она будет тратить время и силы на слезы и страх, то ничем хорошим это не кончится.

Чем ниже спускалась Антия, тем темнее становилось вокруг. Шаги девушек шелестели, таяли – Антии казалось, что впереди, там, где еще белело платье Майры, уже никого нет.

Сто шагов. Сто десять. Сто двадцать.

Тьма окутала Антию тяжелыми крыльями, и ей показалось, что она ослепла. Открывай глаза, закрывай – ничего не изменится. Не стало ни пирамиды, ни девушек, ни Великого Кита, который лежал далеко внизу. Антия снова бежала по подземному ходу, захлебываясь слезами и собственным ужасом, и Бриннен тащил ее за руку. Антия знала, что он лишился ног, когда разминировал один из домов во время войны, и, глядя на него, испытывала страх, смешанный со стыдом. А когда они спасались из дворца, стыд ушел. Ничего не осталось, кроме страха.

– Сто тридцать, – прошептала Антия, не отрывая руки от прохладного мрамора. – Сто тридцать один.

Она стала лодкой, плывущей сквозь тьму. Шелест шагов казался плеском волн. Во рту поселился кислый металлический привкус.

Когда во тьме за ее спиной появился кто-то еще и чужие пальцы сжались на левом запястье, Антия не закричала только потому, что осела на ступеньку, почти теряя сознание. Сердце, кажется, рухнуло куда-то в живот.

– Тихо, – мягко шепнул Верн. – Тихо, это я.

Антия выдохнула, рассмеялась и тотчас же зажала себе рот ладонью. Наверное, этот мрак никогда не слышал смеха. Верн помог ей подняться, и они медленно продолжили спуск, считая ступени.

«Я не одна, – думала Антия, чувствуя, как облегчение почти отрывает ее от земли. – Я все-таки не одна».

Кажется, именно сейчас она поверила в то, что сможет вернуться.

Двести девять. Двести десять. Верн молчал, осторожно придерживая Антию под локоть. Впереди кто-то вскрикнул – она подумала, что по пирамиде пробежит эхо, но не услышала его.

Триста восемнадцать. Триста девятнадцать. Мрамор под ладонью был теплым – на мгновение Антии показалось, что она дотрагивается до чьей-то кожи. Как далеко они уже спустились! Верн шел рядом, не говоря ни слова. Он, кажется, совсем не боялся. Антия не видела его, но чувствовала, что ему спокойно и весело. Еще бы песенку начал насвистывать!

Четыреста сорок два. Четыреста сорок три. Как странно, все они идут очень тихо. А если кто-то из девушек оступится и покатится вниз по ступеням?

Верн был рядом. Антия слышала его дыхание, и от этого становилось легче.

Пятьсот три. Пятьсот четыре. Пятьсот пять.

Выступ в стене ударил Антию в руку, она вскрикнула и скользнула по нему пальцами. Послышался едва уловимый скрип – открылась дверца.

– Отлично, – прошептал Верн, и Антия почувствовала, как он обходит ее, и слышала шелест и шорох – оборотень вынимал содержимое тайника.

– Вот, – в руки Антии уткнулся тряпичный сверток, и она нащупала шов. Штаны! – Переодевайся, время есть.

– Отвернись, – попросила Антия, встряхивая одежду и сбрасывая с ног туфельки. Верн рассмеялся.

– Здесь темно, если ты не заметила. Я тебя не вижу.

«Совы видят в темноте», – подумала Антия, но ничего не сказала. Быстро натянув штаны, похожие на те, что были в ее гардеробе, Антия стянула платье – Верн положил в ее руку тонкую рубашку. Последними были ботинки. Антия присела на ступеньку, чтобы зашнуровать их, и вдруг испугалась, что не сможет подняться.

– Верн? – тихонько окликнула она.

– Я здесь, – спокойно ответил Верн. – Ты стрелять умеешь?

– Нет.

– Тогда пистолет беру себе.

Он помог ей подняться, и они продолжили спуск. Антия по-прежнему считала ступеньки – просто для того, чтобы не кричать от страха, не думать о том, что она во тьме и стала тьмой.

Постепенно в воздухе поплыл запах соли. Спустившись еще на сотню ступеней, Антия поняла, что видит впереди белые силуэты девушек, и нет, это ей не мерещится. Вот проступают огненные кудри Генты, вот Бейла махнула рукой по лицу, стирая слезы, вот Стелли...

Подземелье с каждым шагом становилось все светлее. Теперь его наполнял новый звук – то ли распевался огромный хор, то ли стонали грешники. По спине бежали мурашки, тело охватывало какой-то липкой жутью. Антия видела розовый мрамор облицовки, видела свои

руки и ноги, и да, это в самом деле оказались ее штаны! Еще несколько шагов и...

Бейла закричала так, словно с нее живой сдирали кожу. Впереди разлился белый густой туман – девичьи фигурки рухнули в него, и Антия, чувствуя, как ступени уходят из-под ног, заорала во весь голос.

Она падала в туман, захлебываясь молочной прохладой и видя...

«Я сплю», – отчаянно подумала Антия, прекрасно зная, что не спит. Прямо под ней показалась такая же пирамида Ауйле, и Ардион, стоя на верхней площадке, раскинул руки, словно хотел обнять Антию после долгой разлуки. Рядом с ним застыли женщины – сверкающие черные маски закрывали их глаза, но Антия знала, что они прекрасно видят двенадцать девушек, падающих из облаков. Вот они одинаковыми движениями сдвинули маски, и их глазницы налились бледно-голубым светом.

«Когда Солнечный Кормчий сбросит демонов с неба...»

Бейла визжала, как козленок на бойне. Над пальцами Ардиона растеклось алое сияние, и Бейла, которая махала руками в поисках опоры, вдруг замерла. Антия увидела, как серые пятна расползаются по ее коже, как волосы, вздыбленные ветром, застывают аккуратными темными волнами, как статуя девушки в легком платье валится на пирамиду рядом с Ардионом и женщины в масках оттаскивают ее в сторону.

«Окаменела», – мелькнуло в голове, и Антия поняла, что уже не падает, а летит. Внизу мелькнуло зеленое кудрявое полотно – деревья тянули ветви, чтобы схватить ее, но Верн, который успел обернуться филином, уносил Антию в сторону от пирамиды и каменеющих девушек.

«Мамочка...» – всхлипнула Антия, и ее снова окутало тьмой. Последним, что она увидела, было лицо Ардиона – острое, некрасивое, побелевшее от гнева.

III

Каменные девы

Отправляя избранных дев в пирамиду, жрецы понимали, чем это закончится. За тысячи лет они узнали все секреты подземелий. Некоторые из них, самые могущественные, смогли даже заглянуть туда, где открывался новый мир, и посмотреть на его тайны.

Чего ни сделаешь, чтобы твоя собственная земля наконец-то обрела равновесие и устояла, не рухнув в океан. Великого Кита надо успокоить, спасти миллионы жизней – что рядом с этим какие-то девчонки?

Подхватив Антию лапой за предплечье, Верн работал крыльями. Немного к западу от пирамиды – и начнутся леса, густые и дикие. В лесах есть тропинки и еще остались те, кого Верн мог назвать друзьями. К ним и полетели.

Верн любил свое птичье зрение хотя бы потому, что мог спокойно смотреть двумя глазами. Он увидел Ардиона – образ брата в торжественном облачении отпечатался в его мозгу яркой картинкой. Вот владыка стоит, обращая девушек в камень, и вдруг понимает, что одна из них уносится в сторону, крича во все горло.

Верн гневно стукнул Антию клювом по голове, и она умолкла. Он даже удивился: не перестарался ли? Вроде бы нет, девчонка дышала, дергала ногами, словно пыталась бежать, стонала от боли и страха, но больше не вопила, и на том спасибо. Ардион смотрел им вслед и не мог пошевелиться: то ли остолбенел от непередаваемой чужой наглости, то ли испугался, увидев брата.

Будешь тут бояться. Король, которого он изгнал, вернулся за своей короной. Зачем бы еще Верну прилетать туда, где его готовы убить?

«Подожди, брат, – попросил Верн. Лететь становилось все труднее: Антия была тоненькой, как сливовая ветка, но не тогда, когда ее надо было нести в когтях. – Подожди еще немного».

Он прекрасно знал, что будет потом. Отряд каменных дев, который дежурит возле пирамиды, бросится в погоню. Жрицы поведут его, ориентируясь не по запаху Верна и Антии, а по едва уловимым изменениям в магическом поле. Если Ардион даст команду на

уничтожение, то каменные девы попросту разорвут тех, на кого им укажут.

Интересно, захочет ли брат поговорить? Спросить о чем-нибудь? Или просто придет посмотреть на кровавые ошметки в траве? Или даже не придет?

Его знобило. Мысли так и прыгали в голове.

Когда облака разошлись, выпуская Солнечного Кормчего, Верн как раз начал снижаться. Отец выступил перед ним в ужасающей красоте и величии. Вечно молодой – его золотых волос не касалась седина, лицо несколько не изменилось с того дня, когда корона легла на голову Верна. Вечно сильный – иногда во сне Верн видел его серебряные доспехи и тяжелые алые складки плаща. Вечно правящий миром, сокрушающий демонов, отделяющий добро от зла одним ударом меча.

– Отец, – только и смог прошептать Верн. Слово сорвалось хриплым клекотом, он шарахнулся в сторону, и солнечные лучи окатили его сверкающей волной, сбрасывая на землю.

Солнечный Кормчий сделал свое дело. Он в очередной раз посрамил тьму.

Верн прокатился по траве, принимая человеческий облик. Антия обмякла на земле и не шевелилась. Солнечный луч копьём ударил в землю, и Верн увидел себя будто бы со стороны – маленький, с металлической рукой, с закрытым повязкой глазом, он был похож на бракованную игрушку.

Создатель смотрел, размышляя, что бы с ним сделать. Разобрать на детали и лоскуты или все-таки пустить в мир?

Верн не мог отвести взгляда от отца – всегда спокойного, всегда равнодушного, – и в голове не оставалось ни единой мысли. Он и сам не понял, как у него хватило сил прошептать:

– Отпусти нас...

«Отпусти нас, – сбивчиво думал он, глядя в глаза отца и понимая, что никогда не мог до него достучаться. Ни тогда, ни теперь. – Отпусти нас, мы уйдем, мы никогда не вернемся, просто дай нам уйти».

Кажется, ему никогда не было настолько тоскливо и страшно.

Несколько мгновений солнечный луч еще озарял его, а затем набежали облака, и задул ветер – сильный, подгоняющий в дорогу.

Солнечный Кормчий вернулся в ладью и поплыл дальше, оставив бракованную игрушку на земле.

Верн поверить не мог, что их отпускают, – но им милостиво разрешили идти. Отец, который ненавидел своих детей и мог испепелить Верна и Антию одним движением руки, отошел в сторону, чтобы смотреть, как Ардион будет делать то, что должен.

Не чувствуя под собой земли, Верн поднялся и поковылял в сторону Антии.

Надо было спешить.

Трава была мягкой, со всех сторон поднимался запах спелой земляники, и Антия подумала, что могла бы так лежать целый день. Просто лежать и дышать воздухом чужого лета, а не бежать, спасаясь от взгляда Ардиона и его спутниц.

Неужели это так много?

В следующий миг она уже продиралась через заросли: Верн тащил ее за руку, Антия спотыкалась и лишь каким-то чудом умудрялась не упасть.

Все девушки, которые уходили в пирамиду, превращались в статуи в новом мире, теперь Антия в этом убедилась. И вот ей удалось сбежать от Ардиона и его помощниц.

«Я жива», – только и смогла подумать она. Верн вырвался из зарослей на широкую тропу, и бежать стало легче. Антия смотрела по сторонам – обычный лес, темный, хмурый. И где-то наверху, за облаками, лежит вход в ее мир, и дядя Бриннен меряет шагами комнату, не зная, жива ли Антия, или уже нет.

Ей казалось, что она чувствует его надежду.

Антия обернулась. Тропа за их спинами резко уходила влево, погони не было, но Верн несся так, словно за ним бежала целая армия.

– Подожди... – выдохнула Антия.

– Некогда, – бросил Верн через плечо. – Ардион отправил за нами своих гончих.

Это прозвучало настолько пронзительно и страшно, что Антия прибавила скорости. Несколько раз ей под ноги подворачивались

узловатые корни – она умудрялась перепрыгивать их. День был хмурым, низкие тучи готовились заморосить дождем. Было бы неплохо: дождь – лучший друг беглецов, он смывает все следы.

Солнечный Кормчий сбросил демонов и спрятал лицо.

– Куда мы? – выдохнула Антия. Верн свернул на едва заметную тропу, и они побежали среди деревьев. Краем уха Антия уловила птичий свист. Птицы вели свою спокойную жизнь, в которой не было ни Великих Китов, ни каменных дев, ни ступеней в пирамиде.

– Нас ищут. Надо спрятаться.

Их забег закончился тем, что земля под Антией вдруг заскользила куда-то вниз, и Антия с воплем полетела в яму. Мелькнуло что-то заостренное, покрытое черным; умудрившись не зацепиться, Антия ударилась боком о землю и взвыла от боли. Хлопнули крылья, филин опустился рядом, и уже человеческая рука схватила Антию за плечо и повернула к светлому провалу среди тьмы.

– Жива?

– Жива, – выдохнула Антия. – Это волчья яма?

Верн огляделся, пнул деревяшку, сваливая ее на землю.

– Она самая. Тебя не задело?

– Нет.

Оборотень повел плечами, и над ним начало было разливаться знакомое свечение, но он вдруг дернул головой и толкнул Антию в тень.

– Тихо, – прошептал он. – Замри.

Она даже дышать перестала от страха. Вскоре откуда-то сверху донесся странный звук – тонкий звон, словно вдалеке дотрагивались пальцем до туго натянутой струны.

Потом послышались тяжелые быстрые шаги – под ними дрожала земля. Ощущение было таким, словно через лес бежали каменные статуи.

Статуи? Ардион оживил каменных дев и отправил в погоню?

– Не смотри, – едва слышно приказал Верн, и в тот же миг Антия увидела, как в яму опустилась голова.

Это была одна из тех женщин, которые стояли с Ардионом на вершине пирамиды. Сейчас на ней не было маски, глазницы наливались жидкой лазурью, густые пряди золотисто-рыжих волос растрепались от бега, на бледном красивом лице не отражалось

ничего, кроме голода. Шея вытягивалась, женщина водила головой, глядя по сторонам. Острые плечи и длинные руки, которыми она опиралась на край ямы, казались сделанными из текучей глины.

Антию охватила вязкая сырая тоска. Захотелось плакать. Женщина втянула носом воздух, и улыбка прошла ее лицо, как трещина.

«Не смотреть на нее», – приказала себе Антия – и посмотрела.

Ее охватило холодом – настолько пронзительным и жестоким, что Антия почувствовала, как в жилах густеет кровь, а кости наполняются свинцом и тело делается неповоротливым и чужим. Женщина зацокала языком, оскалилась, обнажив рот, полный мелких острых зубов, и Антия поняла, что это не человек, а что-то непостижимое, что-то...

Верн обернулся и сорвал повязку с глаза.

Подземелье залило светом – таким ярким, что Антия увидела каждую травинку, каждый корешок, каждый потемневший листок. Холод отступил, освобождая Антию из оков, женщина взвыла и завалилась в яму, рассыпаясь на лету черными пригоршнями пепла и каменным крошевом.

Снаружи послышался мучительный стон. Верн пробормотал что-то неразборчивое, провел пальцами по лицу, и свет начал угасать.

Антия не сразу поняла, что клацающий звук, который плывет в ушах, – это стук ее зубов.

Филин прынул вверх – через несколько мгновений Верн заглянул в яму и протянул Антии руку.

Наверху их ждали: выбравшись из ямы, Антия увидела, что среди деревьев замерли серые тени – статуи смотрели на Антию и Верна, и на их лицах застыло разочарование хищника, упустившего жертву. Сброшенная маска лежала рядом с ямой – черное кружево по серебру, кровавые капли граната.

– Прошу! – Верн широким жестом указал на статуи, и Антия услышала обиженное шипение, что шло из камня. Девушки не сводили с них слепых взглядов, но не двигались. Должно быть, смерть женщины заставила их замереть. – Верные гончие владыки Ардиона, демоны, которых Солнечный Кормчий сбросил с небес.

– Вот как, – Антия готова была расплакаться. Девушки, которых называли спасительницами мира, здесь превратились в чудовищ, и армия их была велика...

Верн понимающе кивнул, поправил свою повязку и подошел к одной из статуй. Антия потянулась за ним, понимая, что вот-вот упадет в траву от усталости.

Когда-то это была ее ровесница. Высокая, тоненькая, с длинными косами. Где она жила – в столице или поселке? Была ли у нее семья? Несколько минут Верн всматривался в лицо статуи, а потом вдруг ударил ее наотмашь. По лесу прокатился вопль, и Антия увидела, как статуя, рассыпаясь крошкой, падает на траву.

На сколах камень был розовым и белым с красными прозрачными прожилками. Антии казалось, что она видит кровеносные сосуды. Верн пнул уцелевшую кисть правой руки, и Антия готова была поклясться, что пальцы дрогнули, пытаюсь сжаться в кулак.

– Не надо, – прошептала она, когда Верн двинулся ко второй статуе – коротко стриженной девушке с решительным лицом. Когда-то она хотела стать учительницей, именно они так отрезают волосы.

Верн обернулся. Посмотрел на Антию так, словно увидел ее впервые.

– Не надо, – повторила Антия. – Они ведь живые...

Верн рассмеялся. Его смех продолжал звучать, когда он ударил вторую статую, и груда камня упала в траву.

– Они давно забыли, как быть живыми, – сказал он. Антия ждала, что он будет насмехаться, но Верн говорил спокойно и грустно. – Не надо видеть в них учительницу, продавщицу выпечки и акробатку.

Третья статуя обратилась в груду мелких камней. Часть лица с уцелевшим глазом смотрела с укоризной. Камень едва заметно подрагивал, словно глаз хотел моргнуть и не мог.

– Это просто камни, послушные чужой воле. Ардион прикажет, и они выпустят тебе кишки. Не надо видеть в них то, чего давно нет.

– Они... – прошептала Антия. – Они...

И больше ничего не смогла сказать. Просто села на траву и заплакала.

Бейла падала, каменея под взглядами помощниц Ардиона. Девушки бежали через лес, чтобы выполнить приказ. Дядя Бриннен в другом мире ждал и верил, что Антия вернется, выйдет из Белых ворот. И надо было подниматься и идти, пока не стемнело.

Но Антия не могла пошевелиться. У нее остались силы только на слезы.

Верн ничего не сказал. Опустившись рядом с ней, он обнял Антию за плечи каким-то очень правильным, братским жестом – так они и сидели, пока Антия не проплакалась.

– Иногда повязку носят не потому, что глаза нет, – сказала она, шмыгая носом и вытирая слезы с лица. – А как раз потому, что он есть.

Верн улыбнулся. Как-то сейчас было у него на душе? Антия не хотела узнавать. Он мог довести ее до выхода, вот и хорошо.

– Так и есть, – ответил Верн. – И лучше тебе в него не смотреть. Договорились?

Она кивнула.

– И если я говорю не делай вот это и вот это, ты не делаешь.

Антия снова кивнула.

– Я не могла не смотреть на нее. Мне было страшно, – призналась она. Верн качнул головой, поднялся и протянул ей руку.

– За это она тебя почти окаменила. У жриц Солнечного Кормчего, конечно, меньше сил, чем у Ардиона, но они есть.

– Я уже поняла, – ответила Антия, поднимаясь. Первые капли дождя застучали по листьям. Как скоро Ардион узнает о том, что жрица убита и статуи разрушены?

– Вот и хорошо, – ободряюще улыбнулся Верн. – Тогда давай не тратить время.

Они вышли к развалинам, когда почти стемнело. Дождь лил сплошной стеной, у Антии зуб на зуб не попадал от холода и сырости. Леса остались позади, теперь они шли среди холмов, поросших вереском, и когда темная громада воздвиглась прямо перед ними, Антия подумала: что бы это ни было, мне уже все равно.

Среди тьмы засветился крошечный огонек и послышалось сварливое:

– Кого там евгры несут? Ночь на дворе!

Антия настолько вымоталась за день, что даже не удивилась тому, что прекрасно понимает язык этого мира. Верн рассмеялся.

– Ашиль! Открывай уже, старый грешник, пришли друзья!

Заскрипела дверь, огонек выплыл вперед, и скрипучий голос поинтересовался:

– Филин, ты, что ли? Знаешь, куда надо бы таких друзей-то?

– На сковородочку да с маслицем! – ответил Верн, и огонек скользнул в сторону, уступая им дорогу. Верн нырнул во тьму, Антия послушно подалась за ним и увидела, что огонек парит над чем-то, похожим на корягу, – конечно, если у коряг бывает добрая дюжина тонких ножек, похожих на паучьи.

– Маслица-то нету, – голос смягчился, сменив гнев на милость. – Но сковородочку-то найдем чем наполнить, в радость такого-то случая!

Несколько минут они шли во тьме, а затем прямо перед ними вспыхнул огонь, и Антия увидела большой камин, сковородки на крюках, грубо сколоченный стол и лавки. Огонек проплыл мимо, коряга, поскрипывая и припадая то на левую сторону, то на правую, прошла мимо камина и ворчливо приказала:

– Давай располагайся, что ли? Девчонка-то с тобой?

– Со мной, – Верн с радостным вздохом опустился на лавку и вытянул ноги к огню. Коряга раскашлялась, затрещала, и Антия подумала, что она так смеется.

– А то я подумал, что съедим! Ладно, съесть-то сейчас и так найдем, – коряга прошла к стене, зашуршала там, затрещала: – Брюква да клюква, да грибов с десятков, да картошка, первейший корнеплод. Хватит на ужин-то.

– Я помогу, – вызвалась Антия. Здесь было очень тепло – одежда на ней моментально высохла. Коряга снова затрещала и заскрипела, потирая бока ножками.

– А вот и хорошо. Хорошая девчонка-то, филин, мне нравится. Решено: есть ее не будем. Сгодится еще на что.

Вскоре на сковороде уже жарилась картошка с грибами, а в мятом чайнике бойко бурлил ягодный отвар. Ашиль расположился рядом с Верном и одобритительно произнес:

– Говорю же, хорошая девчонка. Где взял-то? Уж так вы неслись, что весь лес трясся.

Верн выразительно поднял палец вверх. Ашиль разразился очередной порцией треска и скрежета.

– Вот как, вот как! А брата-то, брата видел?

Антии показалось, что Верн каменеет – настолько тяжелым и неподвижным сделалось его лицо. Брата? Владыка Ардион – его брат?

– Видел, – неохотно ответил Верн и машинально провел левой рукой по протезу. – На вершине пирамиды.

– Он всегда хотел там быть, – проскрежетал Ашиль и вдруг осведомился с прежней сварливостью: – Девчонка, ты ловишь комаров? Чую, как горит наша картошка-то!

Картошка не сгорела, и вскоре все принялись ужинать. Антии страшно хотелось есть, но, когда перед ней появилась полная тарелка, она вдруг поняла, что не сможет проглотить ни кусочка.

Как там сейчас дядя Бриннен? Ему ведь намного хуже, чем родным других девушек. Они точно знают, что их дочери мертвы, а он надеется, что с Антией все в порядке, и эта надежда хуже страха, особенно когда начинается темнеть.

– Владыка Ардион – твой брат? – спросила Антия. Верн опустил вилку с ломтиком картошки и посмотрел так, словно хотел заклеить Антии рот.

– Да, – хмуро ответил он. – Ешь давай.

Антия послушно взялась за вилку.

– Таких братьев-то, знаешь куда? – проскрипел Ашиль. – На сковородочку!

Верн ничего не сказал. Ужинали в молчании. Когда Ашиль унес опустевшие миски, Антия не вытерпела и негромко спросила:

– А он может превращаться в птицу?

Верн вытер губы ладонью и все же снизошел до ответа:

– Может. Сейчас, я думаю, готовится лететь на поиски.

– С ума сойти, – покачала головой Антия. – Вы братья-оборотни.

Верн вздохнул, осторожно снял свою повязку, и Антия увидела его зажмуренный правый глаз.

– Если будешь задавать глупые вопросы, то я его открою, – пообещал Верн и дотронулся до века. – А ты видела, что бывает, когда я его открываю.

Антия вспомнила, как жрица рассыпалась пеплом, падая в ловчую яму, и миролюбиво ответила:

– Тогда ты останешься без маленькой белой мыши.

Верн рассмеялся. Снова надел повязку.

– С козырей зашла!

– Так куда ж вы дальше-то? – поинтересовался вернувшийся Ашиль.

– Нам нужно к зеркалам, – ответил Верн. – Пешком идти в Арх-Аман удовольствия мало, сам понимаешь.

Что за зеркала? Какой-то местный способ путешествовать?

Ашиль разразился скрипом и скрежетом.

– Так зеркала-то здесь все уже побиты! Осталось два в Харман-Тцу, но, сам понимаешь, к ним пускают не за большое спасибо. Нечего, грят, шастать туда-сюда. Сидите, работайте.

Верн нахмурился, сделавшись угрюмым и усталым. Кажется, он стал жалеть о том, что оставил свой яблоневый сад и гамак. Ашиль издал тонкий сочувствующий стон.

– Денег-то у тебя ни монетки? – поинтересовался он. Верн кивнул.

– Я думал, что мы дойдем до зеркал и там переберемся в Арх-Аман к скалам. Все путешествие на два дня.

Ашиль присвистнул и снова принялся гладить себя по бокам.

– Ну что ж поделаться-то, я б тебя ссудил чем, да сам вон последнюю брюкву доедаю. Разве что ты пойдешь мимо Сноловцев к Драконьим огням?

Верн рассмеялся.

– Отличный путь! – одобрил он. – Давненько я там не был!

Вскоре Антия стала клевать носом. Верн, наоборот, чувствовал какую-то пронзительную ясность – давно он не чувствовал себя настолько бодрым и живым. Или это родная земля помогает?

– Что тут? – спросил он. – Как дела?

Им овладело жгучее нетерпение. Пять с половиной потерянных лет не наверстать рассказом коряжника, но можно хотя бы начать.

Ашиль почесал бок пальцами-ветками. Когда-то его племя населяло все леса отсюда к западу – потом с севера пришло Гнилое сияние, скверная болезнь, от которой коряжникам почти не было спасения: она поразила их и истребила. А Ашиль вот выжил, только почесывается.

– Да как тебе сказать-то. Живем, как можется, вроде бы ничего так. Батяка твой светит, брат демонов окаменяет, все при деле. А так-то что, владыки правят, людишки-то кланяются, да все пониже.

Он отправил в рот кусок картофеля, довольно зажевал, прикрыл глаза.

– Девчонка-то хорошая у тебя. Вон как стряпает-то. Жалко будет, если поймают.

Верн кивнул. Покосился на Антию – та спала, положив растрепанную голову на руки. Да, замечательная принцесса: лохматая, испуганная, но все еще готовая сражаться.

Что связало их с Ардионом? Какая нить?

– За эту неделю здесь были какие-нибудь магические всплески? – поинтересовался Верн и показал на Антию. – Чужая магия, не наша.

Ашиль подобрал пальцем каплю соуса, отправил в рот.

– Магии-то особо не было, – ответил он. – Но вот ты знаешь, была какая-то вспышка над пирамидой. Как раз незадолго до того, как пришел знак о демонах. Братца-то твоего пошли будить, а он уже готов.

Верн вспомнил: силы, которыми владел Ардион, надо было пополнять. Несколько недель до появления демонов с неба владыка спал под пирамидой, притягивая к себе крупницы магии со всего Ашх-Анорна. И на этот раз случилось что-то, что его пробудило. То, что связало его с Антией.

«Лефер, лицедей ты проклятый, – подумал Верн. – О чем же ты мне не рассказал?»

Все мог бы прояснить отец – но Верн прекрасно понимал, что Солнечный Кормчий не станет с ним разговаривать. Он до сих пор чувствовал его взгляд на лице – так смотрят на насекомое перед тем, как раздавить.

Что, если все это – лишь новые планы отца и все они лишь игрушки в его руках?

– Ты бы уходил отсюда, – посоветовал Верн. – Нас будут искать. Сам понимаешь, с тобой церемониться не станут.

Ашиль заскрипел, засмеялся. Повернулся к Верну боком и показал трещину в коре, наполненную чем-то темным, густым. Верну показалось, что содержимое трещины шевелится.

– Гнилое сияние? – уточнил он, хотя и так видел, что это оно и есть.

– А то как же! Проказа, будь она неладна. Мне-то и так недолго осталось, хоть погреюсь на сковородочке-то!

Верн протянул к нему руку – на пальцах засветились золотистые огоньки, развалины наполнило мягкое зарево, и он услышал, как гниль недовольно зашипела, убираясь из раны. Когда зарево погасло, Ашиль провел сучками по боку и спросил уже без привычного «токанья»:

– Я говорил тебе, что ты хороший человек?

Верн вспомнил легенду: в коряжниках заключены души грешников, и такова их кара. Чья душа жила в Ашиле? Не узнать. Он притворяется неграмотным простаком, но кем был раньше?

И имеет ли это значение теперь?

– Ты мой друг, – просто ответил Верн. – А я всегда помогаю своим друзьям. Уходи, Ашиль. Прямо сейчас.

Он говорил и понимал, что не сможет переубедить коряжника. Тот останется в развалинах и, понимая характер Ардиона, примет мученическую смерть. В том самом камине, в котором Антия сегодня готовила ужин. Верном овладело какое-то усталое отчаяние.

– Я никуда не уйду, дружище. – Верну показалось, что Ашиль улыбается. – Здесь мой дом. И знаешь, я очень устал. Если все это закончится вот так... ну что ж, пусть тогда кончается.

Несколько минут они молчали, а потом коряжник произнес:

– Иди спать. У вас завтра долгий день и долгий путь.

Ночевали на груде опавших листьев в том, что когда-то было караульной комнатой. В провал в крыше проглядывали звезды, дождь перестал, и Антии казалось, что по низкому черному небу вот-вот скользнет птичья тень и упадет, превращаясь в Ардиона.

Она сама не поняла, как провалилась в сон: просто вдруг осознала, что идет по дорожке среди аккуратно подстриженных кустов. Впереди горделиво возвышалось дерево, и в шелесте его листвы Антии слышались неразборчивые слова. Вдали лежали сахарные глыбы горного хребта.

– Вот ты, значит, какая.

Мелькнули черно-синие крылья – темно-синяя сипуха бесшумно скользнула над Антией, и в ту же минуту дорогу ей заступил Ардион. Кольцо-коготь подцепило ее подбородок, заставляя смотреть в лицо владыки.

Ноги стали непослушными и ватными. Антия не рухнула на колени только из упрямства.

– Как же тебя зовут, девочка? – дружелюбно поинтересовался Ардион.

«Да пошел бы ты на сковородочку...» – подумала Антия и ответила вопросом на вопрос:

– А кто спрашивает? Убийца?

Левый край тонкогубого рта дрогнул в улыбке. В глазах проплыли искры, делая худое некрасивое лицо вполне приятным.

– Солнечный Кормчий ведет вечную борьбу с демонами. Побеждая, он сбрасывает их с неба, – снизошел Ардион до объяснения. – Я и мои жрицы – надежда нашего мира. Знаешь, что будет, если одна из вас умудрится сбежать?

– Это не демоны, – прошептала Антия. – Это несчастные девчонки, которые сами вас боятся.

Смотреть в глаза Ардиона было все равно, что заглядывать в колодец. Старый мертвый колодец без дна.

Антии казалось, что она вот-вот сорвется.

– Боятся... – выдохнул Ардион. Коготь прошелся по ее лицу, оставляя алую нить шрама, но больно почему-то не было. – Не надо прятаться. Я дам тебе другую жизнь, без страха и боли.

– Я видела эту жизнь, – Антия надеялась, что в ее голосе прозвучало достаточно презрения. – Спасибо, не надо.

– Гордая девочка. – Взгляд Ардиона сделался мягче. – Где ты? Покажи мне.

В ту же минуту Антия проснулась с таким визгом, что из прорехи в крыше действительно что-то сорвалось и рухнуло рядом с уханьем и руганью. Бывшую караульную заливал тусклый утренний свет, Верн держал Антию за плечи, и она готова была разрыдаться от того, что все это оказалось сном.

– Что? – Верн встряхнул Антию, и его левый глаз светился жидким золотом. – Что случилось?

– Ардион, – ответила Антия. – Я видела его... и он хотел, чтобы я показала, где я. А я проснулась.

– Хорошо, – кажется, Верн вздохнул с облегчением. Антия поежилась: утро было холодным. В провал в стене скользнули пальцы тумана. – Будем надеяться, что он...

Верн провел ладонями по лицу и не закончил фразу. Поднялся, протянул Антии руку.

– Идем!

Они выскользнули из развалин и двинулись по раскисшей тропинке среди холмов. Антия подумала, что они не попрощались с Ашилем, но решила промолчать.

Тонкая синяя сеть была растянута среди деревьев в яблоневом саду. Забравшись на лесенки, слуги осторожно отцепили ее от крючков и принялись складывать легкое дрожащее полотнище. Порой над ним взмывали призрачные лица, открывали рты, что-то говорили.

Это была самая сильная ловчая сеть. Ни один сон не убежал бы от нее.

Статуи девушек оставались неподвижны. Роса стекала по их лицам, и казалось, что они оплакивают свою судьбу.

– Вот, владыка! – слуга с поклоном протянул свернутую сеть. Ардион провел по ней ладонью, и над синевой проплыло бледное лицо сбежавшей девушки. Мгновение – и над ним пролетел филин с железным крылом. Мелькнули вересковые холмы, развалины сторожевой башни, коряжник, который с кряхтением и скрипом хозяйничал у очага.

Ардион кивнул. Жрица, стоявшая за его спиной, дотронулась до маски и опустила руку.

– Идем, – негромко приказал Ардион. – Я сам возглавлю охоту.

Постепенно погода наладилась. Тучи ушли на запад, солнце высушило росу, и Антия, шагая с Верном по едва заметной тропинке среди заросших вереском холмов, думала, что все не так плохо. Они живы, они выберутся отсюда, и все будет хорошо.

– А что такое Сноловцы? – поинтересовалась Антия. Медовая горечь вереска так ей понравилась, что она решила: этот мир, пожалуй, не так уж и плох.

– Это такие сети, – объяснил Верн. – Их натягивают над садами и ловят сны, как ты уже поняла. Из хороших снов делают лекарства, из плохих – яды.

– Шутишь! – ахнула Антия. Конечно, Верн издевался над ней, как иначе?

– Нет. И знаешь, что меня тревожит? Ардион мог найти твой сон и понять, где мы.

Утро было теплым, но у Антии по спине пополз холодок.

– И что же делать? – нахмурилась она. Верн пожал плечами.

– Идти как можно быстрее. И попробовать не спать, раз уж у вас появилась связь.

– Нет у нас никакой связи, – буркнула Антия. – В конце концов, он твой брат, а не мой.

Она не видела лица Верна, но почувствовала, что он улыбнулся.

– Ты мне, конечно, не поверишь, – сказал Верн. – Но Ардион был хорошим братом. Он играл со мной, заботился обо мне, учил читать и писать. Мы с ним дружили по-настоящему.

– Почему же раздружились? – спросила Антия, но Верн сделал вид, что не слышит.

Спрашивать еще раз она не стала.

Холмы остались позади: они вышли на равнину, и Антия не сразу поняла, что видит. Из земли поднимались какие-то дуги – темно-серые, покрытые рыжими пятнами. Сквозь траву выглядывали шестиугольные плиты: когда-то здесь проходила дорога. Птица, сидевшая на одной из дуг, хрипло вскрикнула и, взлетев, кинулась прочь.

От этого места веяло такой тоской и заброшенностью, что Антии невольно захотелось плакать.

– Что это? – спросила она.

– Дикие зеркала, – ответил Верн, и Антия поняла, что ей напоминали эти дуги – круглые рамы! – Когда-то отсюда можно было попасть в любую точку Ашх-Анорна. А теперь... сама видишь.

– Ашх-Анорн? – Верн взял Антию за руку, и они медленно пошли по заросшей дороге. С каждым шагом ей становилось все страшнее, и она не могла понять, чего так боится. Ведь солнечный же день, и рядом человек, который не оставит ее в беде. Почему же она так дрожит?

– Так называется этот мир. Смотри под ноги и постарайся не наступить на осколки.

Антия кивнула.

– А что будет, если наступлю?

– Провалишься, – пожал плечами Верн. – Вынырнешь где-нибудь по частям. Голова на севере, ноги на юге. Если зеркала разбиты, то переход уже невозможен.

Антия поежилась. Остатки рам походили на кости, и ей казалось, что они с Верном бредут по кладбищу. Крошечные существа на могилах великанов под равнодушным взглядом Солнечного Кормчего. Вот в одной из рам что-то сверкнуло: осколок поймал солнечный луч, и Антия услышала далекий призрачный голос: «Поезд из Аш-Шаханта прибывает на первую платформу...»

– Ничего себе, – испуганно прошептала Антия. Ощущение кладбища становилось все сильнее. Она почти видела, как из травы поднимаются белые тени призраков. – Тут есть поезда?

– Конечно, – бросил Верн, и Антии показалось, что он сердится. – Мы не дикари.

Обернувшись, она увидела, что холмы уже скрылись из виду. Далеко же они прошли! А впереди до самого горизонта простиралась трава, зеркальные рамы и соринки птичьих стай в небе.

– А что будет, если одна из девушек сбежит?

– Катастрофы, – коротко ответил Верн. – Землетрясения, наводнения, прорывы жуков. Ашх-Анорн воспринимает иномирян как вирус и начинает отторгать. А высокая температура не всегда на пользу.

Вот еще одна круглая рама – в ней уцелел большой осколок, и Антия увидела свое отражение: усталая испуганная девчонка, не

понять, живая или привидение. Над головой в отражении проплыла дымная тень, и Антия прибавила шаг.

– Прорывы жуков? – спросила она. Верн сделал жест, каким рыбаки обычно показывают пойманную рыбу: размер впечатлял.

– Вот такие твари из Нижнего мира. Жрут все, что шевелится. Я, кстати, удивлен, почему их здесь нет. Осколки диких зеркал для них как лакомство.

Только жуков им и не хватало! Антия снова взяла Верна за руку и уточнила:

– Нижний мир – это еще ближе к Великому Китаю?

Верн отрицательно мотнул головой. Один из осколков поймал луч, и бархатный мужской голос пропел: «...осенью не задают вопросы, осень вся – загадка и вопрос». Почему-то от песни веяло замогильной мерзостью.

– Здесь нет Великого Кита. Под ногами всегда твердь.

– Везет же, – вздохнула Антия. Как хорошо жить, когда твой мир стабилен и тебе не надо зазубривать точки эвакуации и короткие проходы к спасательным дирижаблям. Ты просто живешь, и земля не уходит у тебя из-под ног.

В следующий миг именно это и случилось: под ботинками Антии вдруг расцвела радужная пустота, и она полетела вниз. Воздух сделался густым и затхлым, пыль царапала лицо, как терка. Антия едва успела зажмуриться, как что-то чиркнуло ее по брови. По лицу заструилась кровь.

«Не может быть, – подумала она, размахивая руками и ища, за что ухватиться, но так и не найдя опоры. От запястья отдрался лоскут кожи, обдав руку жгучей болью, по затылку ударило что-то тяжелое. – Я же смотрела, куда иду. Какая же я дура...»

В конце концов, Антия рухнула в песок, и полет прекратился. Воздух пах солью и водорослями, откуда-то спереди доносились шелест волн и тоскливые птичьи крики. Проморгавшись, Антия села: ее выбросило на берег моря. В стороне от белого песка лежали холмы, заросшие сухой бурой травой. День был пасмурным.

Не чувствуя ног, Антия поднялась, доковыляла до воды и принялась умываться. Все вокруг качалось и плыло, голову наполнял шум, сквозь который пробивались далекие слова: «Поезд из Нахшет-Тцху прибыл на первую платформу...»

Анття шлепнулась на песок, затрясла головой, словно хотела выбросить из нее чужой голос. Когда смятое птичье тельце рухнуло в волны и задергалось, обретая новую форму, Анття не сразу поняла, что происходит, – а поняв, бросилась к Верну и, схватив его за руку, поволокла на берег. Лицо Верна было иссечено песчинками, рука казалась неподвижной и ледяной, и Анття, поняв, что тащит его за протез, испугалась, что может что-то сломать. Когда они выбрались из моря, то Верн затряс головой, забормотал что-то на незнакомом языке и, оттолкнув Анттию, поднялся на ноги и побежал к холмам, кажется, не видя, куда бежит.

– Верн! – закричала она. Он споткнулся, упал и принялся кататься по песку, зажимая уши ладонями. Из его раскрытого рта летел странный голос, не мужской и не женский, словно Верн сделался рупором и кто-то пытался кричать через него.

Анття упала на колени рядом, схватила его за плечи, несколько раз встряхнула. Он как-то сразу обмяк, левый глаз слепо уставился в низкое серое небо, и Верн пробормотал уже своим голосом:

– Надо же, я думал, что нас разорвет. А нас только посекло. Надо же, я думал, что нас разорвет. А нас только посекло. Надо же, я думал...

Анття выдохнула и резко ударила его по лицу. Верн замолчал, левый глаз закрылся. Какое-то время они оба оставались неподвижны, потом Верн сказал:

– Еще раз так сделаешь – убью. Поняла?

– Тебе же помогло, – парировала Анттия. Верн рассмеялся.

– Помогло, да...

– Где мы? – спросила она. Тяжело дыша, оборотень поднялся, несколько долгих минут смотрел по сторонам, шевеля губами, как в молитве, а затем ответил:

– Я не уверен, но это, кажется, Дохлое море.

Анттия нервно рассмеялась. Разбитые Дикие зеркала, Дохлое море – просто очаровательный мир. Антии подумалось, что он умирает.

– Почему же оно сдохло, это море?

– Пять веков назад, – ответил Верн, – одна из ваших девушек сбежала. Причем сбежала так, что угодила в самое пекло здешней войны, и ее использовали как оружие. Все кончилось тем, что ее разорвали разнонаправленные магические силы как раз над морем –

когда-то оно называлось Среднеземельным. Его обитатели вымерли, несколько крупных островов смыло цунами. С тех пор море Дохлое, жизнь сюда так и не вернулась.

Анття поежилась. Верн посмотрел на нее каким-то особенным, цепким взглядом.

– Да, – кивнула она. – Я понимаю. Нам здесь лучше не задерживаться.

– Правильно, – согласился оборотень. – Пойдем.

– А тебя бы знаешь куда? На сковородочку!

Ардион кивнул. Похлопал в ладоши – развалины сторожевой башни озарились ярким светом, и в камине весело затрещал огонь.

– Куда они пошли? – миролюбиво поинтересовался он. Ашиль фыркнул и заскрипел, выражая, должно быть, крайнее презрение. – Просто скажи мне куда. И я уйду. Ты мне не нужен, коряга.

Ардион обернулся. Каменных дев, которые стояли за его спиной, сейчас наполняла жизнь. Они готовы были бежать, охотиться, бросать копья и выпускать стрелы. Прийти бы сюда хоть немного раньше – и золотые следы беглецов на траве еще были бы различимы.

– Пшел ты! – проскрипел Ашиль. Ардион понимающе кивнул и плавно провел ладонью по воздуху. Ашиля подхватила невидимая сила и швырнула в огонь.

Развалины наполнились мучительным стоном и воем. Пламя бойко принялось пожирать корягу.

– Дерево быстро горит, – с прежним спокойствием сообщил Ардион. – Скажи мне, куда они пошли. И все это закончится.

IV

Дохлае море

Из песка торчал край чего-то металлического – наверное, обломки с военных времен, удивительно, что не заржавели. Верн провел по железке краем башмака, стирая налипший песок и мертвые травинки, и услышал далекий голос, что пробивался из глубин земли:

– Освободи меня.

Анття взвизгнула и отпрыгнула в сторону – чтобы сразу же подойти и дотронуться до металла. Верн подумал, что Бриннен правильно воспитывал девчонку: даже если ты боишься, все равно не отступай. Хорошее качество для правительницы.

Он поймал себя на мысли о том, что думает об Антии как о королеве Таллерии. Лефер считал это дело решенным – а ведь рядом с королевой должен быть король. Могущественный владыка, с которым не сравнится принц Эдвиг.

«Бред, – оборвал себя Верн. – Я с ума схожу».

– Кто там? – негромко спросила Антия. В зеленых глазах светились любопытство и желание разобраться. Похоже, она все воспринимала как путешествие в книгу со сказками, пусть и страшными, – и это в каком-то смысле было правильно. Верн пожал плечами.

– Поди знай. – Он толкнул железку и поинтересовался:

– Ты кто?

Из-под песка донесся вздох.

– Гарвелин. Помогите.

Анття удивленно уставилась на Верна. Он вспомнил, что учителя рассказывали о гарвелинах – наполовину людям, наполовину металлических драконах. Они были хранителями темных тайн и коллекционерами удивительных чудес, и весь смысл их жизни был в том, чтобы собирать бесценные редкости и диковинки. Иногда им везло, и они хорошо жили при дворе какого-нибудь министра или владетельного князя. Чаще не везло. Их сокровищницы разграбляли, а самих гарвелинов убивали.

А этого, как видно, били, да недобили.

«Выкопать, что ли? – подумал Верн. – Хуже этому краю уже не будет».

– Что нам за это дашь? – поинтересовался он. Гарвелин вздохнул, по металлу прошла едва уловимая дрожь.

– Ясные перлы. Чистое серебро.

Верн усмехнулся. Перлы и серебро пригодятся, судя по тому, как затягивается их путешествие. Антия не сводила глаз с песка. Верн потер ладони и приказал ей:

– Отойди в сторонку.

Она послушно отступила на несколько шагов, и Верн почувствовал, как глаз под повязкой наливается огнем. Боль была такой, что не давала дышать, но Верн давно привык к этому. Хочешь магии – привыкай к боли.

Гарвелин заверещал: Верн не стал раскапывать песок, а просто потянул узника на поверхность, разорвав заклинание, которое его сковывало. Он переборщил: в воздух поднялось песчаное облако, на какое-то время дышать стало нечем, и Антия выругалась так, что любой пиратский боцман одобрил бы. Гарвелин взлетел вверх, громяхая металлическими сочленениями тела, а потом рухнул на песок и заскреб ногами.

– Воздух! – услышал Верн. – Ды...шу...

Песчаное облако развеялось. Гарвелин был совсем молодым, не больше трехсот лет – длинный тяжелый хвост и крылья, которые лепились к человеческому темнокожему телу, казались ненастоящими, но Верн на всякий случай сделал несколько шагов назад. Иногда важно не только оказать помощь, но и вовремя увернуться от благодарности за нее.

– Дыши, дыши, – сказал он, отряхивая ладони. – Кто это тебя так?

Гарвелин перевернулся на спину, раскинул трехпалые тонкие руки и едва слышно прошептал:

– Как же хорошо-то. Ох, как же хорошо!

Антия рассматривала гарвелина, как диковинку в музее, и Верн видел, что у нее наготове добрая сотня вопросов. Удивительное создание вздохнуло, село и, пристально посмотрев на своих спасителей, спросило:

– Дохлое море, да? – Верн кивнул, и гарвелин усмехнулся: – Я и чую, что воняет. Спасибо, что вытащили, я там почти семь дней

провалялся.

– Теперь куда? – поинтересовался Верн. Гарвелин не производил серьезного впечатления: просто молодой разгильдяй, который вряд ли сумел собрать хоть что-нибудь стоящее. У других в его возрасте уже приличные коллекции, да и выглядят они намного солиднее и не смотрят настолько дружелюбно.

– Полечу на восток, – пожал плечами гарвелин. – Переберусь через перешеек, а там и до империи Минь недалеко.

Верн понимающе улыбнулся. В империи Минь крылатых хранителей сокровищ почитали и уважали, считая священными прародителями нации. Верн не знал, как к такому предположению относились сами гарвелины.

– Хороший выбор, – заметил он. – Так где наши перлы и серебро?

Антия и гарвелин посмотрели на оборотня с одинаковым выражением на лицах, словно удивлялись его меркантильности.

– Мы никогда не лжем и не сулим того, чего не сможем дать, – со спокойной сдержанностью заметил гарвелин и, нырнув пальцами в одну из металлических складок на груди, осторожно вытянул крупную жемчужину на серебряной цепочке. – Вот моя благодарность за вашу доброту.

Верн взвесил жемчуг на ладони и протянул Антии. Должно быть, в детстве у нее были украшения намного богаче и роскошнее, но вряд ли, живя с Бринненом, она хоть что-то могла себе позволить. Антия осторожно приняла жемчужину, надела на шею и с искренней благодарностью сказала:

– Спасибо вам. Она замечательная.

– Не меняйте ее на ломоть хлеба в первом же поселке, – посоветовал гарвелин. – Это не простая жемчужина. Однажды она поможет вам одолеть врага и исцелить друга.

Верн уважительно кивнул: гарвелин высоко оценил свою свободу. Антия чуть ли не испуганно посмотрела на жемчужину и спросила:

– А как это сделать? Как одолеть врага и исцелить друга?

Полудракон пожал шипастыми плечами. Раскинул крылья, довольно улыбнулся и ответил:

– Я не знаю! Жемчуг сам принимает решение в нужный момент!

Он прынул в небо сверкающей стрелой, и Верн услышал, как гарвелин смеется, улетаая на восток. Антия смотрела ему вслед с почти

детской растерянностью, пальцы перебирали цепочку, и улыбка была настолько легкой и чистой, что Верн тоже улыбнулся.

– Ну что? – спросил он. – Идем?

Они шли несколько часов, но тропинка, виляя среди холмов, все равно выводила их к берегу моря. В конце концов, Верн вздохнул, велел Антии ждать его, не сходя с места, раскинул руки – и вскоре филин с железным крылом поднялся в небо. Антия устало села на траву. Хотелось есть. Хотелось спать. Все тело болело, рубашка и штаны были изодраны.

– Ну, я хотя бы жива, – сказала Антия вслух. Ветер едва слышно прошелся по траве – ее шорох был единственным звуком. Обитатели Ашх-Аморна, люди, птицы и звери, предпочитали держаться подальше от Дохлого моря, и Антия прекрасно их понимала. Вскоре филин вернулся, сделал над Антией пару кругов и опустился в траву.

– Нам придется идти до вечера, – сообщил Верн, поднимаясь и отряхиваясь. – Здесь никого нет, но я заметил башни вдалеке. Одна из них обитаема.

Почему-то Антии это не понравилось. Они двинулись дальше – тропинка виляла то влево, то вправо, и иногда Антия видела металлический блеск: сквозь траву проглядывали едва различимые кусочки железа, похожие на разбросанные детали неизвестного механизма.

– Что за башни? – спросила она, шагая за Верном. Интересно, кто все-таки проложил эту тропинку?

– Сторожевые, – ответил оборотень. – Когда-то в них сидели отряды самых отчаянных вояк и магов, защищали людей от результатов прорывов мира и тварей, которые лезли в эти проломы. Потом все успокоилось, башни забросили, но я сейчас видел огонь в одной из них.

– Сомневаюсь, что нас там встретят с пирогами, – заметила Антия. Верн пожал плечами.

– Посмотрим, кто там. Со зверьми я сумею договориться.

– А с людьми? – поинтересовалась Антия. Верн выразительно закатил глаза к небу.

– Милостью Солнечного Кормчего люди лучше зверей, – ответил он, и дальше они шли молча. Дохлое море ворочалось за их спинами, и Антии казалось, что она снова слышит тот невнятный шум, который наполнял пирамиду – то ли стон, то ли пение. Она почти различала слова: наша слава, наше чудо, воскресение и жизнь...

Слова были хорошими, но от них веяло смертью и тьмой. Антия и сама не поняла, как схватила Верна за руку. Он понимающе качнул головой.

– Страшно?

– Очень, – призналась она. Верн улыбнулся.

– Мне тоже.

Чем дальше они шли, тем чаще среди мертвой бурой травы попадались зеленые росчерки свежих стеблей. Тьма Дохлого моря постепенно оставалась позади. Становилось легче дышать. Когда изумрудное разнотравье окончательно вытеснило бурую траву, Антия спросила:

– Если твой мир отторгает девушек из нашего, то почему наш не отторгает тебя?

Верн рассмеялся, махнул рукой: над его пальцами закружился водоворот ярко-синих капель и обрушился в траву. Антия подумала, что это было чем-то вроде шутки или фокуса для ребенка.

– Потому что во мне магия, – ответил оборотень. – Я плоть и кровь Солнечного Кормчего, меня наполняет его сила. Она, скажем так, минимизирует мое негативное влияние... конечно, если у тебя хватает умишка, чтобы это понять.

Антия тоже рассмеялась. Почему-то она совсем не разозлилась от того, как Верн попытался ее поддеть.

– Я ходила в школу. Понимаю слова, в которых больше двух слогов.

– Надо же! – воскликнул Верн. – У нас тут завелись умные.

– Раз мы с тобой такие умные, – сказала Антия, – то надо понять, где искать свиток Ауиле. Если девушка похитила его, потом попала сюда и окаменела...

– Этот свиток лежит в архиве Аш-Нанзунд, – откликнулся Верн. – Во второй пирамиде, где выход в твой мир. Ардион, конечно, не

захочет его отдавать, он вообще не любит делиться. Так что захватим достойный трофей в бою.

Антия кивнула. Да, Ардион не отпустит их отсюда просто так. И Верн понимал, что ему предстоит сражаться, когда согласился отправиться с ней.

– Ты ведь давно этого ждал, – сказала она, когда они перевалили через очередной холм. Далеко впереди Антия увидела что-то, похожее на пальцы, торчащие из земли. Не могут же башни быть настолько... кривыми?

Верн дотронулся до повязки на глазу.

– Еще слово, девчонка, и я ее сниму.

Антия улыбнулась.

– Мышь. Маленькая белая мышь. Кстати, кто это на самом деле? Ни за что не поверю, что ты сюда пошел просто ради мыши.

Верн снова сделал вид, что не слышит, и Антия поняла, что она была права.

Башен было три – их, кажется, сложили из детских кубиков, неаккуратно поставив один на другой. Запрокинув голову, Антия принялась считать: в каждой башне оказалось десять этажей. Сквозь окна давным-давно проросли кусты, и Верн, похоже, дал маху, решив, что это место обитаемо. Как только Антия подумала об этом, первая башня дрогнула, кубики хрустнули, и по стене потек жидкий огонь, заполняя каждую трещину. Взвизгнув от страха, Антия потянула Верна в сторону, но он лишь рукой махнул.

– Пугают. Не обращай внимания.

– Кто пугает? – прошептала она, глядя, как огонь стекает к подножию башни и проваливается в то, что когда-то было рвом. Верн указал в сторону кустов и ответил:

– Они.

Куст, который торчал из окна первого этажа второй башни, тотчас же вздрогнул и втянул зеленую шевелюру внутрь.

– Бойтся. Нас пугают, а сами боятся, – заметил Верн и прокричал: – Эй! Мы здесь с миром! Мы друзья, мы вас не обидим!

Огонь зашипел, словно в него щедро плеснули водой. Стало тихо. Антия увидела, как кусты медленно уходят в провалы окон – да они и правда боялись незваных гостей! Наконец во тьме дверного проема что-то зашевелилось, и из башни вышел человек.

Он был стройным и полностью обнаженным – светло-коричневая кожа тела выглядела гладкой и чистой, зеленые ветки прорастали из плеч и поднимались из волос, и их резные листья шелестели, словно говорили хором. Изящное личико, не мужское и не женское, портили лишь ветви, что росли из левой глазницы и рта.

– Здравствуйте, – с улыбкой произнес Верн. – Мы пришли с миром, не надо нас бояться.

Зеленый человек приблизился, пристально посмотрел на Верна и вдруг торопливо опустился на колени и склонил голову. Листва его шевелюры зашумела, заволновалась, запела:

– Король! Король вернулся!

Тотчас же из башен высыпала целая толпа людей-деревьев – подбежав к Верну и Антии, они точно так же опустились на колени, и над холмами полетело радостное пение:

– Король! Подлинный владыка!

Антия покосилась на Верна, стараясь делать вид, что все идет как надо. Верн со вздохом протянул руку и, подняв первого зеленого человека, сказал:

– Пожалуйста, никому не говорите, что я здесь.

Зеленый прижал руку к груди и кивнул.

– Разумеется, ваше величество. Я Древ Люн Шен. Чем Древы могут помочь вам?

– Мы очень устали, – признался Верн. – Дайте нам ночлег и немного еды.

– Все, что у нас есть, ваше, – с поклоном ответил Люн Шен, и остальные зеленые люди зашелестели листвой: «Ваше! Ваше!» – Пойдемте в башню. Ночь будет долгой и темной.

Вопреки ожиданиям Антии, в башне оказалось очень чисто. Ни пылинки, ни листочка. Древа Вин Тан, тоненькая девушка, которая провожала Антию, привела ее в совершенно пустую комнату и спросила:

– Король вернулся навсегда, о уважаемая?

Анття подумала, что ей придется привыкнуть к двум вещам: к тому, что Древы говорят, шелестя листвой, и к тому, что Верн, одноглазый разгильдяй, оказывается, король здешних мест.

– Я не знаю, – честно ответила она. – Он проводит меня до выхода в мой мир, а там... Не знаю, пойдет ли он со мной или останется.

Вин Тан провела длиннопалыми ладонями по воздуху так, словно раздвигала занавески. Пустую комнату озарило теплым золотым светом, в воздухе поплыли тонкие растрепанные нити, и из них соткалось мягкое на вид ложе.

– Отдыхайте, о уважаемая, – поклонилась Вин Тан. – Скоро мы приготовим ужин, и начнется пир. Ночь будет долгой и темной.

Второе упоминание о долгой и темной ночи не понравилось Антии. Когда Древа выскользнула из комнаты, Антия вытянулась на постели и вздохнула: наконец-то можно было прилечь и отдохнуть. Издалека доносилось пение, и сейчас оно не внушало страха, просто успокаивало.

«Мне нельзя спать», – напомнила она себе, села и энергично провела ладонями по лицу. Ладно, она сможет продержаться ночь – в Новый год они с дядей Бринненом никогда не спали: гуляли по городу с друзьями и соседями, пели песни, обменивались сахарными орехами и пряниками, а потом весь день катались с горы. Нет, пожалуй, Антия сможет не спать две ночи, а потом? У нее начнутся сны наяву с червями, которые ползают по рукам и лицу?

Что ж, остается надеяться, что к тому времени Верн отыщет способ добраться до выхода в родной мир Антии.

За окном стемнело. Начал накрапывать дождь. Пришла Вин Тан – отвела Антию на третий этаж, в большой зал, залитый ярким светом. За длинным столом сидели Древы, перед каждым стоял кубок с чем-то золотисто-зеленым. Место во главе стола оставалось свободным: когда в зал вошел Верн с Люн Шеном, все Древы поднялись и склонили головы.

Антии стало не по себе. Торжественная тревога заполняла зал.

Верн улыбнулся и, сев на свободное место, произнес:

– Давайте ужинать, и без церемоний, прошу вас.

По залу прошел веселый шелест листвы: Древы рассмеялись. Появилось угощение: медовые соты, ягоды, орехи, розовая морковь, рыжие стручки перца и круглощекие желтые яблоки. Отправив в рот

крупный орех, Антия впервые за день поняла, насколько проголодалась.

– Вы останетесь? – спросил Люн Шен с такой пронзительной надеждой, что Антии сделалось не по себе. – Вы не покинете Ашх-Анорн?

Верн помолчал. Покосился на Антию, словно она могла как-то поддержать его или дать совет.

– Я должен проводить Антию до пирамиды в Арх-Амане, – ответил Верн. – Пока это единственное, что для меня важно.

Древы понимающе закивали, зашелестели листвою.

– А владыка Ардион? – спросила Древа, сидевшая на другом краю стола. – Вы видели его?

Верн кивнул.

– Да, и он видел меня. Поэтому вам лучше покинуть это место, когда мы уйдем. Он ищет нас и не станет жалеть тех, кто дал нам приют.

Кубки снова наполнились золотисто-зеленой бодрящей жидкостью. Антия сделала глоток и почувствовала, как желание спать удирает без оглядки. Взять бы с собой хоть фляжку этого напитка! Воспользовавшись переменой блюд – Древы принесли подносы с фруктами, – она дотронулась до руки Верна и негромко спросила:

– Слушай, а если такие, как я, вызывают тут катастрофы, то почему Древы не волнуются?

Верн усмехнулся. Антия видела, что сейчас он думает совсем о другом.

– Потому что они верят, что во всем воля Создателя, даже в появлении иномирян. И ее надо принимать, а не спорить с ней.

– Мы поможем вам, – заявил Люн Шен. – В нашей башне растет дикое зеркало. Оно не очень сильное, но до Кахтан-Тацу добросит.

Верн рассмеялся. Кажется, впервые за все время пребывания в Ашх-Анорне он почувствовал облегчение.

– Лучшего и желать нельзя! – обрадовался он. – Жаль только, мне нечем отблагодарить вас за помощь и приют.

Древы зашумели, и Антия поняла, что они смеются.

– Мы рады, что государь вернулся, – сказал Люн Шен. – И рады, что Создатель дал нам возможность помочь ему. Другой награды нам не надо.

Дикое зеркало росло в маленьком и сухом подвале. Размером до плеча Антии, в аккуратной круглой раме, оно крутилось, словно хотело убежать. Люн Шен придержал его и попросил:

– Открой Кахтан-Тацу, будь умницей. Мы польем тебя сиропом.

Зеркало заерзало, и Антия услышала отчетливое фырканье. Отражение поплыло, сделалось текучим и живым, вздрогнуло – и Антия увидела поселок с белыми домами и красными черепичными крышами, который аккуратно лепился к скале. Вин Тан протянула Верну веревочную сумку, набитую овощами и зеленью, и прошелестела:

– Счастливого пути!

– Уходите отсюда, – ответил Верн, принимая подарок. – Ардион ищет нас.

– Мы знаем, – кивнул Люн Шен. – Наша ночь будет темной и долгой. В добрый путь!

Верн взял Антию за руку и шагнул в зеркало – она даже испугаться не успела, как они оказались с другой стороны, на берегу моря, теперь уже не Дохлого.

Поздний вечер был теплым и ласковым, со стороны поселка летела музыка, и Антия уловила дразнящий запах жареного мяса. Белая полная луна оказалась такой большой и висела так низко, что вокруг было очень светло.

– Ты как? – спросил Верн. – Спать не хочется?

Антия отрицательно мотнула головой. Она давно не чувствовала себя настолько свежей и бодрой. Они побрели по берегу, утопая в песке, и Антия увидела, как от них проворно отбежал большой краб, сердито качая глазами на длинных тонких стебельках.

– Тогда не станем тратить время даром, – Верн махнул рукой туда, где скала, поросшая зеленью, падала в море. Там медленно разливалось золотое свечение, и Антия услышала даже не музыку – далекий отзвук чего-то удивительно прекрасного.

– Что там? – поинтересовалась она.

– Скоро начнут подниматься драконьи яйца, – ответил Верн. – Надо же нам заработать на билет до Арх-Амана?

Желающих собирать драконьи яйца почти не обнаружилось. Когда Верн и Антия подошли к скале, то увидели лишь какого-то оборванца, который скреб в затылке. Над ним на серебристых стрекозьих

крылышках порхало существо, похожее на крохотного длинноносого старичка. Вокруг сверкающей плечи поднимались рыжеватые волоски, одежда была сделана из листьев, папка для бумаг, которую существо держало в костлявых руках, придавала ему комично-строгий вид.

– Ну, господин Айшун, – ныл оборванец. – Ну хоть разочек еще допустите, ну душа ж горит, сил нет никаких.

– Иди давай отсюда, – посоветовал Айшун. – Вот такими вот большими шагами. Кто в прошлый раз три яйца разбил? Кто драконицу испугал? Иди, и чтоб я тебя не видел больше, негодяй ты этакий!

– Ну, господин Айшун, ну имейте же милость, – не отставал оборванец. – Что ж у вас такое каменное сердце до моих страданий!

– Даже близко к яйцам не пущу! – заявил Айшун и, заметив Верна и Антию, спросил: – Новенькие? На добычу?

– Новенькие, – кивнул Верн. – На добычу.

Айшун вздохнул и указал куда-то себе за спину – там на волнах качалась маленькая лодка.

– Сезон почти кончился, добыча уже плохая, – сообщил он. – За одно яйцо плачу один серебряный пайс. Яйцо с двойным драконом – золотой пайс.

Верн снова качнул головой.

– Идет.

– Двойных драконов тут давно нет, – буркнул оборванец, сунув руки в карманы и отступив в сторону. – Всех такие вот приезжие извели, которым все сразу в руки, а своим и понюхать не дают.

Айшун замахнулся на него своей папкой.

– Пошел вон, пьянь!

Анття подумала, что такие представления здесь входят в стоимость обслуживания. Верн прошел к лодке, помог ей забраться и, когда она села на скамью, взялся за весло.

– Сачки видишь? – он указал на дно лодки, где действительно валялись дырявые сачки, явно успевшие повидать немало на своем веку. – Как только всплывут яйца, ловишь их и аккуратно кладешь вон в ту сеть.

– А как хоть они выглядят? – спросила Антия. – Никогда не видела драконьих яиц.

– Ты их ни с чем не перепутаешь, – заверил Верн.

Лодка мягко качалась на волнах, и Антия видела, что тихое сияние поднимается откуда-то со дна моря. Она всмотрелась и не сразу поняла, что видит: казалось, снизу летят золотые пузырьки. Послышался легкий звон, и из воды вынырнул сияющий шар размером с человеческую голову. От него веяло прохладой, и Антия увидела, как в его глубине проплывает крылатая тень.

Верн толкнул ее, снимая сеть.

– Что смотришь-то, лови! Серебряный пайс на дороге не валяется.

Антия взяла сачок и аккуратно, стараясь не спугнуть, подхватила драконье яйцо. Ею овладели детский веселый азарт и радость от пойманной добычи. Антия вспомнила, как давным-давно ходила с отцом и братом в столичный парк: был там уголок, в котором росли красноголовые грибы с рябыми белыми ножками. Как обрадовалась Антия, когда нашла свой первый гриб!

Верн осторожно повел лодку дальше, туда, где мелькнули золотые мазки. Второе драконье яйцо было совсем маленьким, не больше кулака Антии. Оно оказалось очень сердитым – уворачивалось от сачка, не хотело забираться в него и так и норовило нырнуть под дно лодки. Но Антия все же умудрилась выловить его, и, отправившись к первому яйцу, второе успокоилось, прилипло к чужому золотому боку, и Антия услышала печальный вздох.

Море было спокойным и темным. «Два серебряных пайса, – подумала Антия. – Лучше, чем ничего».

Хватит ли этого на билеты?

– Что потом будет с драконами? – спросила она. Верн пожал плечами.

– Мелких отправят на фермы, на мясо, как подрастут. Молодая драконятина хороша для больных детей. Крупные пойдут в армию. Они пока лучше боевых самолетов.

– Чем же именно? – удивилась Антия. Верн ухмыльнулся.

– Бомбят с двух концов, – он помолчал и угрюмо добавил: – Правда, сезон кончился. Я думал, мы наловим побольше.

– Давай еще поплаваем, – предложила Антия. – Тут спокойно.

Поселок постепенно засыпал. Стихла музыка, ветер унес прочь запах мяса. Море пахло водорослями, солью и тайной. Антия думала о дяде Бриннене, о том, что они обязательно скоро увидятся, о диких

зеркала и Древах, о мире, который поворачивался к ней то одним боком, сухим и мертвым, то другим, живым и ласковым.

– Вон там, – указал Верн. – Кажется, что-то есть.

Золотое зарево поднималось из глубины. Антия всмотрелась: драконье яйцо, которое двигалось в свите мелких пузырьков воздуха, было по-настоящему огромным. Не потопить бы лодку! Когда оно всплыло, обдав всех брызгами воды, Верн закрепил весло, и они с Антией с трудом затащили яйцо в лодку. Скорлупа была теплой и звонкой, под ней проплывали тени, и Антия удивленно увидела две головы на тонких шеях и четыре крыла.

– Двойной! – воскликнула она. – Золотой пайс!

– Отлично! – рассмеялся Верн, уважительно погладил яйцо и снова взялся за весло. – Теперь нам на все хватит.

Они поплавали еще, но драконьи яйца больше не поднимались, и Верн повел лодку к берегу. Подлетевший Айшун пересчитал добычу, уважительно кивнул, увидев яйцо с двойным драконом, и, сунув руку в листовенные складки своего одеяния, вынул кошелек.

– Два серебряных пайса и один золотой, – сказал он, отсчитав монеты в ладонь Верна. – Новичкам везет!

Антия надеялась, что так будет и дальше.

До вокзала пришлось идти через туннель, пробитый в скале. Мрак разгоняли фонари – посмотрев на них, Антия подумала, что они живые, уж больно энергично шевелились эти серебристые шары. С другой стороны скалы действительно виднелись железная дорога, маленькое здание вокзала и скамейки для ожидающих.

– Так похоже на мой мир, – невольно заметила Антия.

– Конечно, – согласился Верн. Они подошли к кассе – за окошком дремал кассир, сдвинув зеленое кепи на нос, на доске с расписанием поездов значились названия: Арх-Вихдат, Дарибан, Нахшет-Хо, Тцун-Анбан. Каждое слово казалось заклинанием. Верн прищурился, потом постучал в окошко и, когда кассир встрепенулся и вопросительно посмотрел на них, поинтересовался:

– Доброй ночи, уважаемый! Когда будет поезд в Тцун-Анбан?

Кассир почесал щеку.

– Через два часа подойдет, – ответил он, проведя пальцем по строчкам в желтой тетради на столе. – Еще долго.

– Два билета, пожалуйста, – Верн протянул серебряный пайс, получил оранжевые полоски билетов и горсть мелочи, и они с Антией направились к скамьям. Когда они сели, Верн отдал ей серебряную монету и сказал:

– Пусть будет у тебя. На всякий случай. Вдруг мы расстанемся, вдруг что.

Антия спрятала монету в карман штанов. Меньше всего ей хотелось двигаться через этот мир в одиночку – хотя бы потому, что она понятия не имела, куда идти. Пирамида в Арх-Амане – и как ее искать? Нет, ей нельзя расставаться с Верном. Ни в коем случае.

– Что случилось с твоим глазом? – спросила Антия. Оборотень пожал плечами. Его бледное лицо, как обычно, было невозмутимым.

– То же, что случилось с моей правой рукой.

– Вижу, что ты ее потерял, – сказала она, понимая, что в некотором смысле хамит ему. Впрочем, Верн тоже не сильно-то следил за языком.

По путям прошел человек в ярко-зеленом жилете, деловито стуча по рельсам чем-то вроде кочерги. Самым примечательным в человеке была воронья голова с единственным круглым глазом в середине лба. Верн поймал удивленный взгляд Антии и негромко объяснил:

– Это враноглав. Сиди спокойно и не смотри на него. Они это ненавидят.

– А что он делает? – шепотом поинтересовалась Антия.

– Ищет утечки магии, – по-прежнему тихо ответил Верн. – Как правило, они случаются рядом с волшебниками. Если протекло много, поезд может сойти с рельсов.

Антия поежилась. Ночь уже не казалась ей такой теплой.

– Он может тебя почуять? Понять, что ты – это ты? А меня?

Верн быстро провел рукой по лицу, снимая повязку, потом откинулся на спинку скамейки и закрыл оба глаза. Со стороны казалось, что человек просто задремал в ожидании поезда. Враноглав прошел по рельсам дальше, и постепенно стук его кочерги затих.

Только тогда Антия поняла, что все это время видела ночной вокзал словно бы через туманную завесу. Верн вновь надел повязку, и Антия отчетливо услышала хлопок, словно лопнул мыльный пузырь.

– Не может, – беспечно ответил Верн. – Я нас прикрою.

Ночь была такой тихой, что Антия слышала биение своего сердца. Над головами расцветали зеленоватые звезды незнакомых созвездий, в воздухе витала ароматная золотистая пыльца – чуть поодаль стоял большой деревянный ящик, в котором цвел пышный куст. Вынув флягу, Антия сделала глоток и напонила:

– Ты так и не рассказал, как потерял руку.

– Не припомню, чтобы я вообще собирался об этом рассказывать, – фыркнул Верн.

– Я родилась в великий день любопытства, – улыбнулась она. – Мне обо всем надо знать.

– Я уже заметил, – Верн смахнул с протеза невидимую пылинку, и в этот миг земля едва уловимо дрогнула под ногами.

Здание вокзала ожило, залилось огнями. На стене вспыхнуло, открываясь, нечто, похожее на зеркало. Кассир выбежал из своей будочки, уставился на него, запрокинув голову и разинув рот. Зеркало налилось свечением и мелодичным звоном, и Антия увидела Ардиона.

Он стоял перед тремя башнями, которые несколько часов назад дали им с Верном приют. За спиной владыки застыли каменные девы – их бледные лица, покрытые зелеными брызгами, были полны решимости и гнева. Поднявшись со скамейки, Антия всмотрелась в зеркало и с ужасом увидела, что за Ардионом лежат Древы – мертвые, изрубленные, с отсеченными ветвями.

Она всхлипнула – и тотчас же зажала рот ладонью, зажимая в себе слова и боль. Не привлекать лишнего внимания, делать так, чтобы тебя не заметили, – но как же это было тяжело!

– Не успели, – с горечью произнес Верн, и Ардион заговорил:

– Я, Ардион, милостью Солнечного Кормчего защитник и владыка Ашх-Аорна, обращаюсь к его жителям. День назад Солнечный Кормчий сбросил демонов с неба. Одна из демониц сбежала – ей помог это сделать мой брат-изгнанник, Верн, филин с железным крылом. Вы знаете, что демоны несут в наш мир. Я призываю каждого жителя Ашх-Аорна быть внимательным. Как только вы увидите их, сообщите, и вас ждет щедрая награда.

Он обернулся и указал на то, что осталось от Дрив. В руке одной из каменных девушек Антия увидела факел.

– Они дали приют моему брату и демонице. Они поставили под угрозу само существование нашего мира. Я покарал их за это и

обещаю такую же участь всем, кто будет настолько же глуп, – теперь Ардион смотрел прямо, и Антии казалось, что он видит ее и Верна в эту минуту. – Ты не убежишь от меня, брат. Ты не скроешься.

Зеркало погасло, и в ту же минуту Антию обдало незнакомым горьким запахом, и сухие сильные руки обхватили ее и сжали.

– Вот вы где, голубчики, – проскрипел враноглав. – Сразу ясно было: смотреть, если кто парочкой придет. Вот и парочка!

Кассир испуганно ахнул и бросился к ним.

Двигаться надо было быстро и плавно – как учил дядя Бриннен. Антиа мотнула головой в сторону, ударив нападавшего в левую часть черепа и умудрившись не задеть клюв, затем скользнула вниз, почти вытекая из его захвата, и ударила в бок. Враноглав сдавленно зашипел, заваливаясь в сторону, Антиа оттолкнула его ударом ноги назад – и в следующую минуту правое плечо пронзила боль от когтей филина, и вокзал начал стремительно уходить вниз.

Над головой хлопали крылья – Верн поднимался над скалами, и Антиа увидела, как по нитке железной дороги неспешно ползет уродливая громадина поезда.

Удрали? Получилось?

Скалы вдруг сделались очень близкими: Антиа ударилась коленями о камень и сдавленно зашипела. Опустив ее на крошечную площадку среди вершин, Верн, снова став человеком, сел рядом и сокрушенно запустил руки в волосы.

– Ловко ты его, – негромко произнес он. Антиа всхлипнула.

– Древ жалко...

Верн кивнул. Отсюда было видно, как на перрон из здания вокзала выбегают крошечные человеческие фигурки, и враноглав, потирая пострадавший бок, машет рукой в сторону скал. Да, охота продолжалась, но что теперь делать? Куда-то карабкаться по горам? Ночью на это отважится только сумасшедший. Тьма казалась такой густой, словно до нее можно было дотронуться: стоило Антии посмотреть куда-нибудь в сторону, как старый страх начинал ворочаться в груди. Ждать утра? Ардион наверняка уже движется сюда, и время терять нельзя.

– Что будем делать? – спросила Антиа.

– Поедем на поезде, – ответил Верн. – С ветерком!

Поезд остановился на станции, пробыл на ней положенное по расписанию время и медленно пополз сквозь горы, сердито исторгая клубы дыма. Когда вокзал остался позади и все снова утонуло во мраке, филин с железным крылом мягко опустился на крышу одного из вагонов. Антия ткнулась ладонями в теплый металл. В голове было пусто и звонко, ее тошнило, и больше всего она сейчас боялась соскользнуть с крыши под колеса.

Верн протянул руку – Антия оперлась на нее, поднялась, не чувствуя своего тела. Только бы не упасть!

– Не упадешь, – успокоил Верн, словно прочитав ее мысли. – А если упадешь, то я поймаю.

– Конечно. Тебе ведь нужна маленькая белая мышь, – Антия сама не поняла, как ей удалось пошутить. Кругом царил мрак, под ногами качался вагон, весь мир куда-то плыл, и Антия не знала, как ей устоять.

Верн потянул ее за собой – она сделала шаг, и еще один, и еще. Потом Антия услышала, как грохнуло что-то металлическое и впереди появился квадрат тусклого света.

– Ну вот, – довольно произнес Верн, и она увидела лестницу, уходящую в нутро вагона. – Давай спускаться.

Вскоре они оказались среди деревянных ящичков – на темно-коричневых боках красовалась печать с пером и листком бумаги, и Антия поняла, что здесь везут почту. Когда она спрыгнула с последней ступеньки, Верн махнул рукой, и люк закрылся.

– Здесь есть кто-нибудь?

– Нет. Здесь обычные письма, их не охраняют, – Верн прошел среди ящичков, устало опустился на один из них и вытянул ноги. Антия села рядом с ним и подумала: кажется, теперь можно отдохнуть.

– Почему ты не снял повязку на станции? – Она вспомнила, как жрица рассыпалась хлопьями черного пепла, и поняла почему. Но ей хотелось услышать ответ от Верна. Почему-то это казалось важным.

– Потому что я не мой брат. И чужие смерти не доставляют мне удовольствия.

В вагоне было прохладно. Антия вздохнула, положила голову на плечо Верна. Как-то там дядя Бриннен...

Ей захотелось плакать.

– Денег жалко, – вздохнула она. – Билеты же купили.

Верн улыбнулся.

– Ну так мы же едем. Неважно куда. Пока Ардион доберется до станции, пока они поймают наш след, мы уже сможем оторваться.

Он вздохнул, уселся на ящике поудобнее и, указав на сумку с подарками от Древов, которая чудом уцелела во время их вечерних приключений, произнес:

– Попей. Тебе же нельзя спать.

Антя послушно вынула флягу и сделала несколько глотков.

– А ты?

– А мне спать можно, – сообщил Верн и тут же засопел.

Поезд несся сквозь ночь, стук колес убаюкивал, и Антия несколько раз вздрагивала и поднималась, понимая, что все-таки начинает засыпать. Ей казалось, что над железной дорогой летит тень темно-синей сипухи, – тогда Антия принималась ходить среди ящиков, ежась и оглядываясь. Верн спал, в углах шевелились тени, и чудилось, что по крыше вагона кто-то неторопливо бродит туда-сюда.

Ранним утром Антия решила выйти из вагона по причине простой и прозаической: посетить туалет. Умудрившись бесшумно открыть дверь, она выскользнула в тамбур, прошла мимо ведра и веника, которые, должно быть, оставил проводник, и вошла в соседний вагон. Здесь царила тишина, запах грязи и перегара витал в воздухе, пассажиры спали, вытянув ноги в проход, и Антия надеялась, что сможет вернуться живой.

Вот и нужная дверь. Вот и хорошо.

Выйдя и вздохнув с облегчением, Антия посмотрела в спящее нутро вагона. Ничего особенного, кроме заливистого храпа на сто мелодий. Она шагнула в тамбур, и что-то теплое, похожее на паутину, тотчас же облепило ее лицо и руки, не давая двигаться. Антия дернулась в сторону, пытаясь освободиться, но только сильнее запуталась.

– Так-так, – издевательски пропели откуда-то справа. – Кто это тут у нас?

– Птичка, – вторым голосом могла бы говорить свинья, которая отчего-то научилась человеческой речи. Антия обернулась и увидела

две тени. Дернулась еще раз, уже понимая, что это напрасно, заорала во всю глотку, но ее вопль оказался едва слышным сипением.

– Хорошая птичка, – одна из теней скользнула к Антии, и она увидела длинное лицо, похожее на крысиное, алую косынку на голове и тусклые глаза. – Сейчас полетим в гнездышко.

Поезд замедлил ход, и через мутное стекло в двери Антия заметила крошечный полуразвалившийся полустанок. Один из ее похитителей толкнул дверь, и Антию практически вышвырнули из вагона на почерневшие доски перрона.

– Верн! – прохрипела она. Хоть бы освободить руки! Ее подхватили, поставили на ноги, и она услышала:

– Все, брат! Спасибо!

Поезд набирал ход. «Верн...» – подумала Антия, чувствуя, как все в ней дрожит от отчаяния. Только бы не разреветься! Эти сволочи не должны увидеть ее слез. Когда поезд скрылся за поворотом, по щиколотке Антии легонько стукнули, и она поняла, что ноги освободились.

Хотя бы это!

– Ну что, птичка, – человек, который выступил из-за ее спины, был молод, ослепительно рыж и хвастался широченной щелью между передними зубами. Новая рубашка с золотым шитьем изрядно контрастировала со штанами, которые, казалось, состояли из одних заплат. – Нечего стоять, пойдем в гнездо по холодку.

Антию легонько подтолкнули в спину, и она пошла следом за рыжим. Чьи-то пальцы нырнули в ее карман, вынули монетку, и веселый голос сообщил:

– Слышь, Кит! А птичка-то у нас не простая, а серебряная!

Кит спрыгнул с перрона, Антию снова толкнули в спину, и она слетела в руки рыжего.

– Я же говорю, хорошая птичка, – согласился Кит. – Пошли уже потихоньку. Под ноги смотри, тут камни.

Тропинка тянулась среди высоких кустов бирючины. В траве лениво перекрикивались птицы. Утро было солнечным и прохладным, и Антия, шагая за Китом, надеялась, что Верн уже проснулся и вылетел на поиски. Дура, какая же она дура!

Антия с трудом сдерживала слезы. Нет, плакать пока незачем. Надо прикинуть, как отсюда удрать.

– Кит, а Кит! – снова подал голос второй похититель. – А эт не та ли демоница, про которую вчераь Ардион трепался?

Кит пристально посмотрел на Антию, потом осторожно провел ладонью по ее лицу, и она с облегчением поняла, что наконец-то может дышать полной грудью и говорить. Захотелось закричать – но она понимала, что после этого ей снова заклеят рот и хорошо, если не поколотят.

– Ты демоница? – дружелюбно поинтересовался Кит.

– Нет, – буркнула Антия. Кит ослепительно улыбнулся и пошел дальше.

– Вот видишь, Джес, – бросил он через плечо. – Была бы она демоница, мы бы с тобой уже кверху ногами лежали да с кишками на деревьях.

Впереди гордо возвышалась яблоня, усеянная мелкими золотистыми плодами. Кит подпрыгнул, сорвал один, довольно захрустел.

– Ардион со своими бабами вчераь поселок Древов порубил, – хмуро сообщил Джес. Антия подумала, что он боится – и это хорошо. Пусть ему будет страшно – тот, кто трясется от страха, обязательно сделает ошибку.

– Да ладно тебе, – махнул рукой Кит. – Ну если и демоница, так что? Не все же Ардиону отдавать. Мы ее знаешь, за сколько продадим? На всю жизнь хватит!

Вот оно что, подумала Антия, это компания работоторговцев. Похищают зазевавшихся путешественников, тех, кто едет в одиночку, а потом продают. Хорошо, что они лишены уважения к Ардиону – возможно, это сможет сыграть ей на руку.

Ничего. Это все ничего. Она справится.

– А потом Ардион увидит, что мы к этому руку приложили, и все, – не отставал Джес. – Вон батька-то его высоко как поднялся! Да и небо чистое, как назло. Сейчас углядит, что мы ее ведем, да и конец.

Кит снова отмахнулся, но Антия чувствовала, что ему не по себе.

– Слышь, ты, – сказал он. – Не вздумай колдовать. Если что, руки поотрубаю, у меня разговор короткий.

Антия едва не расхохоталась в голос. Поотрубает он руки, надо же! Впрочем, ладно, пусть болтает. Возможно, расскажет что-нибудь полезное.

– Они у меня слеплены вашей дрянью, – миролюбиво сообщила она.

– Эт не дрянь, – подал голос Джес. Кажется, он осмелел. – Эт ловчая паутинка. Треть серебра за кокон, а ты говоришь дрянь. Из самого Тхаш-Джакента везли!

– Жжется, – пожаловалась Антия. Кит понимающе улыбнулся.

– Ничего, – сказал он. – Сейчас дойдем до места, умоешься. Вон поселок-то, недалеко уже.

V

Безликий султан

Кит не обманул – когда Антию привели в поселок, втокнули в какой-то покосившийся сарай и захлопнули дверь, она сразу же убедилась: в воде недостатка нет. На полу стояли кувшин, большой таз и металлический стакан – хватило бы и напиться, и умыться.

– Эй! – крикнула Антия. – Руки-то освободите!

В сарай заглянул Джес: провел ладонями над ее плечами, и на грязный пол ссыпалось что-то серебристое, полупрозрачное. Антия потрясла руками, стараясь восстановить кровообращение, и спросила:

– Зачем я вам?

Джес оскалился. Кажется, он успокоился, и соседство демоницы перестало его пугать.

– Продадим! Сегодня вечером как раз купчик приедет. На острова, может, отправишься. Там Безликие султаны правят, они до молодого мяса очень охочи. Или в Андахар отправят, там на кусочки разберут. У демониц, грят, мозги от черной смерти помогают.

Антию охватил озноб. Она как наяву увидела серебряные проблески ножей, которые заплясали на ее теле, вынимая внутренности.

– А есть-то мне до вечера дадут? – спросила она, стараясь оставаться спокойной. Хотя какое тут спокойствие, колени тряслись так, что Антия едва держалась на ногах.

Джес решил, что пора заканчивать с разговорами, и вместо ответа с грохотом закрыл дверь, задвинув засов. Что ж, дали попить, и то хорошо.

Напившись и поплескав водой в лицо, Антия прошла по сараю. В углу нашлась копна сена и небрежно брошенное клетчатое одеяло: спальное место. В щели между досками виднелись двор, тощие курицы, которые ковырялись в пыли, и здоровенный петух, с виду задира, что важно смотрел по сторонам. На заборе дремал дымчатый кот. Самая обычная деревня.

Оставалось понять, что с этим делать. Антия расстелила одеяло, легла и, глядя, как в лучах солнца плывут пылинки, подумала, что у

нее ничего не осталось. Деньги отняли. Это место она не знает даже приблизительно. Да, Верн ищет ее, но в какой стороне? Ардион и его каменные девы неслись за ними Дикой охотой, и Солнечный Кормчий равнодушно смотрел с неба и указывал им путь.

Анття усмехнулась. Надо же, Верн и Ардион – дети солнечного божества. Впрочем, почему бы и нет? Она пришла сюда из мира, лежащего на спине Великого Кита. Тоже можно удивиться.

Ладно, у нее нет ни оружия, ни денег, а что же у нее все-таки есть?

Анття поднялась с сена, прошла по сараю, подергала дверь. Нет, не сбежать. Подкоп тоже голыми руками не выроешь. В щель Анттия увидела, как во дворе появилась девчонка в лохмотьях и с черными от грязи ногами, бросила курам какие-то крошки. На мгновение Антии показалось, что на двор легла темно-синяя тень летящей сипухи, закрывая солнце.

Сипуха. Владыка Ардион.

Тень ушла, солнце снова заливало двор и кур. Где-то залиристо залаяла собака. Анттия налила еще воды, сделала глоток и вдруг подумала: странный какой-то привкус.

Она не стала допивать – прошла к сену, энергично растирая лицо и уши и пытаясь удержаться на ногах. Все правильно: кем бы ни была добыча, лучше ее усыпить до приезда покупателей. Демоница не будет колдовать, обычная девушка не попытается сбежать.

Анття почти рухнула на свое импровизированное ложе. Ущипнула себя за щеку, потом ударила – резко, звонко. Не спать! Не сметь засыпать!

В ту же минуту она провалилась в сон, как в холодную темную воду, и увидела крошечный вокзальчик, залитый солнечным светом, зеленую жилетку враноглава, небрежно брошенную прямо на перрон. Владыка Ардион сидел на скамейке и что-то задумчиво чертил веткой на земле.

– Так как же тебя зовут, девочка? – Он улыбнулся, и Анттия почувствовала, как где-то в глубине ее сердца стало разливаться тепло.

Это было неправильно. Это было жутко. Ардион откинулся на спинку скамейки, и Анттия увидела, как по складкам его мантии бегут золотые огоньки. Красиво. Опасно.

– Это все, что ты хочешь узнать? – спросила она. Ардион усмехнулся.

– Раз не хочешь говорить, тогда просто присядь, – предложил он. Послушно, как марионетка в руках кукольника, Антия подошла и села рядом. От мантии веяло холодом, но в груди стало печь. Она машинально подняла руку, дотронулась до сердца – стучит так, словно Антия пробежала через всю столицу.

Почему?

– Ты превратишь меня в камень, – сказала она. Ардион пожал плечами.

– Это мой долг перед Ашх-Анорном. Но, скажу честно, меня пугает наша связь. Здесь есть что-то, чего я не могу разгадать.

– Меня здесь *все* пугает. Я просто хочу вернуться домой, – призналась Антия. – Верн проведет меня к пирамиде в Арх-Амане, и мы уйдем отсюда. Уйдем и не вернемся.

Ардион посмотрел на нее с искренним интересом. Антия внезапно подумала, что он не настолько уродлив, как ей показалось вначале.

– Сколько умрет до этого? – поинтересовался он.

– Сколько ты уже убил? – парировала Антия, и на глаза навернулись слезы, когда она вспомнила изрубленных Древов. Ардион ободряюще похлопал ее по руке – от этого прикосновения что-то в Антии дрогнуло, разрываясь на части, и ее бросило в холод и тотчас же окатило жаром. Казалось, прохладные пальцы дотронулись не до тела – проникли куда-то в глубину души, зацепили, потянули.

– Где ты сейчас? – спросил Ардион и, склонившись к Антии, вдруг резко втянул носом воздух, словно брал след. – Ты одна, я чувствую. Что это за место?

«Он ведь сожжет этот поселок, – подумала Антия. – И Кит, Джес, та девчонка с грязными ногами будут лежать так же, как Древы».

Она не испытывала ни малейшей симпатии к работорговцам. Но и убивать их Антия тоже не хотела.

– Я никогда тебе этого не скажу.

Ардион негромко рассмеялся. Антия увидела, что от каждого предмета, от каждой травинки на газоне и камешка пролегли длинные насыщенно-синие тени.

– Пусть так, – неожиданно согласился Ардион. – Но тогда назови свое имя.

Когда-то дядя Бриннен рассказывал, что сильный колдун вместе с именем может похитить жизненную силу человека.

– Антия Корр вин Фалан, принцесса Таллерии, – ответила Антия. Она давно была лишена и титула, и фамилии своего отца, и это могло бы спутать планы Ардиона... если он, конечно, хотел украсть ее силу. Или не хотел? Антия поняла, что окончательно запуталась. Она давно не чувствовала себя настолько неуверенной и неловкой.

– Принцесса, кто бы мог подумать, – Ардион улыбнулся краем рта. – Где вы, ваше высочество?

Антия проснулась так резко, что на мгновение перестала дышать. Тело болело, словно ее били и тащили по земле. Сено и сарай исчезли: Антия увидела, что лежит во дворике, вымощенном каменными плитами. Круглый фонтан рядом бормотал веселую песенку, жара была такой, что кругом висел едва уловимый звон. Павлин, важно ходивший по двору, заметил Антию и раскинул хвост.

Она села. Огляделась. Миниатюрный садик с розовыми цветами, белоснежные стены, балкончики, прогулочные галереи – все украшено тонким кружевом резьбы, от всего веет покоем и ленью. Где она?

– Хороший товар, – негромко прошелестел спокойный голос. Антия обернулась и увидела, что из дверей вышли двое мужчин. Один, несмотря на яркий оранжевый халат, щедро украшенный золотым шитьем, мог быть только слугой: слишком напряженным выглядело его лицо. Второй, невысокий, с оливковой кожей, темными глазами и аккуратно постриженной бородкой, явно был господином, несмотря на простое светлое одеяние.

– Говорят, это и есть та демоница, которую ищет владыка Ардион, – сообщил слуга.

Крупный рот господина дрогнул в усмешке. Несмотря на жару, Антии сделалось холодно: что-то жуткое, непереносимое, смотрело на нее этими темными глазами.

– Пусть ищет! – беспечно ответил бородач. – Здесь даже Солнечный Кормчий найдет только то, что я разрешу.

Он дотронулся до лица, и Антия едва не заорала, увидев, как оно медленно отделилось, словно снятая маска. За лицом потянулись

розоватые нити. Там, где оно только что находилось, запульсировал рот, как у осьминога, мощные челюсти напоминали клювы.

«Вот почему их называют Безликими султанами», – подумала Антия, двор с фонтаном скользнул куда-то в сторону, и она рухнула на мрамор.

Верн еще во сне понял, что девчонка пропала – все это время он улавливал звон, который шел от ее души и переливался где-то справа. Теперь он растворился, как будто его и не было. Он открыл глаза: почтовый вагон наполняла утренняя тишина. Поезд летел по рельсам, Антии и след простыл.

«Зов природы», – подумал Верн, поднялся с ящика и направился к двери. Да, Антия вышла из вагона по вполне понятным причинам, а вот то, что она еще не вернулась, уже казалось дурным знаком. Верн втянул носом воздух и убедился: девчонки нет в поезде. Она уже далеко.

Он прошел в соседний вагон: судя по запаху и грязным ногам, которые торчали в проходе, здесь ехали работяги. Верн снова принюхался: да, Антия стояла здесь. И, судя по крупинкам остаточной магии, ее запутали в ловчую паутинку и выбросили на полустанке. Верн помнил, как поезд замедлил ход, а потом покати́л дальше – в тот момент он выплыл из глубин сна и погрузился в них снова.

Где это было?

Он заглянул в закуток проводника: здоровенный мужчина в расстегнутом мундире сладко спал в углу, и Верн почему-то испытал прилив такого непривычного для себя гнева, что зубы заболели. Для начала он пнул проводника и, когда тот вскочил со своей лавки, сжимая кулаки и пытаясь понять, кому это с утра захотелось драки на завтрак, отодвинул повязку с глаза.

– А... вя... ва... – пролепетал здоровяк, плюхнувшись обратно на лавку. Он зажмурился, вытянул руки, словно пытался закрыться от взгляда Верна.

– Ты видишь, кто я? – осведомился Верн и сам удивился, насколько яростно прозвучал его голос.

– Ва... вижу... – Проводник даже посерел от страха. – Вижу... смилуйтесь, пожалейте... все отдам!

Он дернулся было под стол, где в маленьком чемоданчике лежал груз хмель-травы, и Верн ударил его в плечо.

– Откуда в твоём вагоне ловчая паутинка? – спросил он. Проводник завыл. В вагоне тоже наметилось какое-то оживление: шум привлек внимание, и Верн устало подумал, что придется драться.

А ему этого не хотелось. Ардион, который когда-то учил брата боевым приемам, говорил: ты умеешь драться, но не любишь. А надо любить. Верн только потом понял, почему «надо» – потом, когда осознал, что никогда не станет таким, как Ардион, и не будет убивать потому, что это ему нравится.

– Ни-никакой паутинки, – простонал проводник. – Все чисто...

Ну и смелость у человека: готов обмочить штаны от страха и все равно врет. Смотрит в глаза и врет. Хотя нет, это не смелость, это непроходимая глупость.

– В нее поймали мою спутницу, – произнес Верн. – На какой станции выбросили?

Он хлестнул проводника по лицу – тот взвыл и залепетал:

– Там не станция, вашвеличество, там полустанок, даже названия нету. Ну живут там неподалеку торговцы, деревенька на пять дворов. А промышляют, да так и промышляют, как все. Видят, ежели баба-девка одна едет, да если еще почище выглядит, так ее и в паутинку...

«Так я и думал», – угрюмо сказал себе Верн. Не надо было спать. Надо было предупредить Антию, чтобы без него и шагу в сторону не делала. Какой дурак... Неудивительно, что Солнечный Кормчий решил от него избавиться, такая глупость посрамляет небо.

– А потом? – спросил Верн.

– А потом до деревеньки купцы приезжают, – кажется, проводник понял, что прямо сейчас его убивать не станут, и осмелел. – Ежели она из благородных, то ее к Безликим султанам везут, они до мягкого мяса большие охотники. А ежели она из простых, то ее на северные острова отдадут, на шахты. Там женщин-то не найдешь, а людям жить надо, сами понимаете, какая в тех краях нужда...

Верн подумал, не ударить ли его еще раз. Не стал. Прозрачный рулон ловчей сетки стоял прямо здесь, в уголке – не знаешь, что искать, никогда и не заметишь.

Выходя из отсека, он бросил искру в сторону рулона и краем глаза увидел, как огненный столб поднялся до потолка. Проводник заревел так, что в вагоне кто-то сверзился с верхней полки.

– Пожа-а-ар! – орал проводник. – Горим!

Верн вышел в тамбур, с усилием толкнул дверь и рванул в небо. Железная дорога легла под ним сверкающим шнуром, по которому торопливо бежал длинный жук поезда. Утреннее солнце поднималось над зеленым покрывалом земли, и Верн подумал, что отец может выйти и остановить его. Сбить летящего филина с железным крылом и смотреть, как горящий комочек перьев падает маленькой кометой...

Но Солнечный Кормчий не появился. Похоже, он все для себя решил и теперь просто наблюдал.

«Смотри, – подумал Верн. – Смотри на меня, но только не мешай. Просто дай мне спасти Антию и уйти».

Отец не ответил.

Верн летел долго – внизу лежала только земля с ее лесами, пятнами озер и нитками рек, никакого следа человеческих поселений. Когда он подумал, что, похоже, летит не туда, куда нужно, и надо вернуться и поискать в другой стороне, внизу мелькнули крыши деревушки.

С учетом того, что никакого жилья в округе больше не нашлось, это и было обиталище торговцев живым товаром. Верн снизился, пролетел над деревушкой: да, судя по кривым заборам, пыльным огородикам и тощим курам, здесь жили бедняки, но он прекрасно понимал, что хозяева этого места не будут демонстрировать доходы и привлекать к себе ненужное внимание. Тем более вот – от одного из домов мягко отъезжал мобиль. Верн оценил его: быстрый, дорогой, пройдет где угодно и уместит в себе что угодно. Да, пожалуй, на таких можно возить живой товар.

Он прищурился, ловя восходящие потоки: единственным куском магии в мобиле было зеркало – и оно сработало буквально несколько минут назад. А вот – Верн спустился пониже – растрепанная золотая нить, след магии, единственное, что напоминало здесь об Антии.

«Дурак, – подумал Верн. – Ох, какой же я дурак...»

Некоторое время он летел за мобилем – когда купец отъехал достаточно далеко для того, чтобы к нему не подоспела помощь, Верн бросил в мобиль сгусток огня: не настолько большой, чтобы повредить

бак и двигательные артефакты, но достаточный для того, чтобы заставить его вильнуть носом и, съехав с дороги, уткнуться в землю.

Купец, естественно, не сам сидел за рулем – но он вышел перевести дух, когда водитель выбрался из салона и принялся возиться под капотом. Обычно купцы имеют солидную, дородную внешность при их сладкой жизни и хорошей еде, а этот, надо же, был низенький, тощий, больше походил на учителя – когда лапы филина ударили его в грудь, то он полетел в траву, как игрушечный. Приняв человеческий облик, Верн поставил купца на ноги и несколько раз встряхнул.

– Э! – охнул шофер. Он высунулся из-за капота, увидел расправу над хозяином и хотел было вступить, но потом увидел повязку на глазу Верна, узнал и растерянно сел в пыль.

– Кого купил в поселке? – спросил Верн и приложил купца о мобиль.

– Дев... – всхлипнул тот. От страха его глаза смотрели в разные стороны, рыжеватые редкие волосы намокли от пота. – Девчонку. Демоницу.

Верн заглянул в салон – пусто.

– Кому загнал ее?

– Безликому султану Карису, – выдохнул купец и взмолился: – Не убивайте. Я никому не скажу, что вас видел.

«Ты будешь молчать, только если ляжешь в этой канаве с перерезанным горлом, – подумал Верн, – да и то Ардион найдет способ тебя поднять. А так – стоит мне улететь, как ты бросишься доносить».

– Где зеркало? – спросил Верн. Купец дернулся в его руках, застонал так, словно ему переломали все кости.

– Поща... дите...

– Зеркало! – рыкнул Верн.

– Оно одноразовое, – всхлипнул купец. – Только на один переход.

Верн выпустил купца, отряхнул руки и устало подумал, что может винить во всем только себя.

Значит, безликий султан Карис. Собиратель диковинок со всего Ашх-Анорна; возможно, их вчерашнего знакомого гарвелина ограбили и закопали именно прислужники султана. С одной стороны, это было замечательно. Демоница-иномирянка станет жемчужиной его

коллекции, Карис никому не отдаст Антию и никогда не причинит ей вреда.

С другой стороны, как ее забирать?

Верн со вздохом посмотрел в небо, словно Солнечный Кормчий мог бы дать ему ответ.

Но отец молчал – как всегда.

– Обычная девушка. Почему аль-Адун решил, что она демоница?

Что-то прохладное, пахнущее жасмином, прикоснулось к лицу Антии. За прикосновением пришли звуки: поскрипывание кровати под телом человека, сидящего рядом, плеск воды, далекое пение птиц. Совсем рядом был большой сад – Антия чувствовала его свежесть.

– Так ему сказали работоторговцы, – заметил второй женский голос. – И я бы на твоём месте им тоже поверила, Адиба.

– Ну не знаю, – с сомнением сказала первая женщина. Антию взяли за руку и принялись осторожно массировать пальцы, перебирая каждый сустав. – Помнишь ту пустынную ведьму, которая убивала холмцев? Так по ней сразу было понятно, кто она. А здесь... – Антия готова была поклясться, что Адиба пожала плечами. – Такая же, как ты и я.

«Если бы вы только знали, насколько я другая», – подумала Антия и открыла глаза. Девушка, державшая ее за руку, тотчас же отпрянула и молниеносным движением закрыла лицо зеленоватой вуалью. Вторая, которая стояла чуть поодаль, уткнулась лицом в ладони.

– Простите, саидати, если мы говорили лишнее, – прошептала Адиба.

– Вы кто? – спросила Антия. Голос прозвучал хрипло и устало.

– Я Адиба, – с поклоном ответила девушка. – Это Джария. Мы служанки при дворе Безликого султана Кариса, мир с ним.

Антия попробовала сесть поудобнее. Девушки тотчас же засуетились, подложили ей под спину подушки. Джария зажгла тонкую палочку, и по комнате поплыл прохладный цветочный аромат. Антия посмотрела по сторонам: да, султан жил в роскоши. В комнате не нашлось предмета без позолоты и жемчуга.

Жемчуг! Антия дотронулась до шеи и с облегчением поняла, что ее цепочка на месте.

– Как я сюда попала? – Если бы Антия знала, чем все кончится, то никогда не вышла бы из почтового вагона. Ну или, по крайней мере, разбудила бы Верна, чтобы он пошел с ней.

Ладно, что теперь переживать. Сделанного не воротишь. Где сейчас Верн? Вдруг Ардион устроил западню и поймал его?

– А вы не помните, саидати? – Джария встала рядом с подругой. – К работорговцам приехал наш купец, он купил вас и отправил сюда через зеркало.

Конечно, Антия этого не помнила. Ее усыпили, чтобы она не создавала проблем.

– Что значит «саидати»?

– «Благородная госпожа», – ответила Адиба. – Вы теперь будете жить у султана, мир с ним. Он собирает диковинки со всего Ашх-Анора! Кого здесь только нет!

Меньше всего Антия ожидала, что станет экземпляром в музее или зоопарке, когда отправлялась в путь к Великому Китаю.

– Султан знает, что такие, как я, приносят беду и смерть? – поинтересовалась она. Несколько мгновений девушки молчали, словно прикидывали, как лучше удрать, а затем Джария негромко произнесла:

– У султана, мир с ним, есть в собрании и те, кто хуже беды и смерти. Да вы и сами видели его.

Некоторое время все молчали, потом Антия спросила:

– Почему он такой? Кто он?

– На небесах Солнечный Кормчий, саидати, – охотно объяснила Адиба. – Но он правит только землей и небом. А тысяча морей, от самых теплых до заледеневших, находится во власти Кракена. Безликие султаны, мир им, его порождение.

Похоже, дело начинало принимать новый оборот.

– А владыка Ардион? – поинтересовалась Антия. – Султаны подчиняются ему?

Джария едва уловимо усмехнулась.

– Разумеется, саидати. Но иногда Карис, мир с ним, поступает по-своему, и у него хватает на это сил.

– И как же к этому относится владыка Ардион? – спросила Антия.

Адиба осмелела настолько, что подседа поближе к ней и тихо ответила:

– Никому не говорите, саидати, умоляем вас. Но он просто терпит Кариса, мир с ним. Солнце может испарить все моря до самого дна, но владыка не хочет править выжженной пустыней без капли жизни.

Антия невольно отметила, что эти девушки намного умнее, чем хотят казаться. Простые служанки вряд ли знали бы о том, кто кого терпит и кто чего хочет.

– И что будет дальше? – спросила она. Лишь бы с Верном все было в порядке! Только как он догадается, где ее искать...

«Как бы подать ему знак?» – подумала Антия.

– Аль-Адун говорил, что вечером Карис, мир с ним, призовет вас к себе, – ответила Джария.

«Охочи до молодого мяса», – рассмеялся Джес в памяти Антии. По спине будто пробежали ледяные пальцы.

– Что ему нужно? – не отставала Антия. – Экземпляр в коллекцию? Живой или мертвый?

– Что вы, саидати! – хором воскликнули девушки. – Нет мертвого среди морей, нет смерти под волнами! Султан, мир с ним, не убивает чудеса, а сохраняет их!

Вопрос слетел с языка Антии сам по себе:

– А нет ли в его коллекции маленькой белой мыши?

Джария и Адиба переглянулись. В глазах служанок мелькнул страх.

– Есть, саидати. Раз в год она принимает человеческий облик, – ответила Адиба. – Становится девушкой с белыми волосами и поет так тоскливо, что все здесь плачут.

– Вы ведь знаете о ней, саидати, – сказала Джария.

– Я знаю человека, который ее ищет, – промолвила Антия. – И надеюсь, что он придет сюда.

Девушки переглянулись и больше не задавали вопросов.

В какой-то момент Верн устал настолько, что решил спуститься и пойти пешком.

Он как раз пролетал над пустошью Аанунти, огромной равниной – когда-то на этом месте три армии схлестнулись в битве, и с тех пор никто здесь не селился и не пахал земли: слишком много крови она впитала, слишком хищные призраки бродили среди высоких стеблей солнечногорола. Приняв человеческий облик, Верн запустил перед собой крошечный шарик, который прокладывал дорогу среди трав, и неторопливо побрел за ним.

Над пустошью плыл сухой запах растений, такой густой, что Верн невольно вспомнил о горьких степных винах. Где-то справа беспечно щебетали птицы, которые забыли, как выглядят люди, – Верн удивлял их и даже забавлял. По самому краю пустоши шла железная дорога, и жители Ашх-Анора встревоженно смотрели на Аанунти из окон вагонов, боясь увидеть призраков и мечтая об этом, – этим все общение и ограничивалось. Мир велик, в нем есть и хорошие места, а мертвые земли лучше оставить мертвецам.

– Khra-an!

Прямо перед Верном поднялся копейщик – невысокий, кряжистый. Черные прилизанные волосы были заплетены в тугую косицу, когда-то яркий халат превратился в гнилое рванье, в провалах глазниц недобро приплясывали алые огоньки. Среди острых белых зубов мелькнул зеленоватый язык, словно змея высунулась из норы.

– Khra-an, – без прежней злости повторил призрак, понимая, что это ему надо бояться Верна, а не наоборот. «Прочь!» – перевел Верн и небрежно махнул рукой. Подул ветер, подхватил копейщика и понес над травами.

По пустоши пролетел стон. Верн покосился влево и увидел отряд варандийской пехоты: кожаные доспехи, маленькие круглые шлемы, ярко-синие перья плюмажей. Варандийцы погибли смертью храбрых – в телах виднелось столько ран, что лицо Верна невольно дернулось. Они не стали нападать, ничего не сказали – просто смотрели на идущего, и Верн чувствовал их взгляды на спине.

Ардион непременно сказал бы, что пустошь полна природной магии. Он выпил бы этих несчастных призраков, осушил бы их до дна – и пустошь наполнилась бы жизнью, здесь появились бы хутора и распаханная земля, здесь паслись бы рыжие лошади, и Верн не знал, почему все это кажется ему неправильным.

Он никогда не жалел призраков. Просто знал, что они бывают и как с ними обращаться – но сейчас ему сделалось тоскливо.

Тропинка бежала перед ним, расталкивая пижму, зверобой и алые брызги дикого мака. Головки цветов недовольно качались, и Верн почти слышал их сердитые голоса. Издалека донесся гудок паровоза. Верн подумал, что ночевать ему придется здесь, и решил мышковать – здесь полно полевков и сусликов, вон один отбежал от тропинки и застыл с изумленным видом. Как удивилась Антия, когда Верн признался, что ест мышей в своем птичьем облике! Как-то она сейчас?

Ее не отдадут Ардиону – и это хорошо. Кракен и Солнечный Кормчий поддерживают нейтралитет, понимая, что друг без друга им не обойтись, но Безликие султаны никогда не упустят случая устроить Ардиону маленькую гадость. Он даже не узнает, у кого спрятана сбежавшая демоница, а Карис будет наблюдать за его поисками и смеяться.

Верн сорвал травинку, сунул в рот. Он знал дорогу к островам Кариса, но пока понятия не имел, как вытащить оттуда Антию. Понятно, что воздухом – но Верн сомневался, что донесет девушку до берега в когтях. А взлететь ему придется высоко: Кракен умеет поднимать такие волны, что они дотрагиваются до ладьи Солнечного Кормчего. Разве что поискать на пустоши дикое зеркало и попробовать уйти через него. Тут они наверняка еще растут.

Впереди среди зелени замаячило что-то алое.

Верн остановился, постоял, вслушиваясь в едва уловимую речь пустоши. Он не стал убивать призраков, и теперь она негромко говорила с ним, рассказывая о своей простой жизни: семействе сусликов, что поселилось у ручья, двух степных котах, устроивших драку за самку, и стайке тонконогих антилоп, которые недавно прошли к северу.

Пустошь наполняла жизнь, но людей здесь не было. Никого, кроме Верна.

Он пошел дальше. Тропинка делала петлю вправо, огибая препятствие, и там Верн увидел лежащего в траве человека.

Он был мертв. Судя по золотисто-коричневому цвету лица, его убила и высушила отдача от сильного магического ритуала, проведенного около недели назад. Верн не удивился бы колдовству на

пустоши – где бы еще колдовать, как не здесь, но... Он шагнул к мертвецу, присел рядом на корточки и понял, что именно было не так.

Алое шелковое одеяние с золотой каймой на рукавах и вышитой вязью молитв. В точности такое же, какое носили жрецы пирамиды Ауйле. Верн мог бы спутать фасон, но не длинные буквы таллерийского языка с подчеркиванием гласных.

«Пусть придет солнце и развеет мрак, и изгонит зло и грех...»

Сдержав липкий озноб, Верн перевернул мертвеца, заглянул в лицо – да, этот сильный молодой мужчина еще месяц назад служил при пирамиде с Лефером, а потом куда-то пропал. Сунув руку за шиворот, Верн вытянул подвеску с золотым перечеркнутым кругом, подержал ее на ладони и, отстегнув, перевесил на свою шею. На какое-то мгновение его охватила брезгливость, но Верн почти сразу совладал с ней.

Жрец пирамиды Ауйле, который пришел из Таллерии в Ашх-Анорн так, что никто этого не заметил. Жрец, который должен был провести магический ритуал на пустоши.

Что ж, если посмотреть на то, что от него осталось, то сразу станет ясно: жрец провел ритуал, который оказался успешным. Интересно, понимал ли он, что умрет? Или просто делал то, что ему приказал Лефер, и прикидывал, как отсюда добраться до пирамиды в Арх-Аман?

День был жарким, но по спине Верна царапнуло холодком.

– Все это косвенные улики, – произнес он вслух, чтобы отогнать оцепенение. – Да, в Ашх-Анорне появились жрецы из Таллерии. Ясно, что они тут не в первый раз, потому что понимают, куда идти, что делать и как не попасться никому на глаза. Но это еще не значит, что Лефер как-то связал моего брата с Антией.

Верн обернулся – никого. Даже ветер не брел по верхушкам трав. Пустошь погрузилась в сон, никто не подслушивал, никто не мчался доложить Ардиону о том, что филин с железным крылом идет по Аанунти и умудрился найти кое-что очень важное.

Он прищурился на солнце и спросил:

– А ты, отец? Что ты об этом думаешь?

Тишина. Ни звука в ответ.

Конечно, отец все видел. Он замечал и шерстинку, которая падала с мышинной спины, – и если Солнечный Кормчий до сих пор молчал, то

его все устраивало.

И даже если – ну бред же! – Антию действительно связало с Ардионом после ритуала, то отца это вполне устраивало.

Но зачем?

Шарик нетерпеливо приплясывал на месте: вот же прекрасная тропинка, что ты застыл возле мертвеца? Это просто еще один призрак в армию обитателей пустоши. Нечего стоять, когда можно идти.

Верн понимающе кивнул и пошел по тропе. Солнце зависло над головой, словно отец следил за каждым его шагом.

Потом Антии принесли новую одежду: широкие оранжевые штаны, украшенные шитьем, и темно-синюю блузу длиной почти до колена. Антия скептически посмотрела на разрезы до бедер, но, пройдя по комнате, подумала, что наряд вполне удобный. Затем в комнату заглянул тот человек, которого Антия видела во дворе, и, поклонившись, произнес:

– Саидати, меня зовут аль-Адун. Султан Карис, мир с ним, приглашает вас к себе.

Антия кивнула, решив пока поменьше говорить и побольше слушать. Они вышли из комнаты, пошли по прохладному коридору, залитому сумерками, и Антия надеялась, что сможет вернуться живой.

Зал, в который ее привел аль-Адун, был наполнен закатным светом. Лучи уходящего солнца мягко скользили по причудливой красно-золотой росписи стен, прохладному мрамору пола, мягким диванам. Высокие окна выходили на запад, и Антия увидела море – живое, спокойное, похожее на дремлющего зверя. Возле крошечного причала дремал кораблик с треугольным алым парусом, и, всмотревшись, Антия ахнула: далеко возле горизонта медленно двигалась человеческая тень.

– Это Кракен, – услышала Антия знакомый голос. – Иногда на закате он поднимается из своего подводного дворца и идет по краю моря и неба, чтобы встретиться с Солнечным Кормчим.

Антия обернулась. Безликий султан смотрел на нее с искренним любопытством, и Антия невольно почувствовала облегчение от того,

что сейчас у него было обычное человеческое лицо.

– Удивительно, – только и смогла вымолвить она. Карис кивнул.

– Вот именно. Удивительно. Как тебя зовут, дитя?

– Антия Корр вин Фалан, принцесса Таллерии, – с достоинством ответила она. Вспомнила, как стояла и смотрела мать, когда разговаривала с кем-нибудь, и надеялась, что не будет выглядеть смешно, если постарается выглядеть так же, как она.

– Приветствую вас у меня в гостях, ваше высочество, – в голосе султана мелькнули уважительные нотки. – Карис, Безликий султан. Вы уже видели, почему Безликий.

Антия кивнула.

– Хочется надеяться, что больше не увижу.

Султан расхохотался, хлопнул в ладоши. В зал бесшумно вбежал слуга с подносом, уставленным сладостями и фруктами. Второй принес хрустальный кувшин с водой и стаканы.

– Я понимаю, что это пугает, – Карис указал на один из диванов, Антия послушно села. – Что ж, ваше высочество! Расскажите мне о том, какова ваша родная Таллерия, как вы попали сюда... и где сейчас ваш спутник.

– Таллерия лежит на спине Великого Кита, – Антия прекрасно понимала, что это проверка: султан знает о ее мире и теперь хочет убедиться, что Антия действительно пришла оттуда. – Кит погружен в сон на поверхности океана, но иногда начинает просыпаться, двигаться, и наши жрецы отправляют дюжину девушек в жертву, чтобы он остановился. Девушки спускаются по лестнице в пирамиде Ауйле, а потом попадают в Ашх-Анорн, и их встречает владыка Ардион со своими жрицами. Я была одной из этих девушек.

Карис задумчиво провел пальцами по подбородку. Налил воды, протянул стакан Антии – та взяла его, но пить не стала.

– Вы не врете, ваше высочество, – произнес он. – Вы рассказали о том, что в нашем мире знают лишь избранные, вы назвали имя создателя всех миров. Где сейчас Верн?

– Вы знаете его имя, – прошептала Антия. Султан рассмеялся.

– Конечно, я знаю его имя! Его сестра живет у меня во дворце.

– Маленькая белая мышь?

– Она самая. Ардион наложил на нее несмываемое заклятие.

Вот, значит, как! Неудивительно, что Верн хотел получить именно ее. Может быть, переход в другой мир – а Антия не сомневалась, что он захочет вернуться в Таллерию, – разрушил бы чары.

– Так где сейчас Верн?

– Я не знаю, – призналась Антия. Ей сделалось так горько, что сердце сжалось. – Меня похитили работоторговцы, я надеюсь, что он меня ищет, но... где ему меня искать?

Карис оторвал виноградину от грозди, бросил в рот.

– Вы говорили правду все это время, – заметил он, прожевав. – Продолжайте говорить ее и дальше. Чего хотите вы и Верн?

– Я хочу вернуться домой, – ответила Антия. – Верн должен был довести меня до пирамиды в Арх-Амане. Я обещала, что в награду дам ему маленькую белую мышь... но тогда не знала, конечно, что это его сестра.

– Понимаю, – кивнул султан и пробежался пальцами по лицу. Антия заледенела от ужаса, подумав, что Карис готов снять его, но султан лишь поправил лицо, как сползшую маску. – Что ж, ваше высочество, вы были со мной откровенны, я тоже буду. Вся вода Ашх-Анорна служит Кракену. Когда вы с филином бежали от Ардиона, вас видели все ручьи и реки, вся роса в траве... и сообщали о вас мне, любимому сыну моря. Я прекрасно знаю, что Ардион вас ищет, – он усмехнулся и добавил: – У нас с ним, скажем так, вооруженный нейтралитет. Кракен и Солнечный Кормчий просто терпят друг друга. И, признаюсь, для меня нет большего удовольствия, чем немного прищемить ему хвост.

Антия осмелилась сделать плоток. Обычная вода – у нее не выросли новые руки и не отвалились прежние.

– Можете спокойно отдыхать у меня во дворце, – продолжал султан. – С этой минуты вы гостья Кракена и находитесь в полной безопасности под его защитой. Этот остров укрыт от любой магии, кроме моей, так что Ардион вас не увидит и не почувствует. Как вы, кстати, с ним связаны? Я смотрю на вашу тень и вижу в ней его искры.

– Понятия не имею, – призналась Антия. – Я увидела его во сне еще дома, до отбора. И теперь вижу его, стоит мне только заснуть.

– Спи спокойно, – ободряюще улыбнулся Карис. – Наши Сноловцы не выпускают отсюда сны, так что он вас не найдет. А

Верн... что ж, я придумаю, как подать ему знак. Почему вы не едите? Пахлава с орехами прекрасная, отведайте кусочек.

Анття действительно проспала до утра, не видела никаких снов и, поднявшись с постели, почувствовала себя свежей и бодрой. Служанки приготовили новую одежду, на этот раз блуза и шаровары были цвета пыльной розы; приведя себя в порядок и переодевшись, Анття вышла в коридор, и он привел ее в маленький сад.

Странный это был сад: он весь состоял из холмов, поросших пышной травой, цветами и бело-розовыми кустами дейции. Птицы заливались трелями, приветствуя утро. Пройдя среди пионов, Анття села в траву и, обхватив руками колени, стала смотреть, как деловитая огненно-красная птаха возится среди листьев.

Как-то там сейчас дядя Бриннен? Все ли с ним хорошо? Наверняка Эвион не станет вредить калеке. Он, должно быть, вне себя от счастья: проблема сгинула в пирамиде, и можно жить спокойно.

Анття невольно зацепилась за это «жить спокойно». Если этот мир отторгает незваных гостей, устраивая катастрофы, то, может быть, именно по катастрофе Верн поймет, где надо искать Антию? Сможет ли султан устроить что-то вроде наводнения или цунами?

Но тогда погибнут люди. Много людей. Нет, дурацкая идея, совершенно дурацкая. Надо придумать что-то еще.

Внезапно под Антией дрогнула земля. Она не успела встать – холм плавно пошел вверх, поднимая ее вместе с травой и цветами. Вскрикнув, Анття оперлась о землю и, осторожно заглянув за край, увидела круглый бок и темно-серые ноги, покрытые грубой растрескавшейся кожей.

– Уррр-гу! – прогудели снизу. – Уррр-гу-у!

– Ах ты ж! – вскрикнула Анття и принялась гладить траву. Только ей могло так повезти: сесть на землю и оказаться на чьей-то спине. – Тихо, миленький, тихо! Не кричи. Я тяжелая, да? Тебе больно?

– Уррр, – ответили уже спокойнее. Не больно. Все в порядке. Анття поползла к другому краю, свесила голову вниз и увидела черные умные глаза под складками век и нос, который заканчивался

толстым рогом. Антия снова погладила траву, и существо довольно фыркнуло. Кажется, ему понравилось.

– Ты холмец, да? – вспомнила Антия разговор Адибы и Джарии о ведьме. Существо опять фыркнуло, качнулось: наверное, это означало «да».

– Вот умница моя, вот умница, – она вспомнила старые советы отца, который учил ее кататься на пони: говори мягко и спокойно, гладь, давай угощения и не бойся: все получится. – Вот какой ты молодец. Хочешь, принесу тебе что-нибудь вкусное?

Холмец потоптался на месте: идти ему было некуда, но Антия чувствовала, что он хотел бы отправиться куда-нибудь.

– Ты не родственник нашего Великого Кита? – спросила Антия. – Он несет на спине огромный материк с людьми, городами, дорогами...

Антии стало спокойно и как-то легко и весело. Она сама не знала, почему холмец, на котором она сидела, внушил ей такую радость.

В садик заглянул слуга: увидел Антию верхом на холмце, ахнул, похлопал себя ладонью по лбу. Антия махнула ему рукой и спросила:

– А чем их кормят? Мне кажется, он хочет есть.

– Сейчас принесу, саидати, – торопливо ответил слуга и убежал, чтобы через несколько минут вернуться с серебряным ведерком, наполненным прозрачной зеленоватой жидкостью.

– Ну вот, – Антия снова погладила траву, и холмец довольно заворчал. – Сейчас тебя покормят, мой хороший.

– Уррр-гу! – довольно ответил холмец. Вскоре он с удовольствием опустил морду в ведерко и принялся пить. Слуга протянул Антии руку, она спрыгнула со спины животного и поинтересовалась:

– Что в ведре?

– Удобрения, саидати, – ответил слуга. – Он же земляной. Ему они полезнее всего.

В саду появился султан, взглянул на Антию и холмца с любопытством.

– Ловко вы с ним обращаетесь! – произнес он. – Как это у вас получилось его разбудить?

Он пел?

– Даже не знаю, – развела руками Антия. – Я просто села на траву, а она зашевелилась. А они умеют петь?

– Умеют. Когда у них хорошее настроение, холмцы поют.

Антия вздохнула, собираясь с духом, и сказала:

– Мне надо поговорить с вами.

Карис улыбнулся и кивнул. Холмец печально вздохнул: кажется, ему не хотелось расставаться с Антией. Она погладила его по морщинистому лбу и рогу и пообещала:

– Я еще приду, маленький.

– Уррр-гу, – вздохнул холмец, словно уход Антии по-настоящему опечалил его. Какие уж тут песни! Султан одобрительно покачал головой.

– Обычно дамы боятся холмцев. Удивительно, что вам не страшно.

Они перешли в другую часть сада, сели в маленькой белой беседке, и Антия призналась:

– Честно говоря, я тут уже успела насмотреться такого, что ваш холмец для меня просто милый питомец.

Карис усмехнулся.

– Видели очаровательных спутниц Ардиона?

Перед глазами Антии снова всплыла волчья яма и жрица, которая опустила туда голову и высматривала добычу. В животе шевельнулся холод.

– Видела. Она меня почти окаменила, но Верн ее убил.

– Так о чем вы хотели поговорить? – осведомился султан. Из-за цветущего жасмина бесшумно выскользнул слуга с подносом: пахлава, фрукты, серебряный кувшинчик. Антия взяла рыжий мандарин, просто чтобы занять руки. Неожиданно ее охватило волнение – такое, что пальцы затряслись.

– Верн говорил, что Ашх-Анорн отторгает таких, как я. И здесь начинаются катастрофы и разрушения. Я подумала: что, если устроить такую катастрофу на море, но так, чтобы никто не пострадал? Возможно, здесь есть необитаемые острова, которые можно было бы накрыть цунами? Это могло бы стать знаком для Верна.

Султан улыбнулся, и Антия не поняла его улыбки.

– Что-то случилось? – спросила она, чувствуя, как тело от страха делается каким-то чужим. Султан принес какие-то новости? С Верном беда?

– К сожалению, случилось, – со вздохом ответил Карис. – Взрыв на заводе по переработке олеума в Тахван-Хар... такой, что снесло

половину города.

«Вот и началось», – растерянно подумала Антия и сразу же вспомнила давние слова отца, которые он сказал брату: ты не имеешь права на оторопь. Ты всегда должен сохранять спокойствие, что бы ни случилось.

Правило им не помогло. Антия до сих пор слышала их крики.

Она провела ладонями по лицу, пытаясь опомниться. Снесло половину города – Антии страшно было подумать, сколько людей погибло. Ей казалось, что откуда-то издалека доносится стон тысяч отлетающих душ. Чувство вины было, словно камень, который опустили на плечи: Антия понимала, что не хотела ничего плохого, что меньше всего желала бы причинить кому-то вред, но тяжесть пригибала ее к земле.

– Это ужасно... – выдохнула она. Султан кивнул, соглашаясь: ужасно – это еще очень мягко сказано. – И это связано со мной? Это точно?

– Ардион говорит, что да. Он в ярости... и Солнечный Кормчий тоже. Он очень недоволен тем, что вы еще живы, а его сын пока так и не добрался до вас.

Некоторое время они провели в молчании. Антия крутила в руках несчастный мандарин, и в голове царила звонкая пустота.

– Вчера вы сказали, что нас видели все ручьи и реки и сообщали вам, – когда Антия наконец смогла заговорить, ей на ум пришла фраза одного из адмиралов, которых она встречала во дворце давным-давно: никогда не верь воде. – Они ведь могут сказать вам, где сейчас Верн?

Взгляд султана изменился: теперь на Антию смотрела тьма морских глубин, которая понятия не имела о том, что свет существует. Тьма щелкала иззубренным клювом и змеилась бесчисленными щупальцами, тьма готовилась попробовать ее на вкус, но пока сдерживалась.

– Разумеется, – когда султан заговорил, его голос прозвучал вполне дружелюбно и спокойно. – Филин с железным крылом сейчас летит над южной пустошью к Тахван-Хару, возможно, полагая, что вы там.

Значит, Тахван-Хару. Хорошо бы знать, правда ли это. Хорошо бы знать, где это место.

– Может ли вода как-то подать ему знак? – не отставала Антия. Карис улыбнулся.

– Может. Но не знаю, сумеет ли он его правильно истолковать.

– Давайте попробуем! – Антия снова услышала в своем голосе отцовские нотки: звонкие, настойчивые. – Если, конечно, у вас нет других планов.

Султан вопросительно поднял левую бровь.

– Даже не знаю, о чем вы. Кажется, мы решили, что можем доверять друг другу.

Антия пожала плечами.

– Кажется, мы решили, что вы подадите Верну знак. Но так до сих пор и не подали. Не любите расставаться с тем, за что дорого заплатили?

Она понимала, что дерзит султану в лицо – и может себе это позволить. Для коллекционера диковинок и странностей девушка из другого мира была невыразимой ценностью, которой никто в здравом уме не посмел бы навредить. А коллекционеры не ломают то, чем дорожат, – в этом Антия не сомневалась.

– Вы освоились, – с улыбкой ответил Карис. – Освоились и больше не боитесь. Это очень хорошо, я не хочу, чтобы меня боялись. Но вы не хотите сидеть спокойно – и это очень плохо.

– Я хочу снова встретиться с Верном. Продолжить свой путь и вернуться домой, – Антия знала, что иногда лучше всего говорить только правду и ничего кроме. – Но вы ничего не сказали о том, что готовы меня отпустить. И я не знаю, что делать дальше.

«Потому что я уверена: никакого знака вы подавать не собираетесь, – с неожиданной злостью подумала Антия. – Вас вполне устроит демоница в коллекции, вам все равно, если весь мир рухнет – вы-то устоите».

Она не знала, почему вообще об этом задумалась. Какое ей дело до этого мира? Пусть хоть весь развалится на части: ей просто надо вернуться домой. Больше ничего.

Но за эти дни Ашх-Анорн стал ей дорог – Антия не ожидала этого. Здесь были Древы, готовые пожертвовать собой за Антию и Верна, здесь были холмецы, большие и добрые, здесь драконы откладывали яйца в море, и Антия не хотела этому миру ни гибели, ни зла.

Султан вздохнул. Налил воды в стакан, сделал несколько глотков. Антии казалось, что она балансирует на нити, натянутой над пропастью. Играет с тем, с кем никогда не станет на равных.

– Читать знаки воды могут лишь потомки Кракена, – сказал он. – Это я и имел в виду, когда говорил, что Верн не сможет правильно истолковать сигнал. Ваша мысль о цунами мне нравится, и это вполне в моих силах.

– Никто не должен умереть, – с холодной твердостью произнесла Антия. – Я бы настаивала, если бы мне было что дать взамен. Но сейчас я могу лишь просить.

Карис понимающе кивнул. Улыбнулся.

– Вы добры, ваше высочество, – заметил он. – А для того, кто хочет править, это очень плохо.

Антия рассмеялась.

– Предлагаете мне стать злой?

Улыбка султана сделалась еще шире.

– Предлагаю вам все-таки не бояться и отведать пахлавыв. А потом погулять в саду. Служанки принесут вам книги, а с холмецами вы уже подружились.

Антия вышла из комнаты поздней ночью, когда дворец погрузился в сон. За высокими окнами едва слышно шелестело море, круглое лицо луны смотрело на деревья, и Антия, бесшумно идя по коридору, подумала: как там холмец? Спит, должно быть, видит зеленые сны.

Служанки рассказали, что собрание чудес и диковин султана располагается в левом крыле дворца и совершенно не охраняется. Антия понимала эту беспечность: никто из обитателей острова не осмелится покуситься на сокровища хозяина, а даже если они и похитят какую-нибудь вещицу, то куда с ней деваться? С острова не сбежать: Кракен потопит любого, кто ограбит его любимое дитя.

Антия не знала, как сбежит – но понимала, что у нее нет другого выхода. Карис не собирался приглашать сюда Верна, как бы ни уверял Антию в обратном: его вполне устраивала иномирная демоница в коллекции. А сама она не собиралась просто так сидеть во дворце,

объедаться пахлавой и ждать, когда же Карису надоест прищемлять хвост Ардиону и он отдаст свое сокровище владыке взамен на что-то более интересное.

Вход в сокровищницу в самом деле не охранялся. Антия толкнула узкую дверь, украшенную причудливой резьбой, нырнула за нее и оказалась в непроницаемом мраке.

Тьма казалась настолько густой, что ее можно было резать ножом. Чувствуя, как в горле ворочается ком сухой тошноты, Антия медленно-медленно сделала шаг вперед. Она самой себе казалась бабочкой, которая продирается из кокона – вот еще один шаг и еще один. По виску сползла капля пота, Антия нервно махнула рукой по голове и пошла дальше.

Надо было идти. И она шла.

Вскоре над ее головой с треском вспыхнул огонек. Чувствуя, как становится легче дышать, Антия пошла с ним мимо шкафов и стеллажей, заставленных прозрачными коробками и ящиками. Огонек закружился над ее головой, становясь ярче. Теперь Антия могла читать надписи на одинаковых ярлычках: «Труп-корень», «Камень глубинной тьмы», «Гребень Халавины». Одна из надписей привлекла ее – Антия сняла ящик со стеллажа и прочла: «Дым легкого парения».

– Отлично, – прошептала она. Возможно, эта вещьца поможет летать. В ящике лежал хрустальный фиал, наполненный золотым туманом; Антия отправила его в глубокий карман своих безразмерных шаровар и, подумав, забрала еще и камень глубинной тьмы, просто так, на всякий случай – не больше гречневого зернышка, с острыми гранями, он недовольно подпрыгивал на месте и сразу же утих, когда его сунули в карман.

Огонек поплыл дальше.

– Мне нужна маленькая белая мышь, – негромко обратилась к нему Антия. Огонек несколько раз подпрыгнул и свернул вправо. Она пошла за ним, в очередной раз порадовавшись спокойной уверенности султана в том, что никто не вскрыет его сокровищницу. Возможно, он специально не запирает хранилища, чтобы потом добавить в свою коллекцию тех воров, которые не сумели удрать...

Антия до сих пор не знала, что будет делать после того, как найдет сестру Верна. У нее не было плана, как убраться с острова – с каждым шагом Антия понимала, что все глубже влипает в проблемы.

Ладно. Главное, ввязаться, а там посмотрим. Дядя Бриннен всегда так говорил.

Вторая часть сокровищницы оказалась похожа на зоопарк с бесчисленными клетками. В них что-то дышало, всхлипывало, ворочалось. Иногда прутья решеток наливались тревожным алым светом – тогда Антия слышала сдавленный стон. Ее спутник-огонек почти угас: в оставшемся скудном свете Антия видела то длинные золотые перья, то громадные лапы с крючьями когтей, то человеческие руки, покрытые чешуей.

Сердце сжималось от жалости. Вся обстановка была настолько давящей, что Антия невольно шла быстрее. Повезло же, что султан сделал ее гостьей в доме, а не посадил в одну из этих клеток... Огонек остановился, сделался ярче, и Антия увидела маленький стеклянный ящик, в котором свернулась белая мышь, сестра Верна и Ардиона.

Это не было ошибкой. Антию словно током ударило: она смотрела на мышь и видела девушку с белыми волосами, свою ровесницу. Насколько, должно быть, Ардион ненавидел ее, что обрек на такую участь!

– Все будет хорошо, – уверенно сказала Антия и, открыв ящик, осторожно взяла мышь в ладони. Та шевельнулась, удивленно посмотрела на свою спасительницу, и Антия торопливо произнесла:

– Не бойся, я друг Верна. Он ищет тебя.

Мышь вздохнула с облегчением. «И что же Верн не спас тебя раньше...» – подумалось Антии. Мышь проворно перебежала по ее руке и устроилась на плече: вот и замечательно, значит, можно уходить.

Когда они уже достигли выхода из зала с клетками, мышь вдруг пискнула. Огонек скользнул в сторону, и Антия увидела рычаги в стене: должно быть, они открывали клетки.

– Да, так и сделаем, – согласилась она. – Незачем держать их в неволе. Отвлекающий маневр.

Антия готова была поклясться, что мышь довольно улыбнулась.

Кажется, обитатели клеток не сразу поверили, что могут выйти из заточения. Но вот нетерпеливо стукнули чьи-то копытца, рассыпая серебряные искры, вот шевельнулись лапы, и Антия увидела, как мелькнули, раскрываясь, крылья.

Кажется, пришла пора бежать. Еще растопчут.

Когда Антия выбежала из дворца, земля под ногами дрогнула, и остров залило таким ярким светом, что она могла разглядеть каждую травинку. Вот и система безопасности сработала, застукав вора с поличным. Да, вы можете войти в сокровищницу султана Кариса, мир с ним, вы даже можете что-то взять, но кто вам сказал, что вы сможете убраться с острова? Наверняка в его хранилище чудес и диковин был третий зал – для незадачливых грабителей.

«В сад», – подумала Антия, и в ту же секунду услышала топот множества ног: бежали верные слуги султана.

Она рванула мимо фонтана к саду, на ходу вынимая из кармана фиал. Знакомый холмец шевельнулся и поднялся, поводя мордой: кажется, он был искренне рад увидеть Антию. Она забралась на его спину, вытянула туго притертую пробку из фиала и, выплеснув жидкость на траву, сказала:

– Давай полетаем, мой хороший. Унеси нас отсюда, пожалуйста!

Хотелось надеяться, что содержимое фиала способно им помочь.

В ту же минуту над дворцом разлилось золотое зарево, и Антия увидела, как в небо взлетает птица – огромная, как дирижабль, с двумя клювастыми головами, она сделала круг над садом, и холмец рванул за ней так, что Антия и мышь едва не слетели с его спины. Птица поднималась все выше, и Антия, посмотрев вниз, увидела крошечную фигурку султана, который выбежал из дворца, забыв надеть человеческое лицо. Щупальца извивались, клюв щелкал, и Антия готова была поклясться, что Карис увеличивается, а у его тени появляются новые руки.

Птица летела перед холмцем, ветер смывал искры с ее перьев, и остров султана Кариса постепенно стал не более чем ярким пятном в ночи. Вцепившись в траву на спине холмеца, Антия могла повторять только одно: не упасть, не упасть, не упасть.

Что дальше? Погоня?

Едва только она подумала о погоне, как океан содрогнулся: весь, от края до края, до темных мертвых глубин. Под водой стал разливаться свет – Антия увидела развалины городов, затонувшие корабли, колонны и статуи, мир, который умер задолго до того, как Ауиле слепил первого человека из звездной пыли и земной грязи.

Этот мир был настолько чужим, настолько наполненным смертью и ужасом, что у Антии все поплыло перед глазами.

– Мамочка, – всхлипнула она. Ей хотелось зажмуриться, но веки не слушались.

Океан вскипел. Волна поднялась, на мгновение закрыв собой луну. Антия видела бурлящие пенные барашки на ее горбу, видела, как обнажилось дно и со дна воздвиглось что-то бесформенное, жуткое, потянуло к ней многопалую руку.

Холмец вскрикнул, теряя высоту, – в тот же миг птица величаво развернулась и, подхватив его на крыло, отправила себе на спину. Антия не удержалась, скатилась по траве, вцепилась в мягкие теплые перья. В лицо ударили соленые брызги, и Антия вдруг услышала:

«Спасибо за мою свободу».

– Пожалуйста, – ответила она вслух. – Если сможешь отнести нас в Тахван-Хар, будет просто замечательно.

Над океаном рассыпался мелодичный смех, и птица запела – настолько звонко и сладко, что Антия рассмеялась: так было хорошо.

«Смогу! – услышала она. – Держитесь крепче!»

VI

Голем

Антии страшно хотелось спать – и она отважно сражалась со сном. Терла уши, хлопала себя по щекам, и мышь, оценив ее героические усилия, даже царапнула ее шею: легонько, кровь не выступила. Солнце медленно выкатывалось из-за горизонта, у Антии зуб на зуб не попадал от холода, но внизу океан вздыбливал одну волну за другой, пытаясь сбить беглецов, и птица не снижалась. Она летела так высоко, что Антии казалось, будто они вот-вот заденут крупные синие звезды.

– Ты не мерзнешь? – спросила Антия. Крылья дрогнули, и по всему небу разлились красно-зеленые ленты света.

Полярное сияние! Антия читала о нем в школе, и сейчас оно во всей красе воздвиглось над южным океаном!

«Я живу среди ледяных скал на вершине мира, – откликнулась птица. – Там я пою на каменных пирамидах, замороженных до самого дна. Там на дне спят черные люди с одним глазом, и мое пение делает их сон из крепкого мертвым. Нет, мне не холодно!»

Мышь скользнула в вырез блузки Антии, пытаясь спрятаться получше. Холмец вздыхал во сне: ему-то никто не запрещал спать. Антия прижалась к его боку и, слушая мерные удары сердца, подумала: хоть бы с Верном все было хорошо. Хоть бы с дядей Бринненом все было в порядке.

Вокруг звенели хрустальные колокольчики мороза, и в какой-то миг Антии сделалось спокойно и уютно. Тепло окутывало ее, гладило заледеневшие ноги и руки, и Антия сама не поняла, как все-таки заскользила в сон – прозрачный, синий, глубокий. Просто заснуть на минуточку – это же можно. Это же не страшно.

Она опомнилась только когда увидела Ардиона: он держал ее, и сухие твердые пальцы били Антию по лицу.

– Просыпайся! – В его голосе звучала ярость, словно Ардион сейчас делал то, что хотел делать меньше всего. – Не смей спать! Ты замерзаешь, ты умрешь!

Анття болталась в его руках, словно марионетка у уличного актера. Во взгляде Ардиона был гнев – он смотрел так, словно ненавидел самого себя за то, что сейчас делал.

– Проснись же! – еще один удар.

– Почему... – только и смогла выдохнуть Анттия. Лицо Ардиона дрогнуло, сминаясь некрасивой судорогой, и она почувствовала, как тепло, окутавшее ее, делается жестоким и жгучим. Оно охватывало тело гибкими петлями, и Анттия понимала: там, наяву, она уже успела заледенеть. Она почти умерла.

– Потому что я хочу убить тебя сам, – услышала она тающий в золоте рассвета голос и, сев, едва не соскользнула с птицы. Тьма отступила, ушла далеко-далеко. Анттия увидела, что птица летит над холмами, поросшими рыжей травой, – далеко впереди, в тумане, виднелись очертания города.

Лед, сковавший тело Антии, отступал. Тепло текло по ее коже, оживляя и возвращая к жизни. «Я хочу убить тебя сам...» – прозвенело в ушах и растаяло.

– Еще посмотрим, кто кого, – буркнула Анттия и подумала: «Все-таки спасибо».

Холмец ожил, завозился, и по энергичному блеску его глаз было понятно: ему очень нравится это место. Анттия погладила его по теплому боку, и холмец довольно зафыркал.

– Ну вот, маленький, – улыбнулась Анттия, пытаясь сбросить непонятное чувство, которое прилипло к ней невидимой паутинкой. – Скоро сядем.

Через несколько минут птица плавно опустилась на траву, наклонилась так, чтобы Анттия и холмец смогли спуститься. Наконец-то оказавшись на твердой земле, Анттия довольно улыбнулась и, осторожно погладив птицу по крылу, сказала:

– Спасибо. Ты спасла нас.

«Это я должна тебя благодарить, – откликнулась птица. – Я три сотни лет прожила в неволе у Безликого султана. Если бы не ты, я и дальше сидела бы в клетке. Теперь меня ждет родной север».

– Спасибо, – с искренней любовью повторила Анттия. – Если вдруг встретишь филина с железным крылом, скажи ему, где оставила нас.

«Передам!» – согласилась птица.

Мышь завозилась, выбралась на плечо. Антии показалось, что она очень довольна тем, что полет наконец-то прекратился. Птица раскрыла крылья, разлив по холмам красно-синее зарево, и прыгнула в небо. Антия помахала ей вслед, потом погладила холмец и спросила:

– Тебе здесь нравится?

– Уррр-гу! – весело ответил холмец.

– Останешься здесь?

Холмец осторожно толкнул Антию боком морды. Ей показалось, что холмы, лежавшие чуть в стороне, шевельнулись. Кажется, у ее нового друга нашлись здесь родственники.

– Я вижу, тут твоя родня? – улыбнулась Антия и погладила холмец в последний раз. – Беги к ним, мой хороший. Спасибо тебе!

Холмец фыркнул и весело двинулся вперед. Вскоре он лег рядом с одним из холмов, и Антия услышала пение – легкое, счастливое. Холмец радовался свободе и дому.

Помахав на прощание, Антия пошла в сторону города. Мышь сидела на ее плече, с любопытством смотрела на холмы, и Антия вдруг подумала: что, если ее появление в городе вызовет очередной взрыв? Или случится землетрясение?

На душе стало холодно и знобко.

– Хоть бы никого не встретить, – вздохнула она. Мышь едва слышно пискнула, и Антия улыбнулась: – Жаль, что я не знаю, как тебя зовут.

Мышь не ответила.

Дорога бежала среди холмов – сейчас они были самыми обычными, заросшими травой и алыми пятнами цветов, похожих на маки. Пение холмецов осталось далеко позади. Антия шла, стараясь выбросить из головы мысли об Ардионе, – и не могла.

Он мог бы оставить ее умирать, но не стал. Он разбудил Антию и обогрел своим заклиниванием. Его взгляд был слишком острым и живым для простой ненависти – в нем было что-то намного важнее и глубже.

«Я хочу убить тебя сам» – нет, тут вряд ли дело только в этом. Но Антия так и не могла разобраться, и от этого в душе поселилось неуютное знобящее чувство.

Через два часа пути они вышли на окраины города: пыльные, скучные, в точности такие же, как в ее мире. Маленькие домишки, покосившиеся заборы, дети и козы в грязи – Антия надеялась, что

сможет обойтись без приключений в своем экзотическом наряде. Какая-то собака залаяла на нее из-за штaketника, угрюмый мужичина, сидевший на лавке у ворот, проводил хмурым взглядом.

– Не бойся, – шепнула Антия мышке. Та тихонько пискнула в ответ.

Постепенно труппы остались позади, и Антия вздохнула с облегчением. Обошлось без приключений. Город, спокойный и уютный, даже начал ей нравиться. Сев на скамье в парке и устало вытянув ноги в пыльных сандалиях, она подумала: найти бы, чем перекусить, и было бы совсем хорошо. Кругом гулял народ, упитанный торговец пирогами продавал с лотка ароматную выпечку, и от запаха ванили и корицы у Антии невольно закружилась голова. Проходивший мимо господин в высоком шлеме, темной форме и с дубинкой на поясе, похоже, местный полицейский, сперва мельком взглянул на Антию, потом остановился и посмотрел уже внимательнее.

«Сидеть спокойно, – велела она себе. – Я просто погуляла и отдыхаю. Ничего особенного, ничего плохого».

Полицейский подошел, дотронулся до края шлема. Антия доброжелательно улыбнулась – так, как должна улыбаться законопослушная гражданка, которая не замышляет ничего плохого. Хотелось надеяться, что он не станет придираться к ее блузе и шароварам с учетом того, что здешние дамы носят закрытые платья с пышными юбками в пол.

– Капитан Къятто, полиция Тахрама. Гуляете?

Улыбка Антии сделалась еще шире.

– Да, офицер. Гуляю. Прекрасный парк.

Капитан сунул руку в карман и извлек плотную карточку – Антия увидела портрет Верна. Без повязки на глазу, с аккуратно подстриженными и уложенными волосами, он показался ей незнакомцем. Мышь издала жалобный писк и нырнула за воротник блузки. Полицейский скорчил брезгливую гримасу.

– Она ручная, – завершила его Антия. – Даже фокусы может показывать. А кто этот человек?

– Преступник, который помог сбежать одной из демониц, – ответил капитан. – Он сейчас одноглазый, и рука у него металлическая. Видели?

Антия рассмеялась, кокетливо махнула рукой.

– Уверяю, если бы видела, я бы его точно не забыла. Нет, господин капитан, я совершенно точно не встречала этого человека.

Капитан устало усмехнулся.

– Ходим вот, опрашиваем... Если увидите, то сообщите любому полицейскому. С ним еще девица ваших лет примерно, только ее портрета у нас нет.

Анття кивнула.

– Да, разумеется. Я...

Она не успела договорить. Скамья, на которой она сидела, вдруг поползла в сторону, словно земля хотела стряхнуть ее. Полицейский раскинул руки в стороны, стараясь удержать равновесие, и Анттия услышала мелодичный звон – в здании магазинчика прямо напротив входа в парк посыпались стекла.

Раздался истошный женский визг. Тряхнуло снова: только тогда Анттия поняла, что люди, которые до этого спокойно гуляли по дорожкам парка, куда-то бегут и она бежит вместе с ними. Великий Кит стал погружаться в океан, надо было как можно скорее добраться до спасательного дирижабля. Парень в полосатом халате, бежавший рядом с Антией, вдруг упал; выругавшись так крепко, что ей позавидовал бы старина Джаккен. Анттия подхватила его под руку, дернула на себя, помогая подняться.

Гравий дорожки полз под сандалиями. Откуда-то из глубины доносились мерные удары: бум! бах! Должно быть, это билось сердце Великого Кита. На глазах Антии дом с колоннами медленно потек вниз, рассыпаясь и сминая бегущих по мостовой. Солнце стремительно укутывалось низкими клокастыми тучами – Солнечный Кормчий прятал от людей свой лик, и Анттия увидела, как над городком закружились серые лохматые снежинки.

В ту же минуту ее отшвырнуло в сторону: приложившись головой о тумбу с рекламными плакатами, она успела подумать, что в этом мире нет Великого Кита – а потом не стало и мира.

– Барышня! Барышня, эй!

Кто-то хлопал Антию по щекам. Руки были мягкими и теплыми, молодой мужской голос – взволнованным. Анттия потянулась к нему из темноты и услышала:

– Жива! Эй, тут живая еще! Сюда!

Антию подхватили, опустили на что-то тонкое, понесли. Она открыла глаза и увидела, что лежит на носилках: двое крепких мужчин в зеленой форме погрузили ее в металлическое чрево мобиля, и за ней сразу же запрыгнул тот паренек в халате, которому Антия помогла подняться. Левая бровь парня была рассечена, по лицу струилась кровь, но выглядел он на удивление бодрым и веселым.

– У тебя лицо разбито, – проговорила Антия, чувствуя, как в голове плещется боль. Похоже, ее новый знакомый был в шоке и не понимал, что тоже ранен. Парень дотронулся до брови, посмотрел на окровавленные пальцы так, словно ничего страшного не произошло.

– Пустяки, не бойся, – он улыбнулся, махнул рукой, словно его рана и правда была пустяшной. – Спасибо, что подняла меня. Я мог там разбиться. А теперь замажут, и ничего, буду как новенький.

Замажут? Да, кажется, он крепко стукнулся головой. Мобиль подпрыгнул на какой-то колдобине, остановился. В маленькое оконце Антия увидела белую громадину дома.

Больница? Тюрьма?

– Моя мышь, – прошептала Антия. От страха, что мышь могла сбежать или погибнуть, у нее даже ноги онемели. Улыбка парня сделалась еще шире, и он осторожно дотронулся до кармана.

– Тут она, со мной. Я слышал, как ты говорила, что она ручная.

Антия невольно улыбнулась в ответ. Ей неожиданно понравился этот парень: его растрепанные белые волосы, его прозрачно-голубые глаза с золотистыми искорками, улыбка, какая-то растерянная и искренняя. Когда Антия смотрела на него, то забывала о том, что несколько минут назад было землетрясение и ей, кажется, сильно досталось.

– Что значит «замажут»? – уточнила Антия. Двери мобиля раскрылись, и люди в зеленом схватились за носилки.

– Глиной замажут, – объяснил парень, и его лицо дрогнуло, словно он испугался, что Антия его неправильно поймет. – Я голем.

Антию принесли в огромный гулкий зал, до самой крыши полнящийся стенами раненых, положили на койку и забыли – слишком

много было народу и слишком мало врачей. Какое-то время Антия смотрела по сторонам, а потом задремала: она видела, что происходит в зале, слышала крики, брань и мольбы, и все это было отделено от нее прозрачной пеленой.

«Найти бы Верна, – подумала Антия. – А вдруг он придет сюда? Землетрясение – прекрасный знак...»

Когда она почти провалилась в сон, ее руки что-то коснулось. Антия встрепенулась и увидела голема: тот сел на край ее койки и с веселым видом показал Антии металлическую миску с краюхой хлеба и куском сыра.

– Как ты? – спросил он и протянул Антии миску. – Вот, нашел тут кое-что на ужин. Держи.

У Антии заурчало в животе. Она попробовала есть, и все вокруг сразу же поплыло. Голем подложил ей под спину подушку и сказал:

– Неслабо тебе досталось. Ты бледная.

Антия отломала кусок хлеба. В конце зала совершенно вымотанный врач стянул с лица зеленую маску и устало привалился к стене. Слишком много раненых, слишком много. И все это из-за нее.

«Надо уходить отсюда, – подумала Антия. – Чем быстрее я доберусь до Выгорья, тем лучше».

– Тебя замазали? – поинтересовалась она. Голем улыбнулся, откинул со лба прядь волос и показал чистую кожу.

– Как новенький, говорю же. Ты ешь, ешь. Врач тебя, смотрю, тоже подклеил.

Антия дотронулась до затылка и обнаружила тканевую повязку. Значит, она все же заснула и не почувствовала, как к ней подходили. Так ее и Ардион заберет, а она не почувствует.

– Как тебя зовут? – спросила Антия.

– Осборн, – ответил голем так, словно Антию заинтересовало что-то важное, и вдруг признался: – Никто до этого не спрашивал мое имя.

– Почему? – Скучная еда по-настоящему оживила Антию: поев, она почувствовала себя свежей и бодрой и протянула половину хлеба и сыра Осборну: – Держи, поешь.

Голем улыбнулся – так улыбались дети на улицах города, когда богатые господа из проезжающих мобилей бросали им мелочь, и его лицо сделалось светлым и беззащитным.

– Спасибо, – сказал он и поинтересовался: – Откуда ты? Ты ведь нездешняя.

Антия рассмеялась. По залу прошли люди в зеленом, похоже, помощники врачей – стали гасить лампы. За грязными окнами сгустился вечер, и Антии не хотелось думать о том, что могут принести ночь и следующее утро.

Ардион был рядом. Она чувствовала прикосновение его взгляда к лицу – и не знала, что думать.

– Да, по моей одежде это видно, – признала она. Осборн только рукой махнул.

– Не в одежде дело. Никто в Ашх-Анорне не станет поднимать упавшего голема. Никто не разделит с ним еду. Так что ты не отсюда, я это сразу понял.

Антия поежилась. Кругом было полно народу, и не все из этих людей настолько ранены, чтобы не смотреть по сторонам и не заметить ее странного поведения. Она привлекла внимание, не зная этого, – и здесь скоро появится полиция. Возможно, Ардиону уже сообщили.

– Послушай, – негромко начала Антия. – Я сейчас уйду отсюда. Если тебя вдруг спросят – ты меня не видел, ты меня не знаешь. Договорились?

Осборн доел хлеб и сыр, поставил миску на пол и решительно произнес:

– Договорились! Пойдем.

Антия растерянно посмотрела на него.

– Куда?

– Ну, – голем слизнул крошку с пальца. – Куда тебе надо, туда и пойдем.

Он взглянул на нее, понял, что она не понимает его порыва, и объяснил:

– Ты отнеслась ко мне как к человеку. Спасла, когда я упал, накормила. Со мной такого никогда не случилось. Я теперь тебя одну не оставлю.

– Ничего такого я не сделала, – смущенно возразила Антия. Она давно успела привыкнуть к тому, что люди удивляются хорошим поступкам, но не знала, что и в другом мире дела обстоят схожим образом. – Ну правда же! Ты упал, я подняла. Тебя бы там затоптали.

Осборн кивнул.

– Ты точно нездешняя, – заметил он и добавил так, словно боялся, что его могут перебить: – И я, кажется, даже знаю, кто ты и кого хотела бы найти.

У Антии по спине пополз холодок. Спустив ноги с койки, она нашарила сандалии, обулась и спросила, готовясь в любую минуту броситься бежать:

– И кого же?

– Филина с железным крылом, – серьезно ответил голем. – Его арестовали час назад.

– Интересно, за него премию дадут? Или выходной?

Верна без всяких церемоний втолкнули в камеру, на закуску угостив ударом дубинки поперек спины, и долговязый полицейский со знанием дела сообщил:

– Должны! Это тебе не карманников по рынку гонять, это ж, – он замялся, подбирая слово, и произнес: – Величина!

– Я бы выходной хотел.

– А я бы лучше деньгами взял. У тетки скоро день рождения, к ней просто так не придешь. Она у меня с подходцем, тетка-то.

Его напарник, которого Верн про себя назвал Ежом за растрепанные волосы, кивнул, соглашаясь. Верн дотронулся до повязки на глазу, и полицейские тотчас же отступили от решетки.

Верн так до конца и не понял, как его арестовали. Он вошел в город, как раз когда началось землетрясение. Вот земля начинает плыть под ногами, дома оседают, как игрушки, которые разбрасывает ребенок, – а вот Верна уже волокут в полицейский фургон, рот наполняется горечью, а голова звоном. И ни крошки магии, как всегда и бывает после удара по голове.

Он дотронулся до затылка: да, ссадина.

– Ты это, – буркнул Еж. – Ты смотри, сиди тихо. А то у нас вон! – Он показал дубинку, исписанную рунами, от которой веяло тяжелой боевой магией. – Мало не покажется.

Верн рассмеялся. Почему они не боялись, когда тащили его в фургон? Почему не подумали, что Верн, филин с железным крылом, не

расшвыряет их, как котят? Вряд ли эти парни с интеллектом креветок что-то понимают в магии.

– Если я открою глаз, – дружелюбно произнес Верн, – то от вас, ваших дубинок и вашей тюрьмы останется только мусор. Обещаю.

Его знали. Он никогда не бросал слова на ветер. Полицейские насупились, понимая, что ходят по очень тонкому льду.

– Сейчас владыка Ардион приедет, – угрюмо сообщил долговязый, словно это имя должно было напугать Верна и заставить дрожать.

Он хмыкнул. Зеркала не работают в местах природных катастроф. Ардион добирается сюда на мобиле – смотрит в окно, требует ехать быстрее. Предвкушает приятную семейную встречу.

– Ну пока-то его здесь нет. А мне хватит и минуты.

Магия еще не вернулась, но полицейские об этом, разумеется, не знали. Долговязый дотронулся до замка на решетке, словно он мог как-то остановить брата владыки и защитить стражей порядка. Верн одарил его самой обаятельной улыбкой и скомандовал:

– Несите ужин, ребята. И чем скорее, тем лучше.

На пустоши он закогтил пару сурков, но это было давно. Полицейские боролись с желанием взять под козырек, и оно победило – долговязый и Еж потопали по коридору. Вряд ли, конечно, сразу в сторону кухни: пошли советоваться с начальством.

Верн устало вытянулся на койке. Судя по тому, что она была застелена чистой простыней, эта камера предназначалась для благородных постояльцев. Ну и хорошо.

В этой части Ашх-Аорна землетрясений не было уже много веков – значит, Антия рядом. Возможно, даже в городе. Закинув руки за голову, Верн подумал, что она еще жива. Или мертва, но тела пока не нашли.

На душе было тоскливо, как и всегда за решеткой. Верн прикрыл глаза, вслушиваясь в ноющую боль в затылке. Да, его ударило частью балконной решетки – можно сказать, отделался легким испугом. Теперь надо просто полежать, собирая пылинки и крупинки магии, просто полежать, а потом подняться и уйти – возможно, даже помахать Ардиону на прощание.

Интересно, что он скажет, когда узнает о том, как жрецы Галлерии привязали его к избранной деве? Что тогда останется от страны и

служителей Ауйле? Ардион ведь способен проникнуть в другой мир так же, как это когда-то сделал Верн.

– Может, ради этого все и затеяно?

Верн сам не заметил, как провалился в сон – и вырвался из него, когда по решетке застучали и тюрьму наполнил начальственный рев:

– Развалился! Вот же наглая тварь!

Не открывая глаз, Верн понял: пришел начальник тюрьмы, и, судя по тому, как он орал, страшно ему было почти как тому купчику, который продал Антию Безликому султану. Пусть себе орет: бояться надо не таких вот горлопанов, а тех, кто делает свое дело, не повышая голоса и обращаясь к заключенным только на «вы». Верн по своему опыту знал, что среди таких тихих и мирных как раз и встречаются самые жестокие люди.

– А ну поднял зад! Встать! Руки за голову!

Верн послушно вскочил со скамьи, порывистым движением сбросил с глаза повязку и приблизился к решетке. Магии не хватило бы, чтобы убраться отсюда, но оказалось достаточно для того, чтобы здание содрогнулось от крыши до подвала.

Начальник тюрьмы вцепился в решетку, словно она могла как-то защитить его от Верна. Правая рука снова начала ныть – эта призрачная боль всегда подсказывала Верну, что дела постепенно движутся в нужную сторону. Подкопить бы еще немного сил, чтобы спокойно выйти отсюда – а то ведь с этих стражей порядка, трясущихся от ужаса, станется начать стрельбу, а у него не будет сил, чтобы отразить пули.

– Не надо так кричать, – с издевательской вежливостью посоветовал Верн. – И принесите ужин, пожалуйста. Я голоден.

– Владыка Ардион едет сюда, – прошипел начальник тюрьмы. Верн усмехнулся.

– Отлично. Я как раз собираюсь с ним поговорить, – кивнул он, понимая, что разговор выйдет очень коротким. Впрочем, Верн не собирался оставаться за решеткой дольше, чем необходимо.

Через несколько мгновений коридор опустел. Верн услышал, как издали доносится грозная брань начальника тюрьмы, который осмелел, оказавшись вдали от пленника. «Подождем», – подумал Верн и снова лег на койку.

Когда за стеной что-то зашуршало, он внезапно понял, что ждал именно этого.

Городская тюрьма располагалась на острове, в центре огромного озера. Этот район почти не задело землетрясением. Остров охватывала черная каменная рыба с распахнутой пастью и шипами вдоль хребта, возле белых зубов были привязаны лодки, и, всмотревшись, Антия увидела крохотные человеческие фигурки: охрана стояла там, где на остров вбегала тонкая нитка моста.

– Ты уверен, что он там? – спросила она. Осборн кивнул.

– Да, его сразу после землетрясения скрутили. Говорят, владыка Ардион уже едет сюда.

Медлить не стоило. Меньше всего Антии хотелось встречаться с Ардионом. Услышав о брате, мыш, которая устроилась за воротником Осборна, выбралась на его плечо и запищала, словно хотела что-то сказать.

– А это мысль, – заметила Антия: ей вдруг стало ясно, что нужно делать. – Мышь нам поможет! Она проберется туда лучше нас. Увидит, где именно сидит Верн. А потом... – она запнулась, не зная, что делать после этого. – А потом вернется и скажет нам.

Мышь пискнула и, сбежав с плеча голема, проворно стала забираться по штанам Антии. Нырнув в карман, она вскоре появилась с камнем глубинной тьмы и разразилась нервным писком.

– Ого! – воскликнул Осборн. – Ничего себе у тебя сокровища!

– И что же он делает? – поинтересовалась Антия. Надо было бы уйти в сторону: пара на набережной среди ночи привлекала ненужное внимание.

– Исключительная вещь, – сообщил Осборн. – Если ее раздавить, то сделаешься невидимым. Слушай! – Он погладил мыш кончиком пальца. – Если что, если вдруг нас с Антией тут нет, тогда вы с филином идите к цирку! Мы там будем, в бывших гладиаторских камерах.

Мышь пискнула еще раз, сбежала по штанине Антии и рванула на мост.

«Лишь бы Верн ее не сожрал на радостях», – хмуро подумала Антия и увидела, как из воды взлетела рыбина, крошечная черная копия той, которая обвивала остров, – взлетает, с хищным шипением распаивает пасть и падает в воду, взметнув облако брызг.

Похоже, воспользоваться лодками могла только полиция. Остальных не пропустили бы.

– Ладно, – сказала Антия и, потянув голема за рукав, отошла с ним в тень возле закрытого ларька со сладостями. – Подождем.

Некоторое время они молчали. Поздний вечер был прохладным и тихим. Откуда-то доносился запах гари, и Антия слышала едва уловимые голоса и шум из разрушенной части города. Чувство вины лежало на ее плечах, словно плащ. Если бы не она, то не было бы землетрясения, раненых, мертвых. Но для Ашх-Анорна она была чужой, и этот мир пытался стряхнуть ее с себя, как налипшую соринку.

– Знаешь, а я никогда не видел настоящую демоницу, – признался Осборн.

– Я не демоница, – раздраженно ответила Антия. Раздался скрип – чуть поодаль качалась наполовину оторванная вывеска. – Я обычная девчонка, и я не виновата, что это все случилось.

Осборн смотрел с любопытством. В мире, полном чудес, Антия была для него самым большим чудом – просто потому, что помогла подняться, когда он упал.

– Солнечный Кормчий плывет по небу, лик его ясен, – почти пропел Осборн. – Рука поражает демонов, сбросит на землю. Они же... ну вы, то есть, каждый год падаете.

– Мы не демоны, – нахмурилась Антия. – В нашем мире нас приносят в жертву Великому Киту, чтобы мир не погиб.

Осборн понимающе кивнул.

– Получается, вы спасительницы, – произнес он. – Ты вот меня спасла.

– Я бы любого так подняла. – Осборн нравился Антии – по-настоящему, по-хорошему нравился. В нем было что-то очень спокойное и светлое, и ей рядом с ним было хорошо.

По улице прошли двое полицейских, и Антия замерла, даже дышать перестала, невольно отметив, что полосатый халат голема – отличная маскировка в тени.

– Почему ты меня им не сдал? – спросила она, когда полицейские скрылись за углом. – Землетрясение из-за меня. И еще неизвестно, что случится дальше.

Осборн нахмурился, словно его начинало раздражать непонимание Антией элементарных вещей.

– Ты хорошая, – просто ответил он. – И знаешь, я не верю, что все это из-за тебя. Ну вот не верю, и все. Землетрясения и до тебя были.

К мосту подъехал мобиль с открытой крышей, и Антия увидела в нем пузатого господина в форме: орденов на нем было столько, что Антия удивилась, как он не падает от такой тяжести. Мобиль перевалил на мост, медленно двинулся в сторону острова, и из воды стали выпрыгивать рыбины, со злобным шипением раскрывая рты.

– Работайте, работайте! – одобрительно бросил пузатый. Рыбы попадали в воду, и Антия вдруг обнаружила, что держит Осборна за руку.

Она никогда так не хваталась за своих ровесников. У нее не было приятелей: те мальчишки, с которыми она то дралась в трущобах, то гоняла мяч и делила яблоки, которые таскала из соседского сада, постепенно отдалились от нее – стали видеть в Антии не товарища, а девушку, и их, кажется, это смущало. Антия сейчас сама удивилась тому, насколько это было просто и естественно: взять человека за руку.

– Не бойся, – негромко произнес голем. Мобиль въехал в тюремные ворота: должно быть, его хозяин спешил увидеть плененного филина с железным крылом и собственноручно преподнести его Ардиону. То-то владыка будет рад! Глядишь, и еще одну медаль пожалует.

– Я не боюсь, – ответила Антия, хотя ей было по-настоящему страшно за Верна. – Хоть бы мышь успела к нему!

– Успеет, – заверил Осборн. – Вон как рванула! И у нее еще камень есть.

– Зевак нет. Странно.

Осборн пожал плечами.

– Да ну, откуда им взяться? Половина города в руинах, там сейчас знаешь, сколько народу ошивается? Таких, до чужого добра охочих. Раз полиция другими делами занята, надо карманы набивать.

Антия понимающе кивнула. Уличные дела обстояли одинаково во всех мирах.

– А что будет, если... – начала было она и осеклась: над островом вспыхнул свет и разлился вой сирены. Рыбы запрыгали над озером, словно обезумевшие.

– Сбежал! – воскликнул Осборн, и Антия услышала в его голосе неприкрытый восторг. Схватив ее за руку, голем бросился бежать по набережной: мимо уцелевших домов с черепичными крышами, мимо бульвара с повалившимися скамейками, мимо развалин, среди которых копошились какие-то тени, вздрогнувшие от звука их шагов.

«Хоть бы Верн знал, где этот цирк», – подумала Антия, и Осборн вдруг рассмеялся и сказал:

– Бежишь, как мальчишка!

– Знала бы я, куда бежать! – ответила, расхохотавшись, Антия. – Ты бы точно отстал!

Так они мчались по ночному городу, смеясь на бегу, и впервые Антию не пугала тьма, которая укутывала дома и улицы тяжелым покрывалом. Ее страх умер и не собирался воскресать.

Когда-то в этих древних развалинах, поросших колючим кустарником, жили и тренировались гладиаторы. Осборн втянул Антию в непроглядный мрак, быстро пробежал по гулкому коридору, выложенному скользкой мокрой плиткой, и они оказались в бывшем тренировочном зале. Крыша давно развалилась, над песком и травой, которой заросла площадка для занятий, сияли звезды. Остановившись, Антия запрокинула голову к небу, и созвездия вдруг показались ей знакомыми, словно она всегда жила здесь и этот мир был ей родным.

– Ну вот, – вздохнул Осборн, усевшись на песок. – Подождем. Хоть бы филин сообразил, куда лететь.

– Сообразит, – ответила Антия. Хуже всего было то, что Ардион находился совсем рядом. Она чувствовала его, и это ощущение тени, лежащей над ней, заставляло дрожать от непонятного давящего предчувствия.

«Он не просто хочет убить меня, – подумала Антия. – Ему нужно что-то другое».

Вскоре над бывшим тренировочным залом проплыл растрепанный птичий силуэт, и Антия услышала, как что-то тяжелое рухнуло в кусты и заворочалось там со сдавленным стоном.

– Верн! – воскликнула она и бросилась к зарослям. Навстречу ей поднялась призрачная человеческая фигура и, сделав несколько шагов, снова осела на землю. Антия подхватила Верна под руку – металл протеза охлаждал пальцы, и Антия никогда не чувствовала себя такой счастливой, как в эту минуту.

– Верн, – прошептала она. Оборотень хрипло рассмеялся, и Осборн, услышав этот смех, махнул ладонью перед лицом, словно пытался кого-то отогнать.

– Боюсь даже спрашивать, откуда у тебя камень глубинной тьмы. И как ты умудрилась найти мою сестру, – улыбнулся Верн. Его призрачный образ постепенно наполнялся красками и жизнью, словно над ним работала невидимая кисть. Вот проступили растрепанные волосы, вот возникла повязка через правый глаз, вот появилась знакомая улыбка – Антия признала, что страшно скучала по ней. Она обняла Верна и вдруг поняла, что готова разреветься, настолько густая тоска и беспросветное отчаяние скопились в ней за эти дни, проведенные порознь.

– Умудрилась, – всхлипнула Антия, кивнув. – Это и правда ты.

Он был для нее не просто потерянным и найденным другом. Верн был памятью о доме и надеждой на возвращение.

– Правда, – чуть ли не смущенно ответил Верн, и Антия увидела, что он по-настоящему рад ее видеть, что эти дни дались ему тяжело и он вымотан так, что едва держится на ногах. Мышь негромко пискнула, выбравшись из-за воротника его рубашки, Верн осторожно погладил ее и произнес:

– Ты не представляешь, насколько я тебе благодарен. Где ты нашла ее?

Антия и подумать не могла, что в голосе Верна может звучать такая дрожь.

– У султана Кариса, – ответила Антия. – Она была в его хранилище диковинок. Камень оттуда, кстати.

Верн понимающе кивнул.

– Ты, наверное, не думала, что тебя будут продавать, – произнес он так, словно уже успел узнать о ее приключениях.

– И представить не могла, – призналась Антия. – В общем, я поняла, что у султана свои планы на мой счет, и решила не задерживаться.

Верн покосился на голема, который держался чуть поодаль и ловил каждое их слово.

– А это кто?

– Это Осборн, – сказала Антия. Она не знала, как представить того, с кем познакомилась несколько часов назад, и решила сказать правду. – Он голем. И мой друг.

Осборн расплылся в улыбке. Верн понимающе кивнул.

– Давно подружились? – осведомился он, кажется, даже не удивившись такой неожиданной дружбе.

– Когда началось землетрясение, – произнес Осборн. – Я упал, чуть не разбился. Антия меня подняла. – Он сделал паузу и добавил: – Это и правда вы. Не думал, что однажды вас увижу.

Верн усмехнулся.

– Ты скоро и моего брата увидишь. Лучше бы нам всем убраться отсюда. В тюрьме говорили, Ардион уже в пути. Через час будет в городе.

– Нам надо в Арх-Аман, – промолвила Антия, чувствуя, как к ней возвращается привычное уже чувство вины. – Чем скорее я отсюда уйду, тем лучше. Я принесла тебе маленькую белую мышь... осталось забрать свиток, и все.

Верн кивнул.

– Я видел уцелевшее дикое зеркало в горах, – сказал он. – Неподалеку. До Арх-Амана оно, конечно, не достанет, но до города бегемотов – вполне. А там попробуем пешком.

– У нас остались деньги? – уточнила Антия, решив пока не спрашивать про город бегемотов. Верн печально усмехнулся и развел руками.

– В тюрьме все выгребли.

– Даже не буду спрашивать, почему ты не снял повязку, – нахмурилась Антия. Верн выразительно посмотрел в небо.

– Собирался снять ее, приветствуя владыку, – ответил он и поднялся. – Ну что? Посидим здесь в ожидании Ардиона или все-таки двинемся к горам?

Анття кивнула, и они направились в сторону бокового выхода с тренировочной площадки. Заметив, что Осборн потянулся за ними, Верн обернулся, смерил его оценивающим взглядом и поинтересовался:

– А ты-то куда, родное сердце?

– Я с вами! – решительно заявил голем. – Потому что... ну просто потому что.

Анття взяла его за руку. Она понятия не имела, зачем им еще один спутник, но понимала: всем им нужно идти рядом. Все они должны быть вместе. Это было настолько важно, что она вздохнула и заявила:

– Да, он пойдет с нами, Верн. И не спорь, пожалуйста.

Тот только руками развел.

– Веришь ли, и не собирался.

Город был полон шума, криков, сигналов мобильных, со всех сторон наливались светом фонари и мелькали тени. Полиция стояла на каждом углу. Скользнув за Осборном в уцелевшую после землетрясения арку, Анття подумала, что ее исчезновение из госпиталя уже замечено, врачи наверняка поняли, с кем имели дело, и передали ориентировки. Вдалеке залиvistо залаяли псы.

– Ну я-то ладно, – прошептал Верн, когда они остановились возле подъезда: дверь заперта, все окна темные, но Анття чувствовала на себе взгляды десятков глаз. – Я-то и верхами могу. А вы?

– А мы тогда низами, – тоже шепотом откликнулся Осборн. – Город на катакомбах стоит. Сейчас нырнем – и вперед. Лишь бы они туда газ не запустили, это совсем печально будет.

Верн понимающе кивнул. Кажется, он оценил Осборна по достоинству.

– Сообразительный ты парень, – одобрительно произнес он. – Что ж, веди! Пойдем все вместе.

«Катакомбы», – подумала Анття и представила: подземелье, тьма, тяжелая и непроницаемая, давящая на плечи, эхо их шагов.

Она очень удивилась, когда поняла, что ей не страшно. Совсем не страшно.

– Где же ты был все это время?

Катакомбы оказались не настолько пугающими, как предполагала Антия. Когда они спустились в подвал и около часа шли на ощупь, не выпуская рук друг друга, она сжимала пальцы голема и повторяла про себя: конец всегда похож на начало. Так когда-то говорил священник в дворцовом храме, и Антия вдруг вспомнила его слова. Ее путешествие началось с побега из дворца с дядей Бринненом, и вот она снова под землей.

Страх легонько точил самообладание Антии, но уже не имел над ней власти. Она смогла вырвать ему почти все зубы. А потом Осборн вдруг остановился, Антия услышала шум, и перед ними вспыхнул огонь: голем держал в руке фонарь. Антия увидела какие-то арки, своды и лестницы, уходившие в темноту. Кое-где сохранились рисунки: люди в белых одеждах раскинули руки, глядя туда, где рыцарь в алом плаще занес копье над драконом.

– Ну, сначала я обнаружил, что ты пропала, – ответил Верн. – Перерыл весь поезд и вытряхнул из проводника прекрасный рассказ о банде, которая ловит одиноких путников и потом продает их в рабство.

Они прошли мимо решетки, закрывавшей лестницу. Тяжеленный проржавевший замок можно было сбить одним ударом, но Антия чувствовала, что лучше этого не делать. Ей казалось, что там, внизу, спало что-то огромное и древнее, намного страшнее Кракена и синеглазых дев Ардиона – вот и пусть себе спит. Незачем его тревожить.

– Я кинулся в поселок работоторговцев, но тебя уже отдали купцу, – продолжал Верн, с некоторой брезгливостью глядя в сторону лестницы за решеткой. – Купец при встрече едва не лишился рассудка от страха, все рассказал, и я отправился дальше.

Антия коротко рассказала ему о своем побеге с острова и огромных волнах, которые поднимал Кракен, чтобы ее остановить – но не стала упоминать о том, как Ардион разбудил ее, не дав замерзнуть в поднебесье. Почему-то это казалось Антии настолько личным, что она решила оставить рассказ при себе. Голем шел впереди, свет его фонаря плыл золотой звездой. Вот луч выхватил часть стены, сложенной не из кирпича, а из чего-то темного, круглого. Антия всмотрелась и ахнула: черепа!

– Здесь мучеников хоронили, – объяснил Осборн. – После Ржавой войны их много было. Ты лучше не смотри на них.

– Почему? – удивилась Антия. Она и так не собиралась рассматривать черепа: что в них интересного?

– Им это не нравится, – просто ответил голем.

Около часа они шли молча. Арки и лестницы пропали: теперь кругом остались только утрамбованная земля и серый камень.

– Осборн, а чем ты занимаешься? – поинтересовалась Антия. – Как живешь?

Осборн обернулся, улыбнувшись.

– Как и все големы, – ответил он. – Мы рабы людей. Я в основном на садовых работах. Цветы люблю. Недавно ухаживал за садом госпожи Шингвы. Хороший был сад, с орхидеями.

– И как, хорошо платили? – спросила Антия. Осборн посмотрел так, словно она сморозила глупость. Верн усмехнулся.

– Я же раб, – напомнил голем. – Рабам не платят. Миску похлебки дадут, конечно, замажут, если что. Но платить не будут.

– Ты даже не раб, – поправил Верн. – Ты вещь людей. Ходячая кукла.

У Антии мурашки пробежали по спине, настолько все это было мерзким – начиная с работорговцев, которые охотились на одиноких путников, и заканчивая теми, кто видел в големе вещь, а не живое существо, равное себе. Сама она не сомневалась в том, что голем ничем не отличается от остальных людей и душа у него в точности такая же.

– Поэтому ты так удивился, когда я тебя подняла, – предположила Антия. – Поэтому ты...

И не договорила. Осборн кивнул.

– Он кукла, да, – произнес Верн. – Вот его толкни – и он расколется. А трещинку можно замазать глиной. Такая вот медицина в полевых условиях.

– Замолчи, пожалуйста, – попросила Антия. Почему-то слушать это было невыносимо.

В Осборне было намного больше человеческого, чем в тех, кто считал себя настоящими людьми. Антия это точно знала.

Тьма рассмеялась со всех сторон: кукла, кукла! Мышь на плече Верна недовольно пискнула, и Антия спросила, чтобы сменить тему:

– Как ее зовут?

– Микелла, – с искренней любовью ответил Верн и осторожно дотронулся до мыши кончиком пальца, словно это было объятием. – Микелла, дочь утреннего зимнего солнца.

– За что с ней так? – поинтересовался Осборн. Свет его фонаря вдруг выхватил остатки каменной кладки, облетевшую штукатурку и кусок фрески: лицо рыцаря на ней было белым от гнева, брови сведены на переносице. Антии сделалось не по себе, словно рыцарь был живым и сейчас смотрел на нее, держа занесенный меч в невидимой руке.

– Чтобы не мешала Ардиону, разумеется, – усмехнулся Верн. – Меня он выбросил за пределы Ашх-Анорна, ее сделал мышью. Даже забавно... от него пострадала та, которая любила его сильнее всех.

Осборн покачал головой. Вот и новая фреска: почерневшие от огня люди простирали руки в пустоту. Лица были нарисованы схематично, несколькими черточками, но от них так и веяло ужасом и безнадежностью.

– И чем же вы так ему помешали? – не отставала Антия. Чем еще заниматься, когда пробираешься по подземелью, кроме разговоров?

Верн хмыкнул.

– Мы дети нашего отца, Солнечного Кормчего, – ответил он. – Я должен был стать владыкой, хозяином пирамиды, который останавливает демонов. И мы с Ардионом, скажем так, не сошлись во мнениях.

Антия понимающе кивнула.

– Он хотел убивать, – сказала она, вспомнив, как визжала Бейла. Где-то она теперь? Бежит в свите владыки или стоит собственным надгробием в его саду? – А ты нет.

– Верно, – согласился Верн. Обернувшись, Антия увидела, как мышь крутится и приплясывает на его плече, словно тоже хочет принять участие в разговоре. – Микелла говорила, что демонов надо ловить при падении и возвращать в их мир через пирамиду в Арх-Амане. С помощью зеркал все заняло бы четверть часа, не больше.

Антия представила ворота на Белых скалах, испуганных и счастливых девчонок, которые выходят из подземелья, и у нее от боли сжалось сердце.

– Ардион считал, что даже эта четверть часа вызовет разрушения и беды в нашем мире, – продолжал Верн. – Солнечный Кормчий сбрасывает демонов, и задача владыки – сразу же остановить их, а не нянчиться с ними. Вскоре после этого разговора отец возложил корону на мою голову, и корона меня признала. Ардиону это, разумеется, не понравилось. Он старший сын, он должен был стать владыкой.

Он поддернул рукав, показывая протез.

– Это было красиво, конечно. Мы с ним схлестнулись в нашем птичьем облике, он вырвал мне крыло, – Верн рассмеялся и добавил: – В общем, я ушел только чудом. Сама понимаешь, Ардион теперь мне не рад.

Ход постепенно начал забирать вверх. Откуда-то справа долетал прохладный ветерок, и, посмотрев в эту сторону, Антия увидела идеально круглый лаз. Осборн остановился, осветил туда, и откуда-то из глубины донесся мелодичный свист.

– Совсем дурной? – рассердился Верн и толкнул Осборна в спину, заставляя идти дальше. – Только их нам тут не хватало!

– Кого «их»? – спросила Антия. Ноги сделались ватными. Свист затих.

– Горожорцев, – беспечно ответил Осборн. – Да ладно вам, что вы! Они не страшные.

– Иди давай, – приказал Верн, и голем послушно прибавил шаг. Антия пошла за ним, подумав, что меньше всего сейчас хотела бы познакомиться с горожорцами. Хватит с нее чудес.

– Они хорошие, – с упрямыми нотками сказал Осборн. – Покатали бы нас. Когда меня только сделали, я ездил на них. Они давались.

– Иди уже, не болтай, – голос Верна сделался холодным и жестким. – Обойдемся без твоей дальней родни.

Некоторое время они шли молча, а потом Антия не вытерпела и все-таки спросила:

– Осборн, а кто это, горожорцы?

– Такие черви, – ответил голем. Ему было приятно, что Антия все-таки спросила. – Прокладывают ходы в горах, точат камни. Половину этих катакомб выкопали с их помощью. Приручить их особенно нельзя, но можно направить.

Антия представила, как громадный червь прогрызается сквозь толщу горы, и ее невольно замутило. Надеюсь, что брезгливое

отвращение не проступило на лице, она поинтересовалась:

– А далеко мы уже зашли?

– Далеко, – ответил Осборн. – Давно уже за городом. Вот, сейчас... – Он поднял фонарь, и Антия увидела сложенную из камней пирамидку: должно быть, местное подобие верстового столба. – Еще два часа и выход.

– Газ пока не запускают, – произнес Верн. – Ищут нас на поверхности.

Голем кивнул.

– На всякий случай, – сказал он тем тоном, который дает понять, что лучше не спорить. – Если все-таки пустят газ, полезем в норы горожорцев. Там от них слизь остается, она очищает воздух. Почихаем, конечно, но не отравимся.

Антия заметила, как Верн поежился.

– Если пустят газ, я хоть в рот к ним залезу, – согласился он.

Через два часа пути Антия замерзла и вымоталась настолько, что не могла ни говорить, ни думать: просто смотрела себе под ноги, чтобы ни за что не зацепиться и не упасть, и делала очередной шаг. Когда пятно света от их фонаря вдруг растаяло в белом, розовом и золотом сиянии, Антия не сразу поняла, что они стоят возле выхода из катакомб.

– Вышли! – прошептала она, и Осборн откликнулся:

– Да, вышли! Вот большая пятерка!

Кругом громоздились скалы. Вставало солнце. Антия не сразу поняла, куда нужно смотреть; Верн осторожно взял ее за плечи, развернул, и она увидела каменные головы воинов в островерхих шлемах. Глаза смотрели сурово и властно, завитки бород струились по скалам, и Антии подумалось, что головы вот-вот оживут и спросят у них, зачем это они сюда притащились.

– Громадины, – восторженно выдохнула она. Головы были размером с тот дом, в котором они жили с дядей Бринненом. На верхушке одного из шлемов сидела птичка: увидела людей, удивленно цвиркнула и улетела.

– Это наши великие воины, – с гордостью откликнулся Верн. – Когда-то они первыми выступили на защиту Ашх-Анорна от тьмы с моря. Победители и посрамители Кракена и его прислужников.

Отсюда открывался удивительный вид: внизу лежали зеленые поля с гребешками роц по краю, мелкой россыпью красовались городки, по синему шнуру речки неторопливо плыла соринка лодки. Осборн спрятал свой фонарь в валунах, и, отдохнув несколько минут, вся компания снова пустилась в дорогу. Тоненькая тропинка бежала среди камней, и Антия невольно радовалась, что идет налегке.

– Далеко еще до зеркала? – поинтересовалась она. Верн махнул куда-то вперед и вправо и спросил:

– Устала?

– Есть немного, – буркнула Антия. Меньше всего ей хотелось показаться неженкой.

В подземелье было холодно, а теплое утро становилось все жарче с каждой минутой. Солнце висело над горами раскаленной белой бляхой – Верн прищурился на него и с усмешкой заметил:

– Надо же, сердиться изволит.

– Гневается батюшка? – поинтересовался Осборн. Лицо Верна обрело нервное, ерническое выражение.

– Он меня всегда недолюбливал. Иногда я думаю, что Ардион оторвал мне руку с его позволения.

Чем дальше они шли, тем больше зелени появлялось среди камней. Антия удивленно ахнула: вот качнулось на ветру самое обычное зеркало на длинной витой ручке – стебель утопал в толстых растрепанных листьях, сама поверхность не превышала размерами детскую ладонь. Верн равнодушно посмотрел на него и прошел мимо.

– Не созрело еще, – заметил он. – Видишь, даже не отражает ничего.

Антия услышала тоненький свист, и далекий женский голос произнес: «Нумерация вагонов от головы состава...» От голоса веяло пылью и старой болезнью, и Антия невольно пошла быстрее.

Статуя поднялась к ним из-за камней, когда она увидела то зеркало, к которому Верн вел их. При жизни – Антия с ужасом поняла, что больше не думает о каменных девушках как о живых, и это было еще одним шагом куда-то во тьму – она была красавицей. Эта красота подчеркивалась и сейчас: алыми складками шелкового одеяния, тугими розовыми бутонами, приколотыми к плечам, капельками жемчуга в волосах.

О ней заботились. За ней ухаживали так, словно она была любимой.

Осборн остановился, словно налетел на невидимое препятствие. Антия знала: каменной деве достаточно одного движения, чтобы он разлетелся на осколки. Девушка улыбнулась: под серой кожей пробежали искры, и Антия услышала негромкий голос:

– Посмотри... на меня...

Ей было больно говорить – но она говорила и просила о смерти, как о милости.

– Посмотри.

Верн обошел Антию и Осборна, приблизился к каменной деве и протянул ей руку. Она осторожно, словно принимая награду, сжала его пальцы, выпустила, и, Антия могла поспорить, в слепых глазах что-то сверкнуло, будто камень готов был заплакать. Верн понимающе кивнул и сдвинул с глаза повязку.

– Спасибо, – прошептала каменная дева и осела на тропинку грудой обломков. В воздухе резко запахло горелым, и Антия увидела, как розовеет камень на сколах.

Ей захотелось закричать. Упасть на землю, бить по ней кулаками – она сама не знала, почему ей настолько больно, но эта боль была невыносима. Осборн поддержал ее под локоть; Антия провела ладонями по щекам, смахивая слезы, и твердо сказала:

– Мы должны ее похоронить.

– Времени нет. – Вернув повязку на место, Верн обошел груды камней, оставшихся от девушки, и двинулся дальше по тропе. Мышь пищала на его плече, но он не останавливался. – Ардион знает, где мы. Пришла одна – придут и другие.

– Значит, не станем оттягивать неминуемое, – промолвила Антия. – Нам так и так придется с ним сразиться.

Она подтянула рукава блузы и принялась перетаскивать камни с тропы. Выкопать настоящую могилу, конечно, нечем – но можно положить сверху другие камни. Осборн принялся помогать; Антия все-таки заплакала, слезы капали в пыль. Верн обернулся, скорчил презрительную гримасу и вернулся – тоже взялся за камни.

– Подготовим сюрприз, – сказал он. – Раз уж пришлось задержаться, сделаем так, чтобы это было не напрасно.

VII

Бегемоты

Первым, что увидела Антия, выскользнув за Верном из зеркала, была распахнутая каменная пасть со столбами клыков. Пожалуй, в ней мог бы поместиться маршрутный мобиль, и еще осталось бы место. Остальное тоже впечатляло: статуя бегемота сверкала позолотой, рубиновые глаза гневно сверкали, ноги-колонны почти притоптывали.

– Ох ты ж, задави тебя евгр! – Осборн снова замахал руками перед лицом. – Здоровущий-то какой!

– Здоровущий, – согласился Верн. – Добро пожаловать в город бегемотов!

Они обошли статую – к каменной громадине шла стайка девушек в белых одеждах, на подносах в их руках дрожали мягкие пестрые облака цветов. Впереди лежал город: маленький, шумный, пыльный. Кругом царил запах пряностей – такой густой, что Антия чихнула.

– Почему бегемоты? – поинтересовалась она.

– Считается, что местные жители произошли от них, – сообщил Верн и мотнул головой в сторону лоточника, который продавал фрукты. – Да вон, посмотри! Прямой потомок во всей красе!

Лоточник действительно был крупным мужчиной весьма свирепого вида. Синий халат едва не лопался на плечах. Верн подошел к лотку, подбросил на ладони яблоко и поинтересовался:

– Проход в Арх-Аман открыт?

– Пока открыт, – ответил мужчина, сверкнув сердитым взглядом из-под кустистых бровей. – Но закрыть могут в любую минуту, говорят, что это, как ее... сейсмо-ак-тив-ность, евгры ее забери! Ну что ты, как? Не боишься так вольно ходить?

Верн рассмеялся, обменялся с лоточником рукопожатием. Значит, еще один друг, значит, пока можно не волноваться.

– Боюсь, конечно, да делать нечего, – ответил он. – Что, ищут?

– А то! – осклабился торговец. – Вон, гляди! Бегемоту молятся, чтобы он тебя нашел. Ну, собственно, исполнилась молитва, ты здесь.

Верн откусил от яблока. Бросил второе Антии.

– Все, чего мы хотим, – дойти до Арх-Амана и убраться подальше, – сказал он, и теперь в его голосе не слышалось привычных ернических ноток, только спокойствие владыки, который отдает приказ. – Поможешь?

Голема угощать не стали. Антия протянула ему яблоко и спросила:

– Разломить сможешь?

Осборн кивнул, легонько стукнул по яблоку кончиком пальца и протянул Антии половинку. Лоточник удивленно посмотрел на него и поинтересовался:

– Куколку продашь? Я б купил, надоело уже самому ящики таскать.

– Он живой! – возмутилась Антия. – Он не продается.

Лоточник фыркнул.

– Фу-ты, ну-ты, какие тут все важные! Помогу я вам, конечно, не хватало нам тут еще землетрясения, – он махнул куда-то вперед и продолжил: – Идите сейчас к Белому бегемоту, там паломники толкуются, народу полно. И ты бы это, оба глаза завязал, а она пускай тебя ведет. Убогих да увечных там хватает, никто на вас и не посмотрит.

Верн понимающе кивнул.

– А потом?

– Ждите меня. Я ларек приберу и приду. Зеркал у нас тут нету, но в Арх-Аман после обеда пойдет караван, я вас туда пристрою.

«Скоро будем в Арх-Амане, – подумала Антия. – Скоро все кончится, и я вернусь». Она представила, как дядя Бриннен ждет ее, как над городом парят спасательные дирижабли, как пахнет кофе на крошечной кухоньке их дома, и горло сжало от тоски.

Антия старалась не думать о Таллерии – зачем лишний раз травить душу? Все это время она усердно загоняла в глубину сердца все, что напоминало о родных краях, но сейчас, когда родные края оказались совсем рядом, ее накрыло горечью.

Ей хотелось вернуться. Груз путешествия вдруг оказался слишком тяжел.

– Спасибо, – кивнул Верн. – Чем я могу тебя наградить?

Лоточник расхохотался, сверкнув на всю улицу золотыми зубами.

– Иди уже! Хватило того, что ты помог моей сестре. А я добра не забываю.

Верн понимающе улыбнулся, снова пожал руку торговца, и они пошли по улице. Голем хрустел яблоком, вид у него был невероятно довольный. Сняв повязку и сунув ее в карман, Верн закрыл глаза и протянул руку Антии.

– Веди меня, девочка. Прямо, никуда не сворачивая. А ты, – он обернулся к Осборну, и тот от неожиданности выронил огрызок, – подавание собирай. Больные и увечные угодны Бегемоту.

Улица была запружена людьми – одни в разноцветных нарядах, другие в лохмотьях с протянутой рукой, но все одинаково радостные, словно паломничество было не актом веры, а веселым праздником. Вдалеке кто-то заливался монотонными воплями, в стороне Антия заметила крохотный оркестрик, который играл так лихо, что ноги сами пускались в пляс. Артистично работали шулера, предлагая угадать, в каком из трех стаканчиков спрятан алый шарик, промышляли мастера карманной тяги – так лихо, что Антия даже не почувствовала прикосновение к бедру: просто увидела, как в сторону скользнула тень, и поняла, что ее сочли неинтересной.

– Надо же, праздник, – негромко сказала она. Верн кивнул; дородная дама в шелках и кружеве бросила ему монетку – Осборн поймал ее на лету и поклонился.

– Конечно, – так же тихо откликнулся Верн. – Надо же упросить Бегемота, чтобы он помог тебя остановить.

– Странно, что твой друг все-таки нам помогает, – заметила Антия. Чем дальше они шли, тем сильнее ей становилось не по себе. – Я принесла сюда беды и катастрофы, меня бы поймать, да поскорее.

Прямо перед ними взвыла скрипка: смуглые девушки в пестрых платьях заплясали, взметая юбками пыль. Одна посмотрела слишком уж пристально, и Антия потянула Верна вперед. Лоточник был прав: сирых и убогих в толпе хватало, причем Антия видела, что половина из них – просто актеры, которые решили подзаработать.

– Очень многие хотят насыпать соли на хвост Ардиону, – произнес Верн, и Антия увидела, как дрогнули веки левого глаза: он подсматривал. – Вон, видишь впереди белое? Нам туда.

То, что издалика казалось сахарной горой, на самом деле было бегемотом. Белоснежный, украшенный гирляндами цветов и лентами,

он походил на торт в витрине кондитера. Запах пряностей и благовоний сделался невыносимым; Антия чесала нос и вытирала глаза – слезы так и набегали. Пробившись через толпу, они нырнули в проулок, где стояли красавцы-бактрианы с ухоженной светлой шерстью и большими горбами: на них грузили алые тюки с товаром. Животные презрительно смотрели по сторонам, поджав толстые губы, словно собирались плюнуть. Чуть поодаль стоял караван-баши в пестром халате, делая пометки в толстой растрепанной тетради.

– Ну, – сказал Верн, возвращая повязку на место, – кажется, нам сюда.

Он не успел договорить. Крылатая тень рухнула в проулок с выцветшего неба – ввинчиваясь в землю, разбрызгиваясь во все стороны пригоршнями синего и золотого, расшвыривая людей, цветы, бактрианов. Внутренний голос, орущий, что надо бежать, спастись, погнал Антию куда-то вправо, и ее тотчас же окутало прохладной лазурью, едва уловимо пахнувшей осенними ягодами.

За запахом пришли тепло и гулкие удары, идущие откуда-то из глубины: тук, тук, тук.

«Ардион, – только и смогла подумать Антия. Чужая рука, сухая и горячая, обхватила ее шею, коготь перстня уперся в горло. – Это он меня держит. Это его сердце бьется».

Нахлынувший на нее страх был таким сильным, что Антия невольно схватилась за руку Ардиона, чтобы не упасть. Сейчас она ничего не видела, кроме лица Верна: белого, опустошенного.

– Ну ты это, слышь, – узнала Антия голос лоточника, который долетал словно бы из глубины. – Не серчай. Жить-то всем охота. Про вас сразу доложили, как только вы у бегемота вынырнули.

Верн не ответил. Мышь поднялась дрожащим от страха столбиком на его плече. Осборн сжимал и разжимал кулаки. Антия представила, как синяя сипуха летела сюда, задыхаясь от ветра, и с трудом удержала нервный смех.

– Это правильно, – негромко заметил Ардион, и Антия поняла, что сейчас все закончится. Она станет очередной каменной девой в мертвом саду. Когда потребуются владыке, на нее наденут алый шелковый плащ и отправят служить. – Привет, брат. Давно не виделись.

– Отпусти ее, – так же тихо произнес Верн. – Просто отпусти, дай нам уйти. Мы спустимся в пирамиду и больше не вернемся.

Ардион рассмеялся. Пальцы мягко скользнули по шее Антии, словно примерялись, как перерубить ее.

– Лучше бы ты не лез сюда, брат, – вздохнул Ардион и резко скомандовал: – Взять. Живыми.

Антия не поняла, откуда в проулке вдруг оказалось столько каменных дев – они высыпали из-за бактрианов, из-за оторопевших от страха зевак, из-за заборов и стен и двинулись в сторону Верна.

«Зажмурься», – прочла Антия по его губам, и оборотень сдвинул повязку.

Мир наполнило гулом и ревом, словно прямо над ними летел исполинский дракон. Ожившие статуи рассыпались дымом и крошевом, земля дрожала, и вонь была такой, что Антия невольно начала скользить в серое марево обморока.

Потом ее рвануло к светлому небу, к солнцу – открыв глаза, Антия увидела, что человеческие фигурки сделались крошечными, как рассыпанные игрушки, и поняла, что летит. Синева стала такой густой, что уже ничего нельзя было рассмотреть.

Антия окончательно опомнилась от боли в руках. Опустила глаза и увидела, что стоит на балконе, сжимает металлическое перильце изящной ограды. Внизу раскинулся пышный сад – зеленели деревья, в траве пестрели сочные мазки цветов. Солнце двигалось к горизонту и было уже не опаляющим, а спокойным, почти ласковым. Откуда-то справа доносилось птичье пение.

Мир был чистым и свежим. Мир был счастливым.

– Иди сюда, Антия, – услышала она голос Ардиона. – Не бойся.

На мгновение ее охватила злость – настолько сильная, что уши наполнил звон. Обернувшись, она увидела высокие, распахнутые настежь двери, прозрачную синеву оконных стекол – Ардион устало опустился на диван, вытянул ноги и повторил:

– Иди сюда. Я не хочу тянуть тебя силой.

Антя разжала пальцы, вошла в небольшой зал, который во дворце ее отца мог бы служить местом для частных встреч. Пушистый ковер на полу, в котором утопают ноги, картина с непонятным рисунком из цветных пятен, ваза с пионами и розами – все так и дышало спокойствием и легкостью.

Охота подошла к концу.

– Что с Верном? – спросила Антия, понимая, что вот-вот расплачется от отчаяния, такого глубокого и жестокого, что сердце почти останавливалось. – Что с Осборном?

Она тотчас же одернула себя: не смей плакать. Человек, который собирается ее убить, не должен увидеть ни слезинки. Эта стойкость была единственным, что еще у нее осталось.

Ардион устало откинулся на спинку дивана, похлопал по шелку рядом с собой. Антия вспомнила: таким жестом мама подзывала свою собачку.

– Осборн – это та глиняная куколка? – Ардион едва заметно улыбнулся, и Антия почувствовала, как невидимая петля захлестнула ее шею и потащила к дивану. – Понятия не имею.

Она упала на диван, схватилась за шею – петля соскользнула, и ей удалось сделать вдох. Ардион снисходительно усмехнулся.

– Ну вот, так гораздо лучше. Здравствуй, Антия. Как себя чувствуешь?

Надо же, какая трогательная забота! Некоторое время Антия смотрела на игру золотых искр в синеве мантии Ардиона и думала, как бы поязвительнее ответить, а потом повторила:

– Где Верн?

Ардион покосился на картину, словно хотел что-то прочесть в мешанине цветных пятен.

– Разрушил почти всех моих воительниц. Ушел. Но я бы сейчас о нем не волновался.

– Конечно! – Антия не сдержала усмешки. – Меня должна заботить моя собственная судьба.

Обсуждать тут было нечего: она понимала, что жить ей осталось недолго, как бы мелодраматично это ни звучало. Вот только почему Ардион медлит? Почему смотрит так, будто хочет не просто убить, а заглянуть в душу и присвоить?

– Не совсем, – улыбнулся Ардион. – Ты понимаешь, что сейчас могла бы бежать с моими гончими за филином?

«Понимаю», – подумала Антия. Представила, как проминается земля под каменной поступью, как холодит плечи шелк плаща и как страшно это подобие жизни. Неудивительно, что та девушка, которую они похоронили в горах, предпочла посмотреть в глаза Верна.

– Ты до сих пор жива только потому, что я хочу разобраться, – Ардион говорил очень спокойно, словно обращался к животному или ребенку. – Что именно нас связывает? Как это можно использовать?

– Я не знаю, – прошептала Антия. – Я просто увидела тебя во сне в той пещере... и все началось.

Ардион понимающе кивнул.

– Это не просто пещера. Это точка скопления магии Ашх-Анорна, отсюда она исходит и наполняет наш мир, – ответил он. – Что ж... мир демонов на спине Великого Кита. Каков он?

Антия хмуро посмотрела на него. Знает про Великого Кита – неудивительно, впрочем.

– Почти такой же, как Ашх-Анорн, – призналась она. – У нас тоже есть магия и пирамиды. И мы не демоны, мы обычные люди. Такие же, как ты.

Только сказав это, Антия поняла, что сморозила глупость. Ардион усмехнулся.

– На ваше счастье, вы не такие, как я, – произнес он, и в его взгляде проплыли золотые искры, такие же, какие наполняли глубину мантии. – Среди вас нет никого, кто был бы осколком Солнечного Кормчего в материальном мире... но есть кто-то очень сильный.

Ардион поднялся с дивана, протянул Антии руку – она встала как зачарованная, не в силах отвести взгляда. Ей вспомнился обитатель трущоб, который умел завораживать змей, и они послушно танцевали под его деревянную дудочку: сейчас Антия казалась себе такой же змеей. Ардион прикажет – и она будет танцевать.

– В тебе тоже есть... что-то, – произнес Ардион. Антии казалось, что она падает – летит в колодец, в котором нет и никогда не будет дна. – Глупое сердце, как быстро оно бьется.

Лицо Ардиона качнулось в сторону – Антия упала на прохладный мрамор пола, не чувствуя ничего, кроме пронзившей ее боли. Она сумела вскрикнуть, пальцы царапнули по груди, словно пытались

выдернуть то, что так терзало и жгло, – и все вдруг закончилось. Антия обмякла на полу, насквозь промокшая от пота, мир качался и плыл, но боли больше не было.

Ардион присел рядом – Антия увидела в его пальцах что-то, похожее на большую золотую занозу.

– Да, мы действительно связаны, – задумчиво произнес он, – и довольно сильно. Настолько, что я не смогу причинить тебе сколько-нибудь значительный вред. Жаль, я рассчитывал на другое.

От гнева у Антии стало жечь в горле – и рядом с этим гневом проросло язвительное злорадство.

– Попробуй превратить меня в камень, – рассмеялась она. – Давай посмотрим, что будет? Ты не сможешь.

Золотая заноза зазвенела, прыгая по полу. Мысли метались в голове испуганной птичьей стаей: Антия понимала, что связана с Ардионом, он не сможет ее убить, а раз так, раз владыка Ашх-Анора не сумеет остановить иномирную демоницу, тогда... Тогда он будет наказан. Солнечный Кормчий этого просто так не оставит.

– Разумно, – Ардион улыбнулся, но улыбка вышла какой-то сумрачной и больной. Он выпрямился, прошел к дверям и негромко сказал кому-то в коридоре:

– Жрицу сюда. Быстро.

Антия попробовала встать, но сил хватило только на то, чтобы ползком добраться до дивана и сесть. Лучше, чем ничего: меньше всего ей хотелось валяться в ногах у Ардиона. Ее родители не стояли на коленях перед своими убийцами.

– Ты этого не знаешь, – устало проговорил Ардион. – Тогда стражник тащил тебя через подземелье, и все, что у тебя было, – это мрак и вопли твоих родителей.

Антия замерла. Открыла рот и закрыла. Откуда он, евгр его побери, это знает? Ардион довольно усмехнулся – ее растерянный вид пришелся ему по душе.

– Но как? – только и смогла спросить Антия. Пусть воспоминание было страшным, пусть оно причиняло боль, но оно принадлежало ей, и меньше всего она хотела, чтобы кто-то совал в него грязные руки.

– Увидел, – равнодушно ответил Ардион, и в дверь деликатно постучали.

Вошла жрица: серебристо-серая мантия струилась по полу, маска почти полностью закрывала лицо, оставив лишь маленький острый подбородок и ярко-алые поджатые губы. Жрица поклонилась и застыла; Ардион смерил ее оценивающим взглядом, словно пытался понять, способна ли она сделать то, что нужно, а затем махнул рукой в сторону Антии и приказал:

– Делай свою работу.

Жрица кивнула. Тонкие белые руки поднялись, снимая маску, – Антия увидела прекрасное лицо без капли жизни и почувствовала нестерпимый голод, который терзал жрицу. Глаза, густо подведенные черным, налились лазурью, и Антия ощутила, как в ней останавливается жизнь.

«Вот и все», – только и успела подумать она. Холод, наполнявший ее, был невыносим. Мелькнуло лицо дяди Бриннена, который ждал Антию в Таллерии и надеялся, что она вернется, проплыл филин с железным крылом, улыбнулся Осборн, и мир стал заполняться тьмой.

Антия еще могла бежать через нее, держа дядю Бриннена за руку, но...

– Хватит, – произнес Ардион, отвернувшись к окну. – Убирайся.

Жрица послушно надела маску, лазурное сияние угасло, и Антия почувствовала, как воздух наполняет окаменевшие легкие, как возвращается жизнь, как мир снова обретает цвета, запахи и звуки. Жрица выскользнула за двери, Ардион обернулся, и Антия увидела потеки крови на его лице. Он дотронулся до носа так, словно не мог поверить, что у него действительно идет кровь, и едва слышно сказал:

– Да, связь есть. И намного сильнее, чем раньше.

Антии захотелось рассмеяться – потом она подумала, что с Солнечного Кормчего станется убить их обоих, и спросила:

– И что же теперь?

Ардион снова провел пальцами по лицу, стирая кровь.

– Пока ты будешь жить, – ответил он. – Пока.

Верну казалось, что у него на зубах скрипят песок и каменная крошка. Горло пекло, словно он исторг пламя, как дракон.

Он опомнился только тогда, когда глаза стало жечь. Вернув на место повязку, Верн обнаружил, что стоит на развалинах. Но нет, понял он, нет, это были не развалины после землетрясения, эти камни остались после того, как он разметал мертвую армию Ардиона.

Чуть поодаль всхлипывали, умирая, бактрианы. Люди казались разбросанными тюками с тряпьем – правда, из тюков не вытекает кровь. Откуда-то с центральной улицы доносились стоны и проклятия; Верн посмотрел туда, где вроде бы только что стояли Ардион и Антия, и увидел Бархева, мертвого лоточника.

«Предатель», – подумал он и сам удивился, насколько холодно и отстраненно прозвучала его мысль. Кажется, небо, в котором растворилась синяя сипуха с Антией в когтях, смеялось над ним.

«Тебе понравилось, брат? Какова их кровь на вкус?»

Покачиваясь, Верн сделал несколько шагов к статуе и попробовал обратиться, но не смог. Голова гудела. Его шатало так, словно он пьянствовал несколько дней.

Солнечный Кормчий смотрел равнодушно. Верн ощущал его взгляд на затылке и не мог от него заслониться.

– Эй... – услышал он едва различимый шелест знакомого голоса. – Эй...

Верн присел на корточки, отбросил несколько камней и увидел Осборна. Голем заморгал на свету, заулыбался, и из трещины в его лбу сбежала капля воды. Тотчас же из-под плеча парня выскользнула Микелла – мышинная мордочка не выдавала ее чувств, но Верн готов был поклясться, что она едва сдерживает слезы.

– Что еще я мог поделать? – спросил Верн, подставив ей руку. Микелла забралась на его плечо и печально пискнула. – Что? Дать им убить нас?

Микелла вздохнула. Верн убрал камни: Осборн поднялся, стряхивая пыль с головы, – по лицу струилась вода из разбитого лба, но выглядел он не так плохо, как Верну показалось сначала.

– Надо улетать, – сказал он. – По воздуху нас не догонят, а тебя нужно подклеить.

Голем качнулся. Глаза съехались было к переносице, потом вернулись обратно.

– Англун... хм... тха... – выдавил он, с отчаянием глядя на Верна.

Верну захотелось выругаться, да покрепче. В одиночку он был бы уже далеко, а тут навязали глиняного болвана на его голову, и дела у этого болвана плохи. Ардион бросил бы голема здесь и больше о нем не вспоминал, и на какое-то мгновение Верну захотелось поступить так же.

Он отогнал эту мысль: чем сильнее будешь похож на брата, тем скорее утратишь самого себя, и эта утрата будет невозполнима. Солнечный Кормчий плыл над городом бегемотов, и Верну казалось, что он видит золотые узоры на его ладье.

Отец всегда просто смотрел: так ученый смотрит в микроскоп на лужицу в чашке. Все они – Ардион, Микелла, Верн – любили его именно за эту холодную отстраненность и стремились сделать все, чтобы отец смягчился. Чтобы относился к ним так, как остальные отцы относятся к детям.

Кажется, Верн первым понял, что все их попытки напрасны.

Он и сам не знал, почему сейчас вспомнил об этом. Вздохнув, Верн принял облик филина и, подхватив голема, медленно полетел прочь от города. Он думал, что Осборн окажется тяжелым, но парень был намного легче Антии. Где бы его еще подлечить в этих краях, тут и для людей-то вся медицина ограничена спиртом и молитвами, что уж говорить о големах...

Верн летел до вечера – старался не думать ни об Антии, ни о том, что голем с каждой минутой становится все тяжелее. Ладья Солнечного Кормчего уплыла за горизонт, на синей мантии Ночиматери проступили звездные брызги. Верн посматривал вниз, на золотые россыпи городков и поселков, и вспоминал, где у него остались друзья, которые не помчатся доносить Ардиону о филине с железным крылом.

Он вспомнил об одном таком друге, когда полетел над бескрайним ковром Баравинского леса и увидел кошачью тень, скользнувшую по кронам. Верн начал снижаться – какое-то время они с тенью летели рядом, а потом он услышал залиvistый смех и подумал, что все не так плохо.

Его узнали. Его пригласили присоединиться.

Тень нырнула к деревьям – спускаясь, Верн увидел идеально круглую поляну и понял, что смертельно устал. Он ткнулся в траву, не

чувствуя ни крыла, ни лап; голем плюхнулся рядом, и Верн увидел, что к ним идут.

Существо, которое вышло из-за темных стволов, было похоже на тонкорогого оленя – конечно, если бывают на свете олени с трехглазой кошачьей мордочкой и кошачьими лапами. От серебристой шкуры существа поднимались нежно-голубые искры, и Верн почувствовал, как его наполняет спокойствие. Он увидел и услышал весь лес: от светлячков-фей, порхавших над полянами, до двухголовых рыб в ледяных ручьях, он уловил запах ягод и трав и услышал шепот тьмы в старых норах, он стал частью леса, и лес его принял как пропавшее и вернувшееся дитя.

Верн лежал бы так вечность, глядя, как над головой прорастают созвездия, но Осборн застонал и завозился в траве. Над поляной снова зазвенел смех, и Верн увидел, как из-за рогатого кота выходит крошечный человечек с посохом в руке.

– Ай, птица! – с улыбкой воскликнул он. – Что за птица!

Верн рассмеялся в ответ. Ничего лучше он и пожелать бы не мог. Лантан-ин-Ман, один из лучших магов Ашх-Анорна, который много лет назад сделался отшельником и ушел в леса. Он починит голема. Он расскажет, где теперь Антия. И самое главное – когда-то он учил Верна основам природной магии и не предаст своего ученика.

Верн шевельнулся на траве, сбрасывая с себя птичий облик, и улыбнулся:

– Ты всегда любил кошек.

Потом он закрыл глаза и, открыв, увидел, что лежит на кровати: над ним нависал деревянный потолок, от которого на тонких нитях тянулись веники и венички ароматных трав. Потрескивал огонь, по дому плыл сытный запах мясного рагу с овощами, и Верн услышал голос Лантан-ин-Мана, который тек неспешно, словно колыбельная:

– Ну вот, глиняный мальчик. Сейчас промнем тебя, промажем соком лесных трав, начиним теплой глиной с ягодами и корешками. У сердца твоего будет жить золотая ящерица, в голове поселятся бронзовки-мечтательницы, и будешь ты сказочником, песенником, волшебником.

Голем застонал. Верн сел на кровати и увидел длинный стол: Осборн лежал на нем, разрезанный и выпотрошенный, и Лантан-ин-Ман проворно замешивал новую глину, всыпая в нее пригоршни ягод и

вминая стебельки и корешки. Голова Осборна стояла чуть в стороне, испуганно смотрела, открывала и закрывала рот.

– Не бойся, – ободряюще произнес Верн, поднимаясь и проходя к столу. Сколько он когда-то изрубил на нем корешков и листьев, выполняя задания своего учителя! Вот они, следы от его ножа. – Лантан-ин-Ман – это лучшее, что могло с нами случиться.

Волшебник довольно кивнул, словно похвала бывшего ученика была ему приятна. Протянул Верну глиняную кружку, наполненную золотистым отваром на меду, и велел:

– Ну-ка выпей. Полегчает.

Верн послушно осушил кружку, и на миг ему показалось, что каждую клетку его тела наполняет музыка – простенькая мелодия, которая, как метла, выносит из него всю грязь и копоть. Послышался мышинный писк: Микелла пробежала по столу и, поднявшись столбиком, замерла возле головы Осборна, словно пыталась его успокоить и показать, что никому не даст его в обиду. Губы голема дрогнули, и он что-то неразборчиво пробормотал.

– От вас пахнет Ардионом, – сообщил Лантан-ин-Ман. – Схлестнулись, я так вижу.

Верн кивнул. Присел на лавку, взял лавандовый веничек – просто для того, чтобы занять руки и не думать о том, что Антия может быть уже мертва.

– А иномирная девочка? – поинтересовался волшебник.

– Ты и о ней знаешь? Вроде бы ты живешь вдали от мира, – спросил Верн. Лантан-ин-Ман взял резак и, ловко вскрыв голову Осборна, подхватил одну из банок и принялся высыпать золотисторозовую пыльцу на открытый мозг. Пылинки раскрывали крылья и пытались разлететься.

– Новые мысли, новые сны, хорошие слова для хорошей души, – приговаривал Лантан-ин-Ман. – Говорила вода в ручьях, говорил ветер в листьях, пел камыш на краю болота, кричали птицы, – он поправил круглые очки и, внимательно взглянув на Верна, добавил: – Да и отзвуки землетрясения докатились.

Верн задумчиво дотронулся до ящичка с сиреневыми мускари, который стоял на этом столе, сколько он помнил: Лантан-ин-Ман использовал эти цветы для лечения артрита.

– А вода в ручьях не говорила об иномирной магии?

Лантан-ин-Ман усмехнулся. Закрыв голову Осборна, словно ларец, и, смочив пальцы в одной из чашек, принялся замазывать шов. Осборн открыл глаза, заморгал – взгляд был осмысленным и умным.

– Вот молодец! – одобрительно произнес Лантан-ин-Ман. – Как тебя зовут, помнишь?

– Помню, – ответил голем, и Верн невольно вздохнул с облегчением. – Я Осборн из Тахван-Хара, город Тахрам.

– Умница! – довольно воскликнул Лантан-ин-Ман и, покосившись в сторону Верна, продолжил: – Ты знаешь, вода не говорила. А вот мои мускари сказали. Посмотри на нижние колокольцы.

Верн подцепил один из цветов кончиком пальца: белая каемка по краю нижних колокольцев стала красной. Ему показалось, что он слышит испуганный звон.

– Я нашел труп иномирного жреца на Аанунти, – признался Верн. – Его убила и высушила отдача от сильного магического ритуала. Чуть больше недели назад.

Лантан-ин-Ман понимающе кивнул.

– Да, как раз тогда они и покраснели. Помоги-ка мне.

Верн поднялся с лавки и, подчиняясь веточке-указке, которая заплясала в пальцах Лантан-ин-Мана, стал прикручивать руки и ноги Осборна к телу. Голем испуганно следил за его действиями, словно боялся, что Верн соберет его как-нибудь не так.

– Что ты думаешь об этом? – поинтересовался старый волшебник. Верн пожал плечами.

– Полная нелепица, разумеется, – фыркнул он. Правая нога голема вошла в бедро, что-то щелкнуло, и Лантан-ин-Ман смочил руки и принялся заглаживать швы. – Но я считаю, что этот ритуал провели для того, чтобы соединить моего брата с Антией. Он зачем-то понадобился жрецам пирамиды Ауиле в ее мире.

Губы Лантан-ин-Мана дрогнули в улыбке, и Верн вдруг подумал, что тут нет нелепицы.

– Все правильно, – кивнул Лантан-ин-Ман. – Я заглядывал в свиток в архиве Аш-Нанзунд... как там было-то, – он нахмурился, сложил пальцы щепотью и прижал к переносице. – Ах, да! «Королевская кровь и солнечная кровь соединяются и изменяют миры, и нет того, чего они не смогли бы сотворить. Тогда поднимется великое

солнце и развеет мрак, и изгонит зло и грех». Какой грех хотят изгнать жрецы из своего мира?

Микелла пискнула, закрыв лапками мордочку, – казалось, она испугана и с трудом сдерживает слезы. Лантан-ин-Ман осторожно взял голову Осборна и принялся накручивать ее на шею. Верн смотрел, как поднимается и опускается грудь голема, как движутся его пальцы, и ему казалось, что тело Великого Кита вздрагивает под ногами, готовясь нырнуть во тьму океана.

– Они хотят исправить основы мира, – ответил Верн. Леферу пришла в голову неплохая идея: остановить Великого Кита, возможно, даже умертвить его, чтобы не осталось больше ни жертвоприношений, ни страха.

Беда была в том, что для этого ему понадобился Ардион – а Верн знал, что брат никогда не подчинится тому, кого считает ниже себя.

Он представил Таллерию, жители которой больше не боятся землетрясений, потому что в небе над ними плывет ладья нового Солнечного Кормчего, и не смог ответить себе, хорошо ли это.

Но видение было страшным – это точно.

– И что же делать? – спросил Верн. Лантан-ин-Ман пожал плечами.

– Найти эту девочку. Вернуть ее домой, а там... – его взгляд вдруг сделался спокойным и твердым. – А там надо понять, кому будет от этого хорошо. И будет ли.

VIII

Солнечный Кормчий

Ардион жил во дворце, который казался целиком сплетенным из каменного кружева. Все здесь было прозрачным и свежим, кругом плыл тонкий аромат цветов, и даже та комната, в которой заперли Антию, ничем не напоминала камеру для пленницы.

На всякий случай Антия подергала ручку двери – снаружи сразу же послышалась возня, и мужской голос пообещал:

– Башку разобью! Сиди тихо!

Значит, охрана есть. Антия прошла к открытому настежь балкону, выглянула: внизу вместо пионов и роз извивались гибкие колючие ветви. Антия перебросила ногу через перильце, и одна из ветвей тотчас же бросилась вверх и хлестнула по ограде – рядом с ногой, но не задев. На металле остались рыжеватые капли, и Антия увидела, как по ограде поползла ржавчина.

Яд. Не хотелось и думать, что будет, если такая ветка ударит ее по ноге. Постояв на балконе и полюбовавшись сумерками, что неторопливо погружали сад во все оттенки синего и сиреневого, Антия вернулась в комнату и обнаружила, что ей успели принести одежду и поднос с едой.

Что ж, по крайней мере, Ардион не собирался морить свою пленницу голодом. Уже неплохо.

Переодевшись в темно-синие штаны и светлую блузу без рукавов и поужинав творожными лепешками и сочными желтыми сливами, Антия снова вышла на балкон. Ветви извивались внизу, и ей послышалось хищное клацанье зубов. Она заглянула через перила: нет, даже если встать на перильце и рвануться вперед, как цирковая акробатка, перепрыгнуть не получится. Ветви просто собьют ее на лету. Раны? Ардион их залечит – а потом Антия, возможно, сменит эту уютную комнату на подземелье с крысами. За попытку побега всегда принято наказывать.

В саду постепенно становилось все темнее. Окна дворца наливались светом, и Антии казалось, что она стоит на носу корабля, плывущего во мраке. Сколько отсюда до Выгорья, интересно?

Вспомнив о Арх-Амане, Антия невольно рассмеялась. Ардион не позволит ей уйти, пока не поймет, как разорвать их связь. Да и тогда тоже не позволит – его долг перед Ашх-Анорном велит ему убивать демонов, которых Солнечный Кормчий сбрасывает с неба.

Что с ним будет, если девушка, сбежавшая от владыки и его каменной армии, все-таки сумеет удрать из-под ареста и вернуться в свой мир? Ничего хорошего – Антия это прекрасно понимала, и ее захлестывало злорадство.

– Так тебе и надо, – усмехнулась она. В саду загорались фонари – один из них вспыхнул на балконе прямо над головой Антии, и, всмотревшись, она увидела, что в стеклянном плену кружат маленькие существа. Человечки с прозрачными крыльями, одетые в тонкие золотистые платья, то поднимались вверх, то опускались, и от их крыльев растекались волны света. Один из них зевнул во весь рот, и Антия рассмеялась.

– Бедные вы, – вздохнула она. – Такие же пленники, как и я.

Она дотронулась до жемчужины, подаренной гарвелином. Вот она попала в руки врага, но жемчуг не помогает одолеть его. Должно быть, это просто красивая вещица, а гарвелин морочил им голову. Заметив сочувственный взгляд Антии, один из крылатых человечков перелетел в самый низ фонаря и замахал тонкими ручками, привлекая ее внимание.

– Что ты? – спросила она, дотронувшись до стекла. – Чем тебе помочь?

Человечек дотронулся до ее руки, и Антия увидела, как по его щеке пробежала крошечная слезинка. Заметив, что Антия смотрит, остальные человечки тоже столпились внизу – в их глазах читалась такая мольба, что ей сделалось не по себе.

– Что ж! – улыбнулась она. – Попробуем!

Поднявшись на цыпочки, Антия подхватила фонарь и, потянув на себя, умудрилась снять с крючка. Человечки запрыгали, радостно размахивая руками; Антия покачала фонарь в ладонях, а потом швырнула его на мрамор пола.

Стеклянные брызги разлетелись во все стороны: один крупный осколок отлетел к балконной двери, и Антия обрадовалась – если что, сойдет за оружие. Человечки разлетелись во все стороны и почти сразу

же, весело и возбужденно щебеча, начали слетаться к Антии сверкающим облаком.

– Благодарим! – услышала она мелодичный хор. – Благодарим!

Антии сделалось легче на душе. Пусть она сама оставалась пленницей, но зато смогла дать другим свободу. Тот самый человечек, который махал ей руками, подлетел к уху Антии и пропел:

– Чем тебя благодарить, кроме слов?

Антия протянула руку: человечек сел на ладонь и вытянул ножки в зеленоватых башмачках.

– Найди филина с железным крылом, – попросила она, и человечек кивнул. – Скажи ему, где я. Скажи, что Антия ждет. Сможешь?

Человечек подпрыгнул на ее ладони и, звонко прокричав: «Смогу!», помчался над садом, рассыпая рыжие искры. Антия смотрела ему вслед, пока слегка насмешливый голос Ардиона не поинтересовался:

– Ну и зачем?

Она обернулась: Ардион стоял возле входа на балкон, смотрел чуть насмешливо и устало. Антия невольно отметила, что у него припух нос.

Она старалась не коситься в сторону осколка фонаря, не привлекать внимание к тому, что однажды может помочь ей защититься. Стараясь держаться спокойно, Антия прошла мимо Ардиона, вышла в комнату и бросила через плечо:

– Я пленница. Меня порадовало то, что кто-то получил свободу.

Ей подумалось, что в эту минуту она была похожа на мать: спина выпрямилась, голова и плечи гордо развернулись. Ардион усмехнулся.

– Как трогательно, – заметил он. Антии казалось, что он смотрит на нее так, как ученый смотрел бы на редкого зверя в клетке и думал, что с ним делать. Это был хищный холодный интерес, за которым все же проглядывало что-то очень глубокое и личное.

«А ведь тебе страшно», – подумала Антия и спросила:

– Когда здесь начнется землетрясение? Ну или потоп...

Правый край рта владыки дрогнул в усмешке.

– Пока не начнется. Моя магия еще в силах укутать тебя и удержать.

Что ж, это не могло не радовать.

– А потом? Что с тобой сделает Солнечный Кормчий, когда ты не сможешь меня убить?

Вместо ответа Ардион церемонно протянул Антии руку – она не хотела опираться на нее, но пальцы дрогнули и будто бы по своей воле легли в чужую ладонь. Вдвоем они подошли к окну, которое выходило на другую сторону дворца, и Антия увидела, как далеко-далеко за гребнем леса вдруг что-то засветилось, словно там разгорелся огромный костер.

– Что это? – удивленно спросила она.

– Солнечный Кормчий ставит метки в материальном мире, – сдержанно ответил Ардион, и Антия вдруг поняла, что совсем скоро он потеряет все, что имеет. Он уже почти потерял. – Скоро там прорастут осколки его божественной сути.

Он сделал паузу и добавил:

– Новые дети. Вместо тех, которые его разочаровали. Они лягут пеплом среди болот. Я ответил на твой вопрос?

Некоторое время Антия молчала. В ушах звенело. Костер постепенно гас, растворялся в синеве ночи.

– Да, – прошептала она. – Да, ответил.

Несмотря на все мастерство Лантан-ин-Мана, Осборн окончательно пришел в себя только через день. Верн сидел за столом, раскладывал травяные венички в стопки, и волшебник, посмотрев на его труды, вздохнул и произнес:

– Ты бы поспал, что ли. Давно не отдыхал, я же вижу.

Верн отрицательно качнул головой – он знал, что не сможет сомкнуть глаз, пока они не вернутся в Таллерию. Почему-то сейчас, вспоминая о мире на спине Великого Кита, Верн думал о нем как о настоящем доме.

Видимо, это и имел в виду Ардион, когда однажды бросил, что в Верне есть какая-то червоточина – но если это она и есть, то Верн был этому рад.

Это чувство делало его настоящим. Живым.

– Чувствуешь? – вдруг спросил Лантан-ин-Ман. Голем, который уже не лежал на столе, а сидел на скамье, ответил:

– Жарко. Печет.

Лантан-ин-Ман кивнул, и Верн вдруг почувствовал жжение между лопаток. Он помнил его – в прошлый раз, когда у него стало так печь, родилась Микелла.

– Новые осколки солнца упали в материальный мир, – произнес Верн, стараясь говорить спокойно и равнодушно. – Отец создает новых детей.

Ардион разочаровал Солнечного Кормчего: сначала тем, что упустил демоницу, а потом – что не мог ее найти и убить. Верн поймал себя на мысли, что думает о падении старшего брата без злости и без печали. Что теперь будет делать Ардион? Отправится вместе с Антией в Таллерию?

– Интересно, что будет с Ардионом? – задумчиво спросил Лантан-ин-Ман, откликаясь на его мысль. Пузатый медный чайник, старый еще в детстве Верна, запыхтел, выплевывая из носика пар; Лантан-ин-Ман подхватил его, налил кипятку в кружки, придвинул к Микелле крошечную плошку с зернами. – Он не из тех, кто удовлетворится почетной ссылкой.

Верн кивнул. Осборн взял двумя руками кружку, сделал осторожный глоток, зажмурился – горячо! Микелла пискнула, и Лантан-ин-Ман согласно кивнул.

– Верно, ваше высочество. Ваш брат не станет жить в изгнании, – он помолчал и добавил: – И его заклинания мне не снять. Он очень силен.

– Я вроде бы не спрашивал, сумеешь ли ты это сделать.

Лантан-ин-Ман улыбнулся – едва заметно дрогнули уголки тонкогубого рта.

– Но ты об этом думал. Давно.

Какое-то время они молчали. Верн подумал, что Лефер и те, кто за ним стоит, переиграли всех. Солнечный Кормчий изгонит старшего сына, и тот будет вынужден отправиться в Таллерию.

А там его снова сделают владыкой. И Антия с ее королевской кровью станет для него кем-то вроде домашнего животного или рабыни. Эдвигу Данвигонскому тут и носом повести не дадут.

А может быть, Антия нужна Леферу только для того, чтобы заполучить настоящего спасителя для мира, и ее убьют сразу же, как только она выполнит свое предназначение.

Огненное прикосновение к спине ушло. Скоро в мире родится еще одно дитя с солнечной кровью – его внесут в опустевший дворец Ардиона, и отец спустится с небес, чтобы воспитать нового сына или дочь.

«Что ж, – подумал Верн, – пусть у тебя это получится. А мы... Мы уйдем и никогда не вернемся».

– Мне надо найти Антию, – произнес Верн. – А потом попытаться украсть свиток Ауиле в Аш-Нанзунде. Ты что-нибудь помнишь о тамошней системе охраны? Как выглядит выход в Таллерию, я знаю, а вот в архивах не бывал.

Лантан-ин-Ман кивнул.

– Каменные стражи возле хранилища, – ответил он. – Туда могут войти только те, кого пригласили жрецы, из остальных, скажем так, делают отбивные.

Верн представил, как тяжелая каменная ступня обрушивается на вора, размазывая его по мраморным плитам. Скоро эти стражи разделят судьбу каменных дев Ардиона. А что, если...

– Что будет, если разрушить Аш-Нанзунд? – спросил Верн. – Запечатать второй проход в Таллерию?

Лантан-ин-Ман неопределенно пожал плечами, но было видно, что идея Верна ему не по душе.

– Наши миры сотворили те, кто умнее нас. И если они сделали их именно такими, то не нам их разрушать, – ответил он. – Улучшить? Да, мы можем. Но ломать то, что построено не нами, я бы не стал. И тебе не советую. Разве у тебя было мало приключений?

Верн улыбнулся.

– Достаточно для того, чтобы поумнеть, – он посмотрел в окно и заметил, что воздух снаружи посерел. Первая птица запела среди ветвей – еще робко, еще только разминая серебряное горлышко. Лантан-ин-Ман покосился в сторону окна, и Верн поймал край мыслей своего бывшего наставника: «...вот он уйдет, и дни потекут дальше, и лес будет говорить, как говорил всегда».

От мыслей волшебника веяло невыразимым одиночеством.

– Как ты? – поинтересовался Верн, взглянув на Осборна, который все это время молчал и слушал. Должно быть, привыкал к тому, что Лантан-ин-Ман полностью переделал его и теперь жизнь станет совсем другой, ничем не похожей на ту, которая была раньше.

«Теперь ты уже не будешь рабом», – подумал Верн, и почему-то ему пришло в голову, что Антия этому обрадовалась бы.

– Лучше, чем было, – признался Осборн. – Но я почти не помню, что произошло. Вроде бы ты нес меня в когтях.

Верн улыбнулся.

– Нес. Мало кто может этим похвастаться. – Он протянул Микелле руку, она взбежала на его левое плечо, и Верн поинтересовался у наставника:

– А у тебя есть еще те летучие кошачьи олени?

Лантан-ин-Ман рассмеялся.

– Есть, конечно. Дам вам пару, пусть потом останутся в Арх-Амане. Там хороший климат.

Верн подумал, что до Арх-Амана еще надо добраться. Еще надо понять, куда Ардион забрал Антию – скорее всего, в замок в долине Ташан-Та, брат его всегда любил, да и для обороны лучше места не найти. Но у Ардиона много таких укрытий, и Верн понимал, что не обо всех ему известно.

Это Солнечный Кормчий все видит со своих высот. Остальные довольствуются малым.

Лантан-ин-Ман собрал Верну лекарственных трав в дорогу, положил в сумку горшочек меда и краюху хлеба – коты-олени уже урчали возле крыльца. Приторочив сумку к седлу одного из них, стройного, с белыми ушами, волшебник вдруг признался странно дрогнувшим голосом:

– Я очень рад, что ты приехал.

Верн обнял учителя – горло стиснуло спазмом, когда он почувствовал, какой на самом деле Лантан-ин-Ман маленький и одинокий.

– Поедем с нами, – предложил он. – В Галлерии хорошо.

Лантан-ин-Ман отстранился, ободряюще улыбнулся.

– Я часть этого мира, – с теплом возразил он. – Если меня не станет, то и он утратит очень много. Прощай, Верн. Пусть тебя хранят все миры.

Глаза защищало. Верн вскочил в седло, и кот в ту же минуту рванул вверх. Обернувшись, Верн увидел домик среди деревьев и крошечную фигурку своего учителя: Лантан-ин-Ман смотрел им вслед, махал рукой, и его лицо было спокойным и светлым. Но кот развернулся над лесом, полетел на восток, и домик растаял.

Из-за горизонта неторопливо выкатывалось солнце – Верну казалось, что он видит знаки, вырезанные на носу отцовской ладьи. Все было в порядке вещей: Верн, Ардион, Микелла пришли на место тех детей, в которых отец больше не нуждался. Вот и им пришла пора уступить место. Пусть другие сражаются за любовь и тепло, которых никогда не получают.

Верн не сразу понял, что едва различимый писк в ушах – это голос. Он протянул руку к волосам, и на пальцы тотчас же запрыгнул золотистый светник: его сородичей испокон веков использовали в фонарях. Светник запрыгал на пальцах и прокричал во все горло:

– Антия жива! Антия ждет в Ташан-Та!

Ночью пошел дождь.

Сквозь сон Антия слышала, как капли стучат по балкону и подоконнику, просыпалась, плотнее укутывалась в тонкое одеяло и засыпала снова. Теперь можно было спать спокойно и не волноваться, что Ардион узнает, где она.

Он уже знал.

На рассвете Антию разбудило птичье пение: открыв глаза, она долго лежала, глядя на фреску на потолке – светловолосая дева шествовала по облакам, рассыпая перед собой белые и алые бутоны роз, – и думала, что комната похожа на ее покои в отцовском дворце. Неужели однажды у нее получится вернуться? И есть ли смысл надеяться, когда ты сидишь под замком?

Выскользнув из-под одеяла, Антия побрела умываться, а вернувшись, увидела, что постельное белье с дивана уже убрано и ей принесли поднос с завтраком – подсушенный хлеб, ломтики сыра и бекона, яичницу и тушеную фасоль с грибами. Ардион не морит

пленницу голодом, спасибо ему за это. Подкрепившись, Антия вышла на балкон.

Парк кутался в тишину, словно в шаль. Осколки фонаря на полу исчезли – что ж, придется отбиваться руками и ногами, как показывал дядя Бриннен. Вдали, над деревьями, кружила темно-синяя птица, и Антия невольно сделала шаг назад, не желая лишний раз попадаться на глаза Ардиону. Но сипуха заметила ее – развернулась над парком и неторопливо двинулась в сторону дворца.

Антия вернулась в комнату и опустилась на край дивана, надеясь, что у нее достаточно гордый и независимый вид. Мелькнул птичий силуэт, и Ардион вышел с балкона. Несмотря на утро, он выглядел изможденным и угрюмым: должно быть, провел ночь без сна.

– Как спалось? – осведомился он без приветствий. Антия дружелюбно улыбнулась и ответила:

– Прекрасно. Уже забыла, как это – спать, когда не боишься, что тебя обнаружат.

Ардион улыбнулся в ответ, но глаза остались темными.

– Заключение положена прогулка. Пойдем, составишь мне компанию.

Меньше всего ей хотелось куда-то идти со своим тюремщиком, однако Антия лишь кивнула и поднялась с дивана. Надо использовать любую возможность выйти отсюда и попытаться сбежать.

– Как там новые дети твоего отца? – Конечно, надо было помалкивать, но она не смогла удержаться. Ардион усмехнулся – кажется, его нисколько не задело.

– Дети появляются не сразу, – ответил он. – Я думал, ты знаешь.

Едва уловимое прикосновение к запястью – и комната размазалась пестрыми пятнами, которые почти сразу же остановили свой бег. Антия стояла на дорожке, от жасминовых кустов справа поднимался удивительный свежий аромат, и в памяти всплыли слова одной из дворцовых служанок: жасмин сильнее всего пахнет утром...

Это был запах ее свободы и надежды. Антия могла бы стоять так вечно и ничего не делать, просто дышать и смотреть.

– Идем?

Ардион предложил ей руку, Антия церемонно взяла его под локоть, и они неторопливо побрели куда-то вперед. Кленовые листья и

ветви стряхивали на них дождевые капли, и Антия чувствовала, как в ней поднимается какое-то незнакомое ощущение – теплое и горькое.

– Здесь красиво, – улыбнулась она. Молчать стало как-то неловко. Ардион кивнул.

– Я всегда любил это место. Спокойное, тихое, – рука под пальцами Антии едва заметно напряглась. – Не хочется с ним расставаться.

Антия понимающе кивнула. Она прекрасно знала, что такое потерять дом.

Ей вдруг захотелось сказать что-нибудь хорошее, утешающее, но слова не шли. Вместо них проступила злость: вообще-то рядом с ней идет человек, который думает только о том, как бы ее убить. Вот и незачем его утешать, пусть помучается.

Вскоре они прошли по мосту, переброшенному через ручей, сердито прыгавший по камням, и Антия вздрогнула, узнав эту часть парка. Она видела эти деревья и постаменты в своем видении перед пирамидой Ауиле – но тогда здесь было множество статуй, а теперь ни одной.

– У меня больше нет моих дев, – равнодушно произнес Ардион, и Антия не сдержала усмешки: так тебе и надо! Это не та потеря, которой она стала бы сочувствовать. Они шли по дорожке, Антия смотрела на опустевшие постаменты и думала, что где-то здесь могла бы стоять сама: живая и неживая, окаменевшая. Чуть поодаль была каменная скамья, и Антия удивленно увидела мольберт, ящик с красками и кистями и начатую картину. Здесь, на бывшем кладбище, картина выглядела одновременно чужеродно и очень органично.

– Присаживайся, – предложил Ардион, опустился на скамью и взял кисть. Антия послушно села рядом. Она всегда была равнодушна к живописи, но эта картина ей понравилась. Владыка рисовал свой парк, дождь и поникшие кусты цветущего жасмина, и Антии казалось, что она слышит стук капель по листе.

Ее враг определенно был талантлив. В душе что-то дрогнуло.

– Красиво, – признала Антия. – Даже очень.

Ардион усмехнулся. Кисть неспешно брела по холсту, и в, казалось бы, простом нагромождении пятен проступали листья, цветы жасмина, дождь и тоска.

– Спасибо.

– И часто ты рисуешь?

Взгляд Ардиона смягчился, лицо прояснилось. Антия невольно отметила, что сейчас, занятый тем, что ему нравится, Ардион не выглядит настолько отталкивающим, каким казался сначала. И как он, должно быть, одинок, если сидит здесь не с другом или любимой, а с девчонкой, которую с ним связало. С демоницей из другого мира, которую должен убить и не может.

– Хотелось бы чаще. Но... – Ардион вынул из ящика другую кисть, провел большим пальцем по волоскам. – Не всегда получается.

Дождь давно кончился, но низкие облака не уходили, и Антия почему-то этому обрадовалась. Сейчас ей не хотелось видеть солнце. Пусть Солнечный Кормчий плывет в своей вышине и не смотрит на них. Должно быть, Ардион думал о том же.

– Ты мог бы быть художником. Сидел бы сейчас не здесь, а где-нибудь среди полей, рисовал бы пейзажи... – только сказав об этом, Антия поняла, насколько глупо прозвучали ее слова. Такие люди не отказываются от власти. Она для них дороже того, что наполняет душу и делает живым.

Ардион неопределенно пожал плечами. Кисть казалась продолжением его руки. Антия вдруг заметила, что в ящике с красками и кистями есть несколько ножей для того, чтобы точить карандаши, и их лезвия выглядят очень острыми.

Отлично.

– Мог бы, – неожиданно легко согласился Ардион. – Но дети Солнечного Кормчего не принадлежат себе. Мы исполняем волю нашего отца, только и всего.

Он поднялся, прошел к жасминовому кусту – молниеносным движением Антия выхватила один из ножей, жалея, что у нее блуза без рукавов, и сложила руки на груди, пряча украденное. Ардион сорвал один из жасминовых цветков, вернулся за мольберт и принялся прорисовывать детали.

Антии сделалось одновременно очень жутко и очень весело. Только бы он не заметил пропажу ножа!

Старина Джаккен когда-то говорил, что нет дряннее смерти, чем от ножа. И что если пускаешь его в ход, то нужно смотреть в глаза тому, в чье тело он входит. «Не всегда хватает смелости», – добавлял он, и Антия с ним соглашалась.

– Разве у тебя нет своей воли? – спросила она. Сейчас надо было отвлечь Ардиона, надо было сделать все, чтобы он ничего не заподозрил и был совершенно спокоен.

Антия понятия не имела, куда побежит потом. Но как говаривал все тот же Джаккен, сначала ввяжемся в драку, а там посмотрим.

– Как ты думаешь, где я окажусь, если стану ее проявлять слишком энергично?

– Неужели он... настолько безжалостен? – Антии казалось, что руки сделались тяжелыми и каменными. Витая рукоятка ножа впивалась в ладонь. Ардион с искренним любопытством покосился в ее сторону.

– Увы.

– У тебя есть семья? – поинтересовалась Антия. – Жена, дети?

Ардион прищурился – едва уловимо. Светлые мазки на холсте превращались в цветы жасмина – казалось, от них идет тонкий прохладный запах.

– Нет. У меня много других дел.

– Сидеть с окаменевшими девушками? – не сдержалась от шпильки Антия.

– Хотя бы, – откликнулся Ардион, отложил кисть и снова встал со скамьи. Антия тоже поднялась, опустив руки и держа нож так, чтобы его не было видно. К лицу прилил жар, в ушах нарастал звон, и все вдруг словно попало в прозрачное желе, сделалось медленным и ленивым – ей казалось, что все это похоже на болезнь и бред. Что все это мерещится и на самом деле она не хочет сделать ничего...

«Смотреть в глаза», – напомнила себе Антия, и рука двинулась вперед. В труппах она множество раз видела драки на ножах, но не думала, что однажды ей придется...

«Смотреть в глаза!» – и Антия смотрела. Нож уткнулся в темно-синий шелк мантии и рванулся вперед; девушка содрогнулась, словно лезвие входило в ее тело. А Ардион рассмеялся – стиснул ее запястье так, что болью окатило все тело, и направил руку Антии вперед, сильнее и глубже.

– Бить надо энергичнее, – заметил он со спокойствием учителя на тренировке, который разбирает ошибки ученика. – И не стоит так трястись, когда заговариваешь зубы жертве.

Антии казалось, что она смотрит в темный колодец без дна. Что она уже падает.

Пальцы разжались. Ардион выпустил ее запястье и стряхнул нож на гравий дорожки. На лезвии сверкнули темно-красные капли.

– Неужели ты думаешь, что меня можно убить этой зубочисткой? – Антия ожидала торжества, но в улыбке Ардиона не было ничего, кроме печали и разочарования. – Что у меня нет защитных заклинаний?

Он щелкнул пальцами в воздухе, и из-за деревьев выступили охранники с ружьями, направленными в сторону Антии. Опустошение, нахлынувшее на нее, было настолько сильным, что ноги сделались ватными – Антия не упала только из упрямства.

Ардион погладил ее по плечу – мягко, дружески. словно на самом деле жалел.

– Уведите, – бросил он охране и вернулся за мольберт.

Ранним утром дворец содрогнулся.

Он вздрогнул от подвалов до статуй на крыше, словно живое существо. Вскочив с дивана, Антия бросилась к выходу из комнаты, рванула дверь и тотчас же услышала:

– Сиди смирно, тварь! Башку разобью!

Но голос охранника уже звучал не так решительно: ему было страшно чуть ли не до икоты. Антия замерла, в голове плыло: Великий Кит пришел в движение, надо бежать к дирижаблю, а как же дядя Бриннен – и тут она окончательно опомнилась, поняв, что в этом мире нет Великого Кита.

– Что случилось? – спросила Антия.

– А то ты не знаешь! Все из-за тебя, гадины! Не держит тебя земля! Страхивает!

Антия почти увидела своего стража: побелевшего, с торчащими пиками усов, сжимающего ружье в трясущихся руках. Издалека донесся глухой голос Ардиона: владыка кого-то успокаивал, говорил, что теперь бояться нечего, он держит ситуацию под контролем – да все

владыки во всех мирах так говорят. Антия отошла от дверей, в коридоре послышались шаги, и щелкнул замок.

Дрожь, которая прокатилась по дворцу, подняла Ардиона с кровати: вместо привычной темно-синей мантии он был одет в некое подобие пижамы. Из-под круглого ворота выглядывала ключица с причудливым завитком татуировки, правую щиколотку охватывал золотой браслет. Антия отвела было глаза, но Ардион, быстрым шагом подойдя к ней, подцепил подбородок и заставил посмотреть себе в лицо.

Антию стало тошнить. Ноги подкашивались. Взгляд Ардиона пригибал к земле, разбирая на части, потрошил, словно рыбину, – так могла бы смотреть смерть, да он и был смертью. Она опомнилась, почти рухнув в серое марево обморока – Ардион выпустил ее, оттолкнул, и она упала на край кровати: ноги не удержали.

– Так я и думал, – произнес Ардион. – Это не твоя работа.

– Конечно, не моя, – пробормотала Антия. – Я спала.

Ардион посмотрел с таким гневом, что Антии показалось, будто у нее горят волосы. Хотелось поднять руки и закрыться от этого темного взгляда.

Владыка прошел по комнате, вышел на балкон. Постоял там несколько минут, устало вглядываясь в утреннюю даль, а потом нараспев произнес:

– Солнечный Кормчий плывет по небу, лик его ясен. Рука поражает демонов, сбросит на землю. Почему он до сих пор тебя не убил, Антия?

Она не знала, что на это ответить.

– Тебя жалеет? – предположила она. Откуда-то издали донеслись испуганные голоса, шаги, звон – кажется, охрана дворца готовилась к обороне.

Ардион усмехнулся.

– Он не жалеет *никого*. Поэтому я не понимаю, почему он до сих пор сохраняет тебе жизнь.

– Хочет посмотреть, как ты со всем этим справишься, – сказала Антия. Ардион обернулся, и она готова была поклясться, татуировка на ключице исчезла.

– Может быть. Только что разрушилась защита моего дворца, только он мог ее снять, – каким-то чужим голосом произнес владыка

Ашх-Анорна. – И вот я думаю, что же будет дальше?

Холод, который охватил Антию, был таким злым и жгучим, что у нее застучали зубы. Из рта вырвалось облачко пара.

– А что будет? – прошептала она. Ардион прошел в комнату, закрыл за собой балконную дверь: в этом движении было что-то, подсказавшее Антии, что Ардион сейчас прощается с этим местом. Он уже потерял его.

– Возможно, ладья Солнечного Кормчего опустится в саду, – ответил Ардион. Присел на кровать рядом с Антией, провел ладонями по лицу. – И он испепелит нас обоих. Посмотри в окно.

Антия послушно выглянула в сад и увидела, как охрана дворца выстраивается вдоль аллей: то ли для того, чтобы защищаться, то ли затем, чтобы упасть в ноги Солнечному Кормчему и молить о пощаде. Утро было светлым, утро было золотым и розовым, пахнущим пионами и жасмином, но Антии казалось, что в любую минуту может пойти снег.

– Я не смогу тебя убить, – признался Ардион. – Люблю жизнь, понимаешь ли, особенно свою. Но есть тут один выход.

Антии показалось, что она снова оказалась во тьме того подземного хода, через который ее вел дядя Бриннен – но теперь стояла там совершенно одна.

– Я чувствую, что сюда спешит мой брат, – продолжал Ардион. – И если я сумею разметать его ключья по этой части Ашх-Анорна, то отец, может быть, простит меня. Может быть, тогда он разорвет нашу с тобой связь.

Антии было страшно подумать, что стояло за этой надеждой.

– Мои родители меня любили, – негромко произнесла она. – Когда заговорщики ворвались во дворец, отец успел отвести меня к подземному ходу. Дядя Бриннен охранял его... то есть он не настоящий мой дядя, мы просто сроднились за восемь лет. И тогда мы с ним побежали через эту тьму, и я слышала, как кричит мама.

В носу защипало. Глаза стало жечь, но Антия знала, что не будет плакать. Палач не увидит ее слез. Некрасивая гримаса скривила лицо Ардиона.

– Все рухнуло, когда ты появилась в Ашх-Анорне, – вздохнул он. – Все рухнуло, и я уже ничего не понимаю. И все валится у меня из рук, и я не знаю, что делать.

– Во дворце есть зеркало? – спросила Антия. На голову стало давить, словно ладья Солнечного Кормчего разворачивалась в небе над дворцом и медленно снижалась: вот тревожно загудели листья, вот от них потекли дымные струйки, вот...

Жарко. Нестерпимо.

– Есть, разумеется, – ответил Ардион. – Думаешь, как сбежать?

Антии казалось, что от ее рук и плеч натянулись тончайшие серебряные нити. Кто-то вел ее все это время и сейчас пытался отдать новый приказ.

– Давай отправимся в Арх-Аман к пирамиде, – предложила она. – Мы уйдем в мой мир, все вместе.

«Добраться до пирамиды, – подумала Антия. – А там посмотрим». Ардион вопросительно поднял левую бровь: он и правда был удивлен – а потом расхохотался.

– Нет, это безумие, – произнес он, отирая глаза. – Ты не просто демоница, ты еще и сумасшедшая.

– Мы уйдем. Мы уйдем, и тебе больше не придется сражаться. И ты больше не будешь доказывать, что достоин быть его сыном.

– Это безумие, – упрямо повторил Ардион, не сводя с нее взгляда. – Это невозможно.

Жар сушил кожу. Антия посмотрела в окно и увидела изогнутый нос ладьи. Лицо Ардиона дрогнуло, словно сделалось глиняным, и невидимые пальцы смяли его гримасой боли. Снаружи донесся стон – почти тот же, который Антия слышала, спускаясь по ступеням в нутро пирамиды.

– Он всегда испытывает нас, – с ледяной отстраненностью сказал Ардион. – Он проверяет – соответствуем ли мы статусу его детей.

– Мы сможем уйти, – прошептала Антия, уже понимая, что не сможет переубедить владыку. Все кругом заливал солнечный свет, но страх, который окутал ее, был сильнее того, что она испытывала во тьме.

– Нет, – откликнулся Ардион. – Нет, уже не сможем.

Когда коты вырвались в сад Ташан-Та, Верн уже знал, что отец там, и страх ворочался в груди, негромко твердя: вот и все, вот и все... Ладья Солнечного Кормчего плавно развернулась в небе и мягко спустилась на землю. Осборн, скакавший рядом с Верном, щурился от света и то и дело дотрагивался до лица.

– Печет, – произнес он. – Ох, печет!

Ладья отца не изменилась; Верн вспомнил, как все они однажды катались в ней и Микелла смотрела вниз с ужасом, вцепившись пальцами в белевинский кедр скамьи, а вот Ардион наслаждался полетом – тогда он выглядел как сын, который соответствует ожиданиям отца.

Судя по тому, что осколки солнца упали в мир, Ардион все-таки не оправдал высокого доверия.

Верн спрыгнул с кота-оленя и побежал по аллее: мимо остолбеневших от благоговейного ужаса охранников в полном вооружении, мимо засыхающих цветов, мимо фонтана, в котором почти не осталось воды, – туда, где золотоволосый рыцарь в сверкающих доспехах спускался на землю и плащ тек за ним, словно кровь.

– Отец! – закричал Верн, понимая, что Солнечный Кормчий сейчас обернется к нему и все закончится. Он вспомнил сердцебиение матери, которой никогда не знал, свою детскую комнату, руки кормилицы, солнце, что заглядывало в окно. Что стало с прежними детьми отца? Лежали в болотах жирным пеплом...

Темно-синяя сипуха с налету ударила его в голову – Верн упал, прокатился по траве и, уже принимая птичий облик, почувствовал, что отец смотрит на него. Что он в очередной раз проверяет их. Покажите, как сильно вы любите, как вы готовы сражаться не за улыбку даже – за тень его улыбки.

Вы еще достойны невыносимой чести быть его сыновьями?

Когти сипухи рванули его, доставая до плоти сквозь перья. Филина подняло над травой, бросило. Ардион готов был сражаться насмерть – только ради того, чтобы отец оставил его в живых, и Верн чувствовал, как эта опаляющая решимость бросает брата в атаку. Чудом сумев извернуться, Верн отбил новый удар Ардиона, затем, взлетев, упал и вцепился клювом в его правое плечо и рванул с такой силой, что потемнело в глазах.

В следующий миг Ардион обернулся человеком, сделал несколько шагов в сторону и вскинул здоровую руку, формируя заклинание. Его лицо заливалось смертной бледностью, на плече пролегли глубокие полосы ран, бледно-голубая рубашка отяжелела, напитываясь кровью.

Сейчас был самый подходящий момент для победы. Сейчас можно было ударить с такой силой, что голова Ардиона покатилась бы по лужайке – тогда отец был бы доволен. Тогда он простил бы Верна и позволил Антии уйти. Тогда Верн встал бы на вершине пирамиды, чтобы встречать падающих таллериек взглядом обоих глаз, наполненных смертоносной лазурью.

– Сражайся, – должно быть, Ардион хотел кричать, но с его губ сорвался только хриплый шепот. Он сам сделал бы именно так – убил Верна, разметал бы его по саду. Тогда отец дал бы ему свободу от иномирнянки, которая в прямом смысле слова свалилась на его голову. – Сражайся!

Верн почувствовал такую жалость и такую боль, что горло стиснуло спазмом. Он даже о своих ранах забыл – пламя, которое их наполняло, потеряло силу и улеглось.

– Я не буду сражаться, – произнес Верн, опустил руки и добавил, не сводя взгляда с лица Ардиона: – Я не буду убивать брата, чтобы потешить бога.

Солнечный Кормчий смотрел неотрывно, и лик его был ясен. Он уже знал, чем все это кончится. Правая рука Ардиона обвисла плетью, и лазурный шар заклинания, который клубился на его левой ладони, все никак не мог обрести форму.

– Он никогда не насытится, – продолжил Верн, глядя брату в глаза. – Ему всегда будет недостаточно. Ты все еще хочешь кормить его тьму своей душой?

Голова отца едва заметно дрогнула – он бросил взгляд в сторону дворцовых ступеней, и Верн увидел, как по ним спускается Антия. Такая же белая и неживая, как Ардион, она делала шаг за шагом – как кукла в балагане, которую ведет хозяин.

Лефер, должно быть, предполагал, что она не вернется. Что никто из них не вернется. Сейчас отец поднимет руку, и здесь останется только пепел.

За спиной охнул голем. Микелла на его плече разразилась нервным писком.

Жемчужина на груди Антии наливалась пульсирующим серебряным светом, словно в ней зарождалась звезда ярче любого солнца. Верн подумал, что это подарок гарвелина привел иномирянку сюда.

Одолеть врага? Исцелить друга?

Верн почувствовал, как боль покидает спину, которую расплосовали когти сипухи. Раны затягивались. Он взглянул на Антию: ее глаза были темными и неживыми, словно мутное стекло. Ему казалось, что за этой мутью поднимается ледяная вода. Настоящая Антия была не здесь. Солнечный Кормчий издал негромкий странный звук, и Верн с ужасом понял, что отец смеется.

Он слышал смех отца пять с половиной лет назад, за мгновение до того, как корона слетела с его головы, и сипуха бросилась в бой.

Там, где только что шла Антия, вдруг поднялась волна. Вздрыбились до небес, хлестнула по облакам и с грохотом обрушилась к ладье. Мир наполнило ревом шторма. От солнечного утра не осталось и следа. Удар был таким, что деревянное крошево веером разлетелось по сторонам. Сад смело, дворец рассыпался на кирпичи, как игрушечный; захлебываясь соленой водой, Верн пытался взлететь и не мог.

Кругом была вода – она нещадно била, тащила, швыряла все, что попадалось на ее пути. Там, где только что был отец, разлился нестерпимо яркий свет и погас. Солнечного Кормчего нельзя убить – но сейчас сила, заключенная в жемчуге, сумела пусть на время, но сокрушить его.

«Жемчуг, да, – подумал Верн, отчаянно пытаясь схватиться хоть за что-нибудь. – Все порождения морей и вод подчиняются Кракелю».

Мимо пролетела Микелла – мышь верещала, размахивая лапками, и сгнула в мутной воде. Верн рванулся вверх, увидел, как Ардион пытается плыть и гребет одной рукой, – и тогда тьма окутала его и смяла. Последним, что увидел Верн, был алый край отцовского плаща – сброшенный, ненужный: вот он вздымается пузырем, наполненный водой, и опадает. А потом стало совсем темно.

Он опомнился, когда понял, что уже не барахтается на волнах, а идет – по дороге, выложенной шестиугольными мраморными плитами. Повязка сползла с глаза; механически вернув ее на место, Верн поморгал и увидел прямо перед собой громадину пирамиды.

Аш-Нанзунд? Но как?

Пирамида была беломраморной с золотой вершиной и сверкала на солнце так, что было больно смотреть. Кусты роз рядом с ней цвели так пышно, что казалось, будто основание пирамиды утопает в крови.

Верн обернулся. Антия лежала на дороге, и от ее тела расплывалось грязное мокрое пятно. К плечу прилип растрепанный розовый бутон. Голем пытался подняться и снова падал. Крошечное тельце Микеллы распласталось чуть в стороне, но она была жива: белый животик поднимался и опускался.

Они живы. Верн нахмурился, просчитывая ситуацию: жемчужина гарвелина выпустила волну и проколола пространство, сработав как зеркало: выбросила их прямо к пирамиде Аш-Нанзунд. Что бы они, интересно, делали, если бы Антия не наступила на осколок на поле диких зеркал и не провалилась к Дохлому морю?

Верн усмехнулся, а затем рассмеялся. От пирамиды к ним уже бежали жрецы, все были вооружены кривыми боевыми мечами, и Верн почти почувствовал, как лезвие отделяет его голову от тела.

Он вскинул правую руку, указал на повязку и прокричал:

– Вы видите, кто я?

Первые бегущие остановились, едва не упав. Верн с облегчением заметил, что жрецы опустили мечи. Вот и отлично: народ в Арх-Амане всегда был мирным и спокойным, и с ним можно было вести любые разумные переговоры.

– Вы слышали о том, что Солнечный Кормчий повержен? – спросил Верн. Должно быть, бомба, взорванная в пирамиде, напугала бы жрецов меньше: кто-то ахнул и зажал ладонью рот, кто-то провел пальцами по лбу, отгоняя тьму. Теперь должен был появиться тот, с кем придется говорить дальше, и он выступил вперед – высокий, смуглый, тощий, словно щепка. Почему-то Верн подумал, что этот жрец с трудом переносит жару.

– Мы видели вспышку на месте его ладьи, – произнес жрец. – Тонкий, ослепительно яркий луч, который поднялся до небес. Солнечный Кормчий пал?

Верн кивнул. Отца невозможно было убить, волна лишь разрушила ладью и налила соленой воды ему в рот, но жрецы об этом не знали, и Верн понимал: опомнившись, Солнечный Кормчий бросится сюда. У него ведь не одна ладья.

И лучше им к этому моменту оказаться как можно дальше от пирамиды.

– Скажи, филин, что теперь будет с миром? – Голос жреца дрожал, словно тот готов был расплакаться.

Верну захотелось рассмеяться. Оставалось блефовать – в тюрьме он отлично постиг это искусство.

– Я знаю, как спасти Ашх-Анорн и поднять Солнечного Кормчего, – произнес он, чеканя каждое слово. – Мне нужен свиток Ауйле и проход в пирамиду.

Он боялся, что жрец махнет рукой, отправит воинов в атаку и опять придется снимать повязку с глаза – но жрец лишь кивнул и сделал шаг в сторону.

– Идите, – глухо произнес он. – Пирамида в вашем распоряжении.

– Кракен победил?

Под щекой Антии было что-то твердое и холодное. «Я лежу на полу, – подумала она. – Надо встать».

Но решить оказалось гораздо проще, чем сделать. Тело ощущалось мокрым, тяжелым и чужим, тело не слушалось, и Антия, дернувшись, неловко обмякла на полу.

Ее тотчас же подхватили, куда-то понесли. Она слышала торопливый топот множества ног, тревожное эхо, что отражалось от стен, далекие голоса. Грудь пекло в том месте, где раньше была жемчужина.

– Наводнение? Потоп? – спросил незнакомый голос.

– Нет, – ответил Верн, и Антия обрадовалась. Он жив, все хорошо, они спасены! – Нет, но нам нельзя терять время. Только возвращение свитка Ауйле и демоницы на родину спасет Ашх-Анорн.

– А вы? – спросил кто-то другой, очень молодой, дрожащий от страха и растерянности.

– Я тоже уйду и больше не вернусь. Все будет хорошо, но надо спешить.

Чьи-то пальцы дотронулись до ее лица, поднимая веки. Антия увидела прямо над собой растрепанную голову Осборна – лицо голема

было украшено некрасивыми потеками, вода размывала глину, и теперь Осборн выглядел так, словно надел маску. Из-за его плеча выскользнула Микелла, встревоженно посмотрела на Антию и пискнула.

– Жива? – спросил голем, и Антия смогла улыбнуться.

– Жива... – выдохнула она. – Поставь меня, я могу идти.

Осборн подчинился, осторожно опустил ее на розовато-белый мрамор пола. Антия увидела стены, колонны и статуи, мрамор и золото, испуганных людей в сине-золотых одеяниях, которые смотрели на нее так, словно она могла разрушить все одним движением пальца. Верн, который уже успел пройти вперед, недовольно обернулся:

– Ну что вы там?

– Идем, – ответила Антия и заковыляла за ним, опираясь на руку Осборна. Слабость, которая наполняла ее тело, утекала с каждой секундой – скоро она сможет идти нормально.

– Мы в пирамиде? – шепотом спросила Антия. Осборн кивнул, и она вдруг поняла, что ему грустно. Антия, Верн и Микелла уйдут в другой мир, а он останется тут совершенно один, рабом и глиняной игрушкой людей.

– Да, – кивнул Осборн. – Сам не знаю, как так вышло. Волну помнишь?

– Помню. Вернее... – Антия замялась. Все, что случилось в саду, вспоминалось, словно мутный, болезненный сон: вот Ардион велит ей оставаться у входа во дворец, вот Солнечный Кормчий, равнодушный и прекрасный, спускается со своей ладьи, а вот и Антия сбегает по ступенькам, и жемчужина на ее груди становится все горячее. – Все как будто ненастоящее.

– Если бы оно было ненастоящее, мы бы уже умерли, – хмуро заметил голем, и в это время все остановились. Из бокового коридора вынырнул один из жрецов, который держал в руках золотой тубус, и Антия почувствовала, как волосы зашевелились на голове. От тубуса веяло такой силой и властью, что душа почти отторгалась от тела, трепетала и кричала от боли, смешанной с непереносимым восторгом.

Какой смелой была избранная, которая украдала свиток! Возможно, она что-то знала об Ашх-Анорне и надеялась, что не умрет и сможет использовать реликвию в новом мире. Верн осторожно принял тубус, и один из жрецов спросил:

– И что теперь?

– Теперь нам нужен выход из Аш-Нанзунда, – ответил Верн. – Скоро Солнечный Кормчий будет здесь, и вы убедитесь, что мир устоял.

Антия сомневалась, что Солнечный Кормчий обрадуется потере такого сокровища, но жрецы лишь кивнули и расступились, давая им дорогу. Верн махнул им с големом рукой и почти бегом бросился вперед.

Она почти видела, как огромная ладья Солнечного Кормчего нависает прямо над пирамидой, – он прилетел уже не смотреть, а расправиться с ними. И тотчас же в памяти проплыло лицо дяди Бриннена, их крошечный домик с запахом кофе и приправ, улицы, по которым бегала Антия, выполняя задания Данка Джаккена.

Все это вдруг оказалось совсем рядом. Ее путешествие не подходило, *летело к концу – Антия поняла это только теперь.*

Воздух пах ладаном и чем-то еще – тьмой, земной твердью, огнем. Антия бежала за Верном через залы и коридоры, мимо статуй воинов в высоких шлемах и с копьями в руках и ярких фресок с танцующими девушками, но перед ней, словно наяву, плыли родной город, садики и парки, набережная, дядя Бриннен, поющий о солдатах в плену. Несколько минут назад она была пленницей во дворце Ардиона – и теперь наконец-то мчалась к свободе.

Думал ли гарвелин, как его подарок поможет Антии и Верну?

– Я с вами! – прокричал Осборн. – Верн, пожалуйста! Можно мне с вами?

Они выбежали в огромный зал, озаренный светом хрустальных люстр, и Антия увидела ступени, которые утекали во мрак.

– Можно, – ответил Верн. – Я тебя там прикрою.

Ладья Солнечного Кормчего разворачивалась над пирамидой, ища место для посадки. Чужая воля давила на плечи Антии, издали доносились звонкие крики жрецов, увидевших лик разъяренного божества.

Пощадит ли он тех, кто позволил Верну сбежать? Вряд ли! Антия слышала крики и топот множества ног: жрецы и воины бежали, чтобы остановить их.

Антия рухнула во тьму, как в ледяную воду. Фонарей им, конечно, не дали, но от тубуса в руках Верна сочился слабый свет, и можно

было не бояться падения. Антия держала Осборна за руку, отсчитывая ступени, как будто впереди ее снова ждал тайник с оружием и одеждой: сто пятьдесят, сто пятьдесят один, сто пятьдесят два...

В груди задрожала боль, словно натянулась невидимая нить, которая соединяла Антию с Ардионом. Кажется, Осборн что-то почувствовал, потому что сжал руку Антии и спросил:

– Все хорошо?

– Да, – кивнула она, слыша едва уловимый звон: нить натянулась, и чьи-то невидимые пальцы пробежали по ней. «Вернись, – прозвучал в ушах Антии призрачный голос, – вернись и умри!»

Пирамида содрогнулась, и она поняла: Солнечный Кормчий вошел в зал и увидел ступени. Верн обернулся, и в слабом свете тубуса Антия увидела, что он улыбается.

– Не бойся, – произнес оборотень. – Он и шагу сюда не сделает. Есть тьма, которой боятся даже боги.

– Хотелось бы верить, – откликнулась Антия, и в тот же миг ее дернуло назад с такой силой, что тело развернуло на ступенях. Осборн подхватил ее, не давая упасть, и пирамиду накрыл рев, от которого каждый камешек в ней пришел в движение.

Осборн рванул Антию за руку и помчался вниз, только чудом не падая со ступенек. Микелла на его плече даже пищать не могла, лишь тряслась от ужаса, цепляясь коготками за рубашку. Антию охватила такая жуть, что она перестала думать, перестала чувствовать, только считала: двести пятнадцать, двести шестнадцать... Гнев Солнечного Кормчего грохотал над ними, пирамида тряслась, и сквозь ее дрожь проступал знакомый шум: тысячи голосов вопили от боли, пытаясь пробиться сквозь толщу земли.

Потом Антия увидела, как прямо перед ними разлился серебряный свет, – и рухнула в него следом за Верном.

Потом она летела через слои молочного тумана, голова была пустой и свободной, и боль в груди с каждой минутой становилась все тише. Кто-то стирал и страх, и надежды, и горе – Антия падала сквозь туман и знала, что возвращается домой.

Когда она поняла, что уже не падает, а идет, рев за ее спиной и хор умирающих смолкли. Мир погрузился в густую тишину, и их шаги казались кощунством – никто никогда не шел этой дорогой, никто никогда не поднимался к пятну света над камнями.

– Мы пришли? – спросила Антия. Остановившись, она принялась тереть глаза, словно пыталась счистить с себя память об Ашх-Анорне. – Мы вернулись?

– Вернулись, – откликнулся Верн таким странным голосом, будто пытался сдержать слезы. – Мы в Таллерии.

Он стоял чуть поодаль, глядя по щеке юную девушку с длинными белыми волосами – они смотрели друг на друга и не могли насмотреться. Осборн держался в стороне, словно боялся спугнуть что-то очень хрупкое и важное.

– Это Микелла, – произнес Верн. – Как я и говорил... заклятие спало в другом мире.

Микелла улыбнулась и, посмотрев на Антию и Осборна, сказала:

– Спасибо вам! – Голос был сиплым, и, откашлявшись, Микелла пожаловалась: – Кажется, я разучилась говорить.

– Научишься, – с улыбкой ответила Антия. – Пойдем?

Все в ней сейчас кричало и пело, все рвалось вперед, к выходу, к Белым воротам – Антия знала, что дядя Бриннен ждет ее там. Возможно, стража уже услышала их голоса. Кажется, Верн тоже подумал об ожидающих их воинах, потому что нахмурился и сообщил:

– Я поставлю дополнительную защиту. Вдруг они начнут стрелять?

Вскоре Антия почувствовала легкое дуновение ветра, которое принесло тонкий запах ландыша. Верн довольно кивнул и сказал ей:

– Тебе лучше идти впереди. Это ведь ты избранная дева, а не мы.

Она согласилась и уверенно зашагала по тонкой тропе, петлявшей среди каменных глыб. Кто и когда проложил ее? Может, проползали те горожорцы, о которых рассказывал Осборн? Антия поднималась все выше и вспоминала Ашх-Анорн: пустошь с оправами разбитых диких зеркал, башни Древов, гарвелина и бегемотов, холмеца, который пел свои песни бок о бок с сородичами. Чем дальше она шла, тем сильнее казалось, что все это было во сне: и тень Кракена на горизонте, и двуглавая птица, и добрый коряжник.

Она возвращалась домой. Нить, которая соединяла ее с Ардионом, разорвалась.

Вскоре пятно света обрело форму – Антия увидела стройные очертания белых ворот и услышала негромкие голоса стражи. Она

обернулась: Верн, Осборн и Микелла остановились, глядя на нее с теплом и любовью.

– Иди, – негромко сказал Верн. – Пора домой, Антия.

Дальше она двигалась почти бегом: тропка стала дорогой, вымощенной неровными каменными плитами. Вот и выход. Вот и двое стражников: сидят, вытянув ноги, на скамье, положив рядом церемониальные пики, разговаривают.

– Говорю тебе, мерещится, – услышала Антия. – В горах такое бывает. Кто-нибудь, прости Небо, присядет под кусток, так его аж на другой стороне слышно.

– Ну вот не знаю, – хмурился второй. – Мне кажется, что это были шаги.

Антия вышла из тьмы в полосу света, что падала снаружи, и стражник поперхнулся словами. Оба уставились на нее, разинув рты. Кажется, она слышала, как стучат их сердца и бегают мысли.

– Ах ты ж... – пробормотал первый стражник: поднялся, схватил пику, направил на Антию. – Ты кто?

– Я Антия Корр вин Фалан, избранная дева Таллерии, – произнесла она и сама удивилась тому, насколько гордо прозвучали эти слова. – Я спустилась к Великому Киту из пирамиды Ауиле и вернулась из Белых ворот.

Стражник выронил пику. Оба мужчины рухнули на колени так быстро, словно их ударили по ногам.

– Святая! – прошептал один из стражников. – Дева, которую благословило Небо!

– Встаньте, – приказала Антия, чувствуя, что с каждой минутой становится все больше похожа на мать. – Я вернулась от Великого Кита и хочу забрать корону моего отца.

Она вышла из Белых ворот, и стражники двигались за ней почетным караулом. Солнце мягко плыло к закату – чуть в стороне Антия увидела молитвенную плиту, украшенную цветами: под ней сидели нищие в разноцветном тряпье, и какие-то женщины в белых накидках паломниц ставили длинные красные свечи возле плиты и негромко молились. Дорога убегала к крошечному поселку: отсюда Антия видела россыпь домишек под черепичными крышами и тонкий шпиль храма.

Таллерия. Это была Таллерия, и ее принцесса наконец-то вернулась домой.

– Антия! – услышала она. Дядя Бриннен, который сидел рядом с плитой, поднялся и бросился к ней – и вот тогда броня спокойного достоинства треснула, и Антия обняла его и разрыдалась так, как плакала только в детстве, когда они жили в трущобах на окраине и каждую ночь ей снились кошмары.

Она мельком подумала, что среди паломниц и нищих наверняка есть люди короля Эвиона и сейчас они начнут пальбу. Это ведь не стражники, чьи церемониальные пики никому не принесут вреда: те, кого сюда мог отправить Эвион, вооружены по последнему слову техники. Но ничего не случилось: видимо, владыка был твердо уверен в том, что от Великого Кита не возвращаются, и радовался, что окончательно избавился от проблемы.

Что ж, его ждет сюрприз.

– Антия, маленькая моя, – Старый инвалид тоже плакал, глядя ее по голове. – Девочка моя, вернулась...

Паломницы и нищие опустились на колени и уткнулись лбами в землю. Стражники застыли, словно каменные изваяния, и ветер трепал кисточки на их пиках.

Обернувшись в сторону Белых ворот, Антия увидела, как из них выскользнули едва различимые серые тени: Верн уводил сестру и голема.

Х

Королева

– Ну новый дом мне сразу выделили. Недалеко от набережной, с садиком, со слугами. Пенсия теперь как у министра. Записали на замену протезов, но я сразу же уехал из столицы к Белым воротам. Так что пока на старых ногах попрыгаю, – и дядя Бриннен рассмеялся и похлопал себя по правому протезу.

Весть о том, что Антия вернулась из подземелья, разлетелась по всей Таллерии за несколько часов. Когда она, дядя Бриннен и паломники спустились в поселок, то местный телеграфный аппарат уже дымился, передавая информацию в прессу. Дядя Бриннен подготовился, усадив на телеграфе своих приятелей с военных времен: теперь, когда все газеты Таллерии получили шокирующую новость о возвращении избранной девы, правду уже нельзя было скрыть.

Антии казалось, что она слышит шелест газет, выползающих из станков. Вот мальчишки в полосатых курточках бегут по улицам городов, продавая желтые листки: Антия Корр вернулась от Великого Кита, Антия Корр хочет получить корону своего отца. Владыка Эвион в ярости – он меряет шагами тронный зал и понимает, что проиграл.

Все, что он имел, утекало из рук, и Эвион ничего не мог с этим поделать.

– А владыка знает, что ты уехал? – спросила Антия. Решив не отправляться в дорогу на ночь глядя, они с дядей Бринненом остались в номере гостиницы для паломников: перед тем как закрыть дверь, Антии пришлось благословить всех жителей поселка.

Дядя Бриннен махнул рукой.

– Конечно, знает. Ну я, признаться, крепко запил, когда тебя увезли в пирамиду. Так, что это было похоже на горячку или бред. Рехнулся от горя старый инвалид, ничего не поделаешь. – Он рассмеялся, и в его глазах сверкнули слезы. – Небеса великие и всемогущие, ты вернулась!

За окном шумел народ: сегодня поселок не сможет заснуть. Да что поселок, сейчас кричит и волнуется вся Таллерия – люди выходят на

улицы, говорят, удивляются. Новость о возвращении избранной девы выбила у всех почву из-под ног.

– Кажется, самое страшное начинается только теперь, – сказала Антия. – Эвион не отдаст мне корону, дядя Бриннен. Он держится за нее обеими руками.

Старый вояка понимающе кивнул. Антия посмотрела во тьму за окном и продолжала:

– А самое страшное даже не это. Самое страшное то, что Великий Кит однажды снова начнет просыпаться. И к нему опять отправят избранных дев, и кто-то на месте владыки Ардиона превратит их в камень.

Что-то дрогнуло в груди, словно знакомый голос окликнул Антию издалека. Она даже обернулась: нет, никого. Наверное, Ардион умер после удара волны – Антия не знала, почему так боялась думать об этом.

Он не дал ей замерзнуть в ледяном поднебесье. Он приоткрыл перед ней свою душу – и там нашлось место не только для тьмы. Он был... нет, она больше не будет вспоминать.

Он был. Вот и все.

– И я ничего не смогу с этим сделать, – глухо проговорила Антия. – Потому что...

Она осеклась, не зная, что еще можно сказать. В дверь легонько постучали, и в номер заглянул Верн. Он успел умыться и причесаться, новая повязка сменила потрепанный лоскут на правом глазу.

– Мы тут втроем дальше по коридору разместились, – сообщил он, войдя и обнявшись с дядей Бринненом. – Ну как ваши дела?

Антия не нашлась, что ответить, зато дядя Бриннен произнес:

– Она изменилась, Верн. Повзрослела.

Верн расхохотался.

– Ну еще бы она не повзрослела после всего этого! Что не спите? Ночь на дворе.

Антия пожалала плечами. Ей казалось, что теперь она никогда не сможет заснуть.

– Беседуем, – улыбнулся дядя Бриннен. – Завтра в столицу. Как думаешь, на нас не упадет какая-нибудь дрянь по пути?

Верн прищурился и извлек из кармана полупрозрачный квиток телеграммы.

– Лефер, главный жрец пирамиды Ауйле, едет сюда, – ответил он. – К утру прибудет.

– Хочешь сказать, мы можем на него рассчитывать? – скептически осведомился дядя Бриннен. Улыбка Верна сделалась еще шире.

– Почему бы и нет? Больше никто не спешит защитить нас.

Лефер появился ранним утром: когда жрец вышел из мобиля, Антия убедилась, что он провел ночь без сна. Лицо его было серым и осунувшимся: увидев, что Антия смотрит на него в окно, Лефер махнул рукой и быстрым шагом двинулся к дверям. Кто-то из паломников попытался было ухватить его за край мантии, но охрана многозначительно опустила руки на дубинки, и паломник счел за лучшее отступить подальше.

– Я не уверена, стоит ли ему доверять, – пробормотала Антия. Верн ободряюще сжал ее руку.

– Я тоже не уверен. Но давай попробуем.

Дядя Бриннен ничего не сказал: он сидел в углу и смотрел так, что было ясно – он готов на все, чтобы защитить Антию, и она в очередной раз подумала, насколько сильно благодарна ему за эту постоянную поддержку.

– Где Ардион? – спросил Лефер, войдя в комнату и не утруждая себя приветствиями. – Он должен был пойти с вами.

Верн усмехнулся – очень кривой неприятной усмешкой, у Антии даже холодок по спине пробежал. Сунув руку за шиворот, он извлек золотой жреческий медальон на цепочке и поинтересовался:

– Примерно там же, где и твой жрец. Я нашел его тело на пустоши, он погиб от отдачи после магического ритуала.

Лицо Лефера дрогнуло: Антия знала, что люди с такими лицами готовы на все – они будут убивать, рвать врагов голыми руками, только чтобы выплеснуть свою ярость. А Лефер сейчас был по-настоящему разъярен.

Но жрец пирамиды Ауйле, который отправился в Ашх-Анорн?

– Я предлагала ему пойти со мной, – сказала Антия. Они едва успели избавиться от проблем и врагов, и теперь не время было

заводить новых. – Он отказался. Сейчас... – Антия сделала паузу, собираясь с духом. – Сейчас я не чувствую связи между нами. Я думаю, он умер.

Лефер опустился на край кровати. Уткнулся лицом в ладони так, словно оплакивал лучшего друга или родственника. Верн снял с шеи подвеску, покачал ее на цепочке перед жрецом.

– Зачем ты все это затеял? Я знаю, что ты отправил в Ашх-Анорн своего человека, чтобы обряд соединил Антию и моего брата. У меня свои соображения, но я хочу услышать тебя. Так зачем?

Антия обнаружила, что стоит с открытым от удивления ртом. Вот, значит, чья это была работа... Лефер отвел руки от лица и молниеносным движением выхватил медальон из пальцев Верна.

– Свиток Ауyle. Я чувствую, что он здесь, – произнес жрец и приказал: – Отдайте.

Медальон скользнул в складки рукава, как живое существо, которое хотело спрятаться. Верн усмехнулся и плавно провел ладонью по воздуху, словно гладил невидимое животное. Золотой тубус выпал на колени Лефера – жрец сжал его так, словно он мог растаять в любой момент. Кажется, сейчас это было единственным, на что он мог опереться.

– Я выполнила нашу часть договора, – напомнила Антия. – А вы?

Лефер кивнул.

– В тебе течет серебряная кровь королей, – промолвил он и качнул свитком в ее сторону. – Если бы ты и сын Солнечного Кормчего соединились, это изменило бы наш мир. Ваша сила была бы так велика, что вы смогли бы навсегда остановить Великого Кита. Больше никаких землетрясений, никаких дирижаблей, никаких девушек в подземелье. Тихий, стабильный, спокойный мир, и вы с Ардионом, правители светлые и мудрые. Ваши потомки правили бы вечно.

На мгновение Антии показалось, что пол под ней пришел в движение. Остановить Великого Кита? Она зажала рот ладонями, потом опустила руки, потом снова подняла их к лицу, словно пыталась удержать нечто невидимое.

– Я же не знала, – прошептала она, чувствуя, как по щекам бегут слезы. – Почему ты ничего мне не сказал?

Лефер скрутил с тубуса крышку, и на его ладони выпал тонкий золотистый свиток, исписанный мелкими красными буквами. В

воздухе отчетливо повеяло лавандой, и Антия ощутила, как невидимая рука убирает ее беспомощность, стыд и опустошенность.

– «Дева королевской крови ничего не должна знать о своем пути и долге. Нить, что соединит ее с Солнцем, выведет из тьмы их обоих», – прочитал Лефер. Посмотрел на Антию с разочарованием и сочувствием – это было так больно, что Антии хотелось зажмуриться. – Видишь? Твой удел – незнание.

К лицу прилила краска. Тело сделалось каким-то чужим.

– Он был в отчаянии, – прошептала Антия. Кажется, только вчера она стояла во дворце Ардиона, только вчера говорила с ним, не зная, что он способен спасти ее мир, – и теперь все это в прошлом и словно происходило вечность назад. – Я пыталась уговорить его пойти с нами, но он отказался. А теперь...

Верн вопросительно поднял левую бровь.

– Не знал, что ты хотела получить Ардиона в нашу компанию.

– А что мне оставалось делать? Он не мог причинить мне вред – мы связаны так, что это убивало его самого, – Антия сделала паузу: вспомнилась жрица, которая пыталась превратить ее в камень, и кровь, что полилась по лицу Ардиона. – Но теперь его нет. Все было напрасно.

Какое-то время все они молчали. С улицы доносились голоса: там собирались люди, которые хотели увидеть вернувшуюся избранную деву. Если бы она восстала из мертвых, зевак было бы и то меньше.

– Ты мог бы рассказать мне, – наконец произнес Верн. Лефер хмыкнул. Убрал свиток в тубус, закрыл крышку.

– Ну конечно. И ты бы радовался как ребенок. Брат, который лишил тебя руки, теперь будет жить в твоём новом доме. Вот счастье-то, правда?

Верн угрюмо кивнул. Антия посмотрела в сторону дяди Бриннена, который за все это время не произнес ни звука, и вдруг успокоилась. Она с неожиданной четкостью поняла, что все было сделано правильно. Та буря, которая поднялась в ее душе, утихла и улеглась.

– Если бы ты знал, каким на самом деле был владыка Ардион, – сказала она и сама удивилась тому, как ровно звучал ее голос. Вспомнилось поле разбитых зеркал, а затем вокзал, скамейка, ветка в

руке владыки, – то ни за что не позволил бы ему появиться в Таллерии. Нет. Ни за что. Нашему миру не нужно такое зло.

Лефер посмотрел так, словно хотел услышать что-то другое. Соединяя сына Солнечного Кормчего и бывшую принцессу Таллерии, он наверняка рассчитывал, что Антия проникнется к владыке Ардиону нежными чувствами.

Кого он видел в ней? Юную глупышку? Что ж, пускай. Сейчас это уже не имело значения. Антия понимала, что Лефер готов не сражаться, а взаимодействовать. Нельзя было упускать момент – надо закрепить успех.

Отец гордился бы ею. И мама тоже.

– Я понимаю, что тобой движет, – продолжала Антия. – Ты хочешь спасти наш мир. Тебе больно отправлять новых девушек на смерть, потому что ты не злой человек. И власть тебе нужна только для того, чтобы все это остановить. А ты думал, что с тобой будет, когда Великий Кит окончательно прекратит движение? Кому тогда вообще понадобятся жрецы?

Лефер сощурился.

– Я вижу, Антия, что у тебя есть предложение, – произнес он. – Какое?

– Верн, скажи, – Антия посмотрела на оборотня так, словно его ответ мог изменить всю ее жизнь. – Ты понимаешь принцип работы диких зеркал? То, как получается переход?

Верн кивнул.

– Да, – ответил он, и его лицо едва заметно дрогнуло. – Отец рассказывал мне. Я бы в принципе мог вырастить такие зеркала в Таллерии. Подсолнухи могут подойти.

Антия представила огромное поле зеркал, которое растет перед въездом в столицу, разворачиваясь за солнцем. Ей вдруг стало очень-очень легко.

Больше ни одна девушка не станет каменной статуей в Ашх-Анорне. Больше никто не умрет в подземелье, и Антия знала, как это сделать.

– Мы разместим два таких зеркала в пирамиде Ауylie и в пещере у Белых ворот и настроим их друг на друга, – продолжала Антия. – Все девушки, которые спустятся в подземелье, выйдут возле Белых ворот. Обряд будет соблюден, Великий Кит успокоится, и никто не погибнет.

Дядя Бриннен смотрел на Антию с гордостью и надеждой. Лефер задумчиво потер подбородок.

– Такого раньше не было, – протянул он.

– Да, – согласилась Антия. – И никто не возвращался, а я вернулась. Мы попробуем.

– И избранные девы станут просить все, что их душенька пожелает? – скептически осведомился Лефер.

– Ну и что они могут попросить особенного? – подал голос Верн. – Новый дом, бриллианты и жениха? Принц Валер тратит на фавориток и цацки намного больше, чем мы можем потратить на избранных дев. А во время подготовки ты просто мягко намекнешь, что именно надо просить. Те травы, которые жгут возле пирамиды, в этом помогут.

Антия согласно кивнула. Она прекрасно помнила, как девушки вдыхали дым с жертвенников и становились тихими и послушными. Такие попросят только то, что им разрешат.

Вот и хорошо. Главное, что все останутся живы.

Лефер поднялся. Глубокая вертикальная морщина прорубила его переносицу, но Антия видела: жрец с ними согласен и теперь думает, как все устроить по-новому.

– Что ж, – кивнул Лефер. – Мы попробуем.

И протянул Антии руку.

Они приехали в столицу на следующее утро. Перед отъездом Антии принесли белое платье, и, переодевшись и посмотрев в мутное гостиничное зеркало, она не узнала себя в стройной девушке, похожей на невесту перед венчанием.

Дядя Бриннен был прав. Она изменилась и повзрослела. Она стала совсем другой.

Антии казалось, что она плывет по шумной цветочной реке. Люди, веселые и нарядные, выходили к дороге, бросали цветы под колеса белоснежного мобиля Антии и протягивали к ней детей для благословения. Играла музыка, всегда разная: то торжественные храмовые гимны, то веселые народные песни. Антии казалось, что

улыбка приросла к ее лицу – и она махала рукой, дотрагивалась до детей, ловила цветы, а когда мобиль останавливался для дозаправки, выходила и обнимала женщин и давала руку мужчинам. Дети застенчиво прикасались к ее одежде, и Антия благословляла их.

В воздухе плыли цветочные лепестки и солнечный свет – и его можно было не бояться.

Столица грохотала музыкой, столица ревела и кричала от восторга. Антия слышала пушечные выстрелы на старой крепостной стене: так всегда приветствовали владык, и она вспомнила рассказ отца о том, как однажды он ехал с охоты, а на стене выстрелили, и лошадь понесла.

– Палят, – заметил Лефер. Антия чувствовала его поддержку и радовалась тому, что сейчас он с ней. – Я все подготовил после того, как ты спустилась в пирамиду. Оставалось привести все в движение, когда ты вернешься.

«Я возвращаюсь домой», – думала Антия. Дядя Бриннен сидел рядом с ней и смотрел с гордостью и любовью. Растрепанная совиная тень плыла по краю дороги. Жизнь открывала перед Антией новые ворота.

Она не думала, что когда-нибудь снова войдет в королевский дворец, тем более не как гостя или посетительница музейной части, а как хозяйка. Площадь Святого Марка перед дворцом была запружена народом. В воздух летели шарики и цветы, спасательный дирижабль был окрашен в красный и синий – цвета нового королевского дома. Антия увидела стройные ряды солдат из столичных полков – они казались игрушечными воинами, которые пришли присягнуть новому владыке.

– С ними тоже поработали, – негромко сообщил Лефер. – Сокращение срока службы с двадцати до десяти лет. Перевод желающих на контракт. Теперь они готовы есть с ваших рук.

– Это я предложил, – подал голос дядя Бриннен. – Им это действительно нужно.

Антия кивнула. Она никогда не думала, что станет королевой, но за годы жизни с дядей Бринненом на столичных окраинах привыкла делать свою работу хорошо. Теперь ей предстояли новые труды – и Антия верила, что у нее все получится.

Недаром же она проделала весь этот путь.

Мобиль сделал круг по площади и въехал в дворцовые ворота. Остановился. Лефер вышел первым, протянул Антии руку, помогая спуститься. Мундиры, ордена, модные женские платья и лица, лица, лица – все это плыло размытыми пятнами, и Антии казалось, что сердце готово остановиться от нетерпения, страха и боли.

Ей не было так страшно даже тогда, когда она вошла во мрак пирамиды Ауйле.

Ей никогда не было так страшно.

Владыка Эвион оделся в черное – его траурный силуэт прорезал пестроту дня, как удар молнии. Он стоял перед ступенями, ведущими во дворец, и золотой обруч короны на подушке, которую он держал в руках, казался наполненным ядом. Лефер повел Антию к Эвиону, и она негромко спросила:

– Мне ждать неприятностей?

Улыбка жреца была ослепительной.

– Не сегодня, ваше высочество, – ответил Лефер. – Сегодня только праздник, мир и любовь. Все счастливы.

Антия улыбнулась в ответ. Жрец подвел ее к ступеням, и столица затихла. Она ощутила эту тишину как прикосновение родительских ладоней к плечам.

«Я победила, – подумала она. – Мама, папа, я победила».

– Кто ты? – спросил владыка так, как требовал обычай передачи короны.

«Я дочь и сестра тех, кого ты убил», – Антия смотрела в лицо убийцы своих родителей и удивлялась тому, что сейчас в ней не осталось ненависти. Страх и волнение были, а вот ненависть ушла. Перед ней стоял немолодой лысеющий мужчина, который все потерял и не в силах был совладать с собой. Все, кто несколько дней назад готов был выполнять его приказы, сегодня отступились от него и готовились служить новой владычице и во всю мочь петь ей хвалебные гимны.

Отец приказал бы задушить его сегодня же вечером.

Он смотрел на Антию, как на призрака.

– Я Антия Корр вин Фалан, принцесса Таллерии, – с достоинством ответила она. – Я спустилась к Великому Киту, прошла дорогами мрака и вернулась у Белых ворот. Я хочу забрать корону моего отца.

Лицо Эвиона едва заметно дрогнуло. Подушка с короной качнулась в руках. Только сейчас Антия заметила его жену, владычицу Тинатин – слуги поддерживали ее, не давая упасть, красное от слез лицо казалось уродливой маской. Принц Валер стоял рядом с матерью: уже, в общем-то, не принц, просто молодой человек, который тоже потерял все и сейчас радовался хотя бы тому, что сохранил жизнь. Пока сохранил.

После церемонии всех их отправят в загородный дворец Вин-вен, где с давних времен содержали государственных преступников. Потом Эвиона ждут суд и казнь, а его семью – вечная ссылка.

– Я признаю волю Неба, – глухо проговорил Эвион и протянул подушку с короной в сторону Антии. – Я отдаю то, что принадлежит тебе по праву.

Он сделал паузу и добавил так тихо, что Антия едва разобрала слова:

– Тебя ждет еще много сюрпризов, дрянь. Ты пожалеешь, что выползла из-под земли.

Лефер, который осторожно снял корону с подушки, нахмурился. Антия беспечно улыбнулась и ответила:

– Я к этому готова. Не волнуйтесь.

Тонкий зубец короны лег на ее голову – и тогда площадь взорвалась восторженными воплями: люди кричали и хлопали в ладоши, люди смотрели в лицо своего чуда и верили, ясно и остро, что теперь все будет по-настоящему хорошо.

Север Ашх-Анорна тонул в антрацитовом холоде полярной ночи. Снежный покров казался ровным, как лист бумаги, на котором еще ничего не написали.

Здесь не было ничего, кроме тьмы и смерти. Солнце никогда не заглядывало сюда. Заснеженные вершины пирамид смотрели в пустоту – когда-то они внушали знобкий ужас тем, кто жил в этих краях и не смел поднять голову перед владыками мира, но теперь о них забыли.

Север тонул в морозной тишине.

Но вот в небо поднялась стая золотых двухголовых птиц, распахнула крылья, и во мраке величаво развернулись красно-синие полотна света. Вот они поплыли, закачались, словно ветер дотронулся до завесы – рассыпались искры, потекли все оттенки розового и зеленого, складываясь в цветы и перья, распускаясь таинственными буквами мертвого алфавита.

«Ты больше мне не сын. Ты разочаровал меня».

Ардион лежал под одной из заснеженных пирамид – живой и неживой, спящий и неспящий. Северное сияние торжественно плыло над ним, и птицы пели, окутывая его серебром своих голосов.

«Я изгоняю тебя на север. Ты никогда не вернешься».

Вот сияние рассыпалось оранжевыми и изумрудными всполохами, словно морозное божество любовалось своей сокровищницей, пересыпая драгоценности с ладони на ладонь. Птицы пели, и песня должна была погружать в сон – но Ардион не спал. Он лежал, вмерзая в лед под пирамидой, и видел черное небо так, словно камень был чистым стеклом.

«Спи, – мягко пропела одна из птиц. – Спи и смотри цветные сны до конца времен. Спать – это тоже счастье. Жить – это тоже милосердие».

Ардион закрыл глаза.

И даже с закрытыми глазами видел: вот мир, лежащий на спине Великого Кита. Вот город, над которым парят дирижабли. Вот дворец и люди перед дворцом.

Вот Антия Корр вин Фалан, владычица Таллерии.

Вот в небе над ней филин с железным крылом.